

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

4

2024

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	ДАНИЛОВ А. Н. – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: a.danilov@tut.by
Заместитель главного редактора	КУЧКО Е. Е. – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: avesol@yandex.ru
Ответственный секретарь	ЩЕЛКОВА Т. В. – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: tanar2002@tut.by

Абдина А. К.	ИТ-университет в Астане, Астана, Казахстан.
Алимбекова Г. Т.	Центр изучения общественного мнения, Алма-Ата, Казахстан.
Безнюк Д. К.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Гигин В. Ф.	Национальная библиотека Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Горшков М. К.	Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Король А. Д.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лапина С. В.	Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мамедов А. К.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Мысливец Н. Л.	Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Нарбут Н. П.	Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
Оюунханд Ш.	Монгольский государственный университет, Улан-Батор, Монголия.
Симхович В. А.	Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Скворцов Н. Г.	Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
Титаренко Л. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т.	Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Филинская Л. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Хуэйжун Ч.	Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	DANILOV A. N. , doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: a.danilov@tut.by
Deputy editor-in-chief	KUCHKO E. E. , doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: avesol@yandex.ru
Executive secretary	SHCHYOLKOVA T. V. , PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: tanar2002@tut.by
Abdina A. K.	Astana IT-University, Astana, Kazakhstan.
Alimbekova G. T.	Center for Study of Public Opinion, Almaty, Kazakhstan.
Beznyuk D. K.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Gorshkov M. K.	Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Hihin V. F.	National Library of Belarus, Minsk, Belarus.
Huizhong Z.	Institute of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China.
Filinskaya L. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karol A. D.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lapina S. V.	Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Mamedov A. K.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Myslivets N. L.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Narbut N. P.	RUDN University, Moscow, Russia.
Oyunhand Sh.	National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia.
Simkhovich V. A.	Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Skvortsov N. G.	Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Titarenko L. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T.	Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

СОВЕСТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА: К 90-ЛЕТИЮ Ж. Т. ТОЩЕНКО

CONSCIENCE OF THE SOCIOLOGICAL COMMUNITY: ON THE 90th ANNIVERSARY OF Zh. T. TOSHCHENKO

Ученому с мировым именем Жану Терентьевичу Тощенко 3 января 2025 г. исполняется 90 лет. Судьба провела этого талантливого человека по самым трудным лабиринтам жизни и всячески испытала его на прочность. Вполне закономерно, что предметом своего интереса классик социологической науки выбрал жизненный мир, таящий множество загадок и вызовов. Можно с уверенностью сказать, что Жан Терентьевич смог достойно ответить на эти вызовы.

Наш юбиляр родился в д. Павловке Климовского района Брянской области в семье сельских учителей Терентия Сидоровича и Полины Кирилловны Тощенко. Отец будущего ученого в сентябре 1941 г. был расстрелян фашистами как участник партизанского движения. В своем интервью в 2007 г. Жан Терентьевич говорил: «Если обобщить мои детские воспоминания об этом периоде жизни, то стоит сказать о трех самых сильных впечатлениях. Первое – это страшная гибель отца как партизана на глазах семьи. Второе – расстрел всех жителей... трех соседних лесных деревень за содействие партизанам. <...> И третье – из нашей деревни ушли воевать 127 мужчин. После войны вернулся в деревню, считая и искалеченных, 21. Поэтому мы, дети и подростки, пахали, сеяли, косили, метали стога и работали на молотилках. Эти мужские крестьянские обязанности мы несли все школьные годы. Помню свой первый заработок за сезон работы: мешок зерна и 220 кг картошки. Школьные годы были такие же, как и у миллионов сельских детей. До 4-го класса я учился в своей деревне, с 5-го пошел в семилетнюю школу в соседней (она была расположена в 2,5 км). С 8-го класса я начал учиться в районной средней школе и три года проходил ежедневно по 16 км (по 8 км туда и обратно). Помимо учебы, которая давалась мне легко, был комсормом

класса, посещал секцию фехтования, писал стихи, рисовал»¹.

После окончания школы в 1952 г. Жан, как медалист, был зачислен на исторический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. За отличную учебу и активную общественную деятельность он был удостоен Сталинской стипендии. Учебе в аспирантуре молодой человек предпочел участие в строительстве железной дороги Абакан – Тайшет, куда он отправился по комсомольской путевке. С 1957 по 1964 г. Ж. Т. Тощенко работал в комсомольских организациях Хакасской автономной области. Затем он перебрался в Красноярск, где трудился первым секретарем Абаканского горкома, первым секретарем Хакасского обкома ВЛКСМ, вторым секретарем Красноярского сельского крайкома ВЛКСМ.

В 1964 г. молодой человек поступил в Академию общественных наук при ЦК КПСС (далее – АОН при ЦК КПСС), где под руководством академика В. Г. Афанасьева погрузился в изучение нового направления в общественных науках – социологии. В 1967 г. Жан Терентьевич защитил кандидатскую диссертацию по проблемам социального планирования. Провести исследование ему позволило сотрудничество с учеными В. Я. Ельмеевым и В. Р. Полозовым, которые подготовили первый в стране план социального развития коллектива. Данный план был составлен и апробирован Ж. Т. Тощенко на московском заводе «Пролетарский труд».

После окончания академии Ж. Т. Тощенко вернулся в Сибирь. В Красноярском государственном университете он инициировал создание социологической лаборатории. Ее сотрудники проводили исследования на крупных предприятиях, таких как

¹Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина (интервью члена-корреспондента РАН Ж. Т. Тощенко доктору философских наук Б. З. Докторову) // Социолог. журн. 2007. № 4. С. 51.

Сибирский завод тяжелого машиностроения, Красноярский алюминиевый завод, Главкрасноярскстрой и т. д. Опыт организации проекта получил признание научной общественности, и Ж. Т. Тощенко пригласили возглавить отдел социологических исследований в АОН при ЦК КПСС. Следует отметить, что в 1973 г. он защитил докторскую диссертацию по теории и методологии социального планирования (его оппонентами выступили Н. А. Аитов, Л. Н. Коган и Г. Н. Волков).

Инициативный социолог с головой погрузился в исследования. С 1975 по 1991 г. он работал в АОН при ЦК КПСС (заведующим отделом, руководителем кафедры, директором центра социологических исследований). С 1992 г. Жан Терентьевич трудился в Российской академии управления, Государственном комитете Российской Федерации по делам федерации и национальностей, Институте социально-политических исследований РАН. В 1995–2019 гг. Ж. Т. Тощенко являлся главным редактором журнала «Социологические исследования». В 1996 г. благодаря усилиям ученого в структуре Российского государственного гуманитарного университета был создан социологический факультет.

Трудности и испытания не сломили Ж. Т. Тощенко, не разрушили сформировавшиеся в его душе принципы и идеалы. Это человек убеждений, лидер не по должности, а по призванию. Его голос можно назвать совестью социологического сообщества. На протяжении всей жизни Ж. Т. Тощенко олицетворяет собой образ подвижника, народника. Он полностью оправдал имя, которым нарекли его родители в честь героя Великой французской революции. Порядочность у него в крови, он не способен на обман, даже под страхом смерти никого не предаст и не отречется от своих идеалов. И, самое главное, Жан Терентьевич надежен в своем бескорыстном служении истине.

Для профессионального сообщества социологов Ж. Т. Тощенко является непреложным авторитетом и живым классиком. В жизни он всего добился сам, проявив терпение и настойчивость. Ему до всего есть дело. Жан Терентьевич отказался от комсомольско-партийной карьеры, чтобы помогать людям, открывать им путь к лучшей жизни, подталкивать их к достижениям. Сама жизнь и есть предмет его постоянного научного интереса.

Даже в период развала СССР и необъявленной люстрации советских кадров (самых достойных увольняли с работы только за то, что они усомнились в либеральных ценностях) Жан Тощенко не сжег партийный билет, не отрекся от своих взглядов, а только еще больше работал. Но это не фанатизм, упрямство или нездоровые амбиции. Это поведение настоящего патриота и ученого, который честным

трудом и недюжинным талантом формирует свою систему знаний. Без аргументов и фактов, просто на веру он не примет никакие доводы. Его можно уволить, закрыть учреждение, где он работает, развалить систему образования, запретить науку, которой он посвятил жизнь, но без доказательств неправоты его сломить невозможно. Именно поэтому преследования в начале 1990-х гг. за твердую позицию, не отвечающую взглядам новой власти, не испугали его. Наоборот, в этот период появилась целая серия работ Ж. Т. Тощенко о власти, парадоксальном человеке, кентавризме, фантомности в современном обществе, социологии жизни. Недавно увидели свет его фундаментальные работы о советской действительности и о том жизненном мире, который мы так бездарно потеряли.

Почти четверть века Жан Терентьевич был редактором первого советского профессионального журнала «Социологические исследования». В этот период он преодолел немало преград на своем пути. Возглавив научный совет Отделения общественных наук РАН «Новые явления в общественном сознании и социальной практике», Ж. Т. Тощенко возродил издание серии книг «Новые идеи в социологии».

Жан Терентьевич – участник многих международных социологических конгрессов, автор более тысячи научных публикаций, в том числе около 30 монографий, учебников, учебных пособий. Он активно готовит кадры высшей научной квалификации, читает лекции во многих университетах. Социолог удостоен золотой и серебряной медалей имени Пилигрима Сорокина и премии имени М. М. Ковалевского.

Собранность, спокойствие и внутренняя сила Ж. Т. Тощенко поражают. Он искренен и доброжелателен, внимателен к собеседнику, немногословен и не способен на лукавство. Поддерживает молодых и словом и делом, учит их на своем примере. Уверены, что в день славного юбилея Жан Терентьевич может гордиться своим прошлым и настоящим. А будущее – за учениками, которые, верится, достойно продолжат дело своего учителя.

Дорогой Жан Терентьевич, примите от белорусских социологов самые теплые поздравления по случаю Вашего 90-летия! Хотим выразить Вам слова искренней благодарности за Ваш весомый вклад в развитие отечественной социологической науки и образования, неустанный подвижнический труд, понимание и поддержку. Ваши научные работы давно стали надежным компасом для всех социологов. Желаем Вам здоровья, счастья, благополучия, новых творческих свершений и побед! С юбилеем, дорогой Жан Терентьевич, наш учитель, товарищ и друг!

А. Н. Данилов²

²Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Science of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social science, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

УДК 316.34

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПЕРИОД СССР И В ГОДЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Ж. Т. ТОЩЕНКО^{1), 2)}

¹⁾Российский государственный гуманитарный университет,
пл. Миусская, 6, 125993, г. Москва, Россия

²⁾Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, 117218, г. Москва, Россия

Аннотация. Прослеживается сложный и противоречивый процесс формирования инженерно-технической интеллигенции в период СССР. Анализируется взаимодействие данной социальной группы и государственной власти в советское время и в годы современной России. Показывается, как происходил переход от противоречивых отношений государственной власти и инженерно-технической интеллигенции к их сотрудничеству. Исследуется процесс формирования новой советской интеллигенции. Акцентируется внимание на политике советских властей по отношению к данной социальной группе, а также на изменениях, происходивших в сознании и поведении ее представителей. Анализируются попытки сотрудничества инженерно-технической интеллигенции и государственной власти, а также ошибки и просчеты в их взаимоотношениях. Делаются выводы о роли технических специалистов в экономике современной России.

Ключевые слова: инженерно-техническая интеллигенция; общественный договор; государство; политическая власть; формы взаимодействия.

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 23-18-00093).

Образец цитирования:

Тощенко ЖТ. Государственная власть и инженерно-техническая интеллигенция в период СССР и в годы современной России: от противостояния к сотрудничеству. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;4:6–21.
EDN: SFCWJT

For citation:

Toshchenko ZhT. State power and engineering and technical intelligentsia in the period of the USSR and in the years of modern Russia: from confrontation to cooperation. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;4:6–21. Russian.
EDN: SFCWJT

Автор:

Жан Терентьевич Тощенко – доктор философских наук, член-корреспондент Российской академии наук, профессор; заведующий кафедрой истории и теории социологии социологического факультета¹⁾, главный научный сотрудник²⁾.

Author:

Zhan T. Toshchenko, doctor of science (philosophy), corresponding member of the Russian Academy of Sciences, full professor; head of the department of theory and history of sociology, faculty of sociology^a, and chief researcher^b.
zhantosch@mail.ru

STATE POWER AND ENGINEERING AND TECHNICAL INTELLIGENTSIA IN THE PERIOD OF THE USSR AND IN THE YEARS OF MODERN RUSSIA: FROM CONFRONTATION TO COOPERATION

Zh. T. TOSHCHENKO^{a, b}

^aRussian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Square, Moscow 125993, Russia

^bFederal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,
24/35 Krzhizhanovskogo Street, 5 building, Moscow 117218, Russia

Abstract. The author traces the complex and contradictory process of formation of the engineering and technical intelligentsia during the USSR period. The interaction of this social group and the state authorities in Soviet times and in the years of modern Russia is analysed. It shows how the transition took place from the contradictory relations of state power and engineering and technical intelligentsia to their cooperation. The process of formation of the new Soviet intelligentsia is investigated. Attention is focused on the policy of the Soviet authorities in relation to this social group, as well as the changes taking place in the consciousness and behaviour of its representatives. Attempts at cooperation of the engineering and technical intelligentsia and the state authorities are analysed, as well as mistakes and miscalculations in their relationship. Conclusions are drawn about the role of technical specialists in the economy of modern Russia.

Keywords: engineering intellectuals; social contract; state; political power; forms of interaction.

Acknowledgements. The study was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation (grant No. 23-18-00093).

Введение

Накануне Октябрьской революции инженерно-техническая интеллигенция в России была немногочисленной, но обладала значительной социальной силой. В 1913–1914 гг. доля специалистов с высшим и средним специальным образованием составляла 190 тыс. человек (1 специалист на 837 работающих жителей России). По сравнению с 1887 г. этот показатель значительно вырос. Так, в 1887 г. насчитывалось 87 тыс. специалистов с высшим и средним специальным образованием. При этом в 1913 г. в Москве и Петербурге было сосредоточено 30,5 % всех инженерно-технических работников государства. В 1923 г. численность специалистов инженерно-технического профиля (включая мастеров и их помощников) составляла 46 502 человека, в том числе 7880 инженеров. Большое число специалистов с инженерным образованием состояли на государственной службе.

Преобладающая часть представителей российской инженерно-технической интеллигенции разделяла идеи демократического преобразования государства. Однако на последующих исторических этапах их общественно-политические позиции характеризовались неопределенностью. Путь эволюции взглядов данного социального слоя был достаточно противоречивым. Стремясь сохранить верность профессиональному долгу, интеллигенция по-разному относилась к изменениям, происходящим в социуме, особенно в условиях создания новой советской общности инженерных кадров и их участия в строительстве социалистического государства. На данном пути были не только достижения и свершения, но и просчеты и ошибки. При этом отношение советской власти к инженерно-технической интеллигенции не отличалось однозначностью.

Социально-политические ориентиры инженерно-технической интеллигенции в годы революционных изменений

После падения царизма в 1917 г. многие представители инженерно-технической интеллигенции пришли к осознанию, что завершилась эпоха и предстоит продолжать свою деятельность в новых обстоятельствах. Произошло размежевание интеллектуальных сил, которые по-разному видели будущее российского общества: первые высказывались за необходимость решения экономических и социальных проблем, вторые настаивали на политическом преобразовании страны, третьи полагали, что

только добросовестное выполнение профессионального долга может обеспечить эффективность любых преобразований.

В данный период каждая политическая сила российского общества предлагала свое видение целей и средств демократического переустройства государства. В политическом поле выделялись правая партия крупной буржуазии (октябристы), правая партия промышленной и финансовой бюрократии (кадеты), а также три левые партии (эсеры, меньшевики

и большевики). В калейдоскопе общественно-политических ориентиров произошло разделение инженерно-технической интеллигенции на группы, которые участвовали в деятельности указанных партий. Кратковременность существования Временного правительства не позволяет определить вклад этих групп в дело революционного переустройства общества. Кроме того, большинство представителей интеллигенции ориентировались на выполнение своего профессионального долга как главной обязанности в жизни.

В октябре 1917 г. перед инженерно-технической интеллигенцией был поставлен принципиально новый вопрос, касающийся ее отношения не только к демократическим изменениям, но и к социалистическим идеям и, соответственно, к советской власти. Произошло очередное размежевание рядов инженерно-технических работников. Первые шаги советской власти во взаимоотношениях с данной социальной группой характеризовались противоречивостью. Привлечь интеллигенцию к участию в построении нового государства оказалось сложной задачей. В революционных преобразованиях были задействованы лица, которые заняли откровенно враждебную властям позицию, что вылилось в вооруженную борьбу. Некоторые представители инженерно-технической интеллигенции свое несогласие с политикой государства выразили в акциях. Отчасти это привело к эмиграции, объем которой, по ориентировочным подсчетам, составил в 1921 гг. около 1,5 млн человек (из них в начале 1920-х гг. вернулись 300 тыс. человек) [2].

Преобладающая часть инженерно-технической интеллигенции придерживалась нейтральной или выжидательной позиции, но под влиянием событий (гражданская война, национализация предприятий и т. д.) постепенно стала приобщаться к обеспечению работы действующих фабрик и заводов, а в дальнейшем и к восстановлению разрушенных или остановленных производств. Со временем многие представители инженерно-технической интеллигенции включились в созидательные процессы, которые привлекали их в первую очередь возможностью применить профессиональные знания и принять участие в решении оригинальных технико-технологических задач.

В годы гражданской войны некоторые представители советской власти пришли к рациональному решению – установить контакт с инженерно-технической интеллигенцией и привлечь ее к строительству нового общества: «Мы не можем строить власть, если такое наследие капиталистической культуры, как интеллигенция, не будет использовано» [3, с. 223].

Подобная политика предполагала несколько направлений. Во-первых, в годы гражданской войны инженеров и техников привлекали в основном для выполнения задач по поддержанию национализированных предприятий в рабочем состоянии и по

передаче специальных навыков вновь назначенным руководителям из числа сторонников советской власти. Во-вторых, с началом реализации новой экономической политики стало очевидно, что восстановление народного хозяйства после гражданской войны является невозможным без массового привлечения технических специалистов, которые могут обеспечить функционирование тех или иных производств. Возглавили этот процесс те большевики, которые сами вышли из интеллигентской среды. Г. М. Кржижановский, один из руководителей Высшего совета народного хозяйства СССР (ВСНХ СССР), с отличием окончил Санкт-Петербургский технологический институт. Л. Б. Красин, нарком торговли, а затем нарком путей сообщения, получил инженерное образование в Харьковском технологическом институте. Нарком финансов Г. Я. Сокольников, при котором рубль (червонец) стал твердой валютой, имел юридическое и экономическое образование. А. В. Луначарский, нарком просвещения, получил образование в Цюрихском университете. Огромный вклад в восстановление и развитие народного хозяйства внес А. И. Рыков, выпускник Казанского университета. Он занимал посты заместителя председателя, а затем председателя Совета труда и обороны РСФСР, заместителя председателя СНК РСФСР. Немало инженерно-технических работников было среди руководителей экономических ведомств, ВСНХ СССР и его филиалов, а также промышленных производств.

В указанный период основная часть инженерно-технической интеллигенции была представлена выпускниками учебных заведений царского времени. Большинство из них являлись выходцами из бывших эксплуататорских страт – буржуазии, дворянства, чиновничества, священнослужителей и т. д. Иначе говоря, основную их массу составляли «буржуазные спецы», или «попутчики». Многие из них продолжали занимать выжидательную позицию, но постепенно в их среде становилось все больше тех, кто соглашался работать на хозяйственных объектах и в соответствующих органах управления. На пути рационального использования опыта технических работников серьезным препятствием для государственной власти была их политическая и идеологическая установка. Так, данную социальную группу квалифицировали как «непролетарский слой» со всеми вытекающими ограничениями и притеснениями. Эффективному включению представителей инженерно-технической интеллигенции препятствовал тот факт, что часть из них была поражена в правах, прежде всего в избирательных. Ситуация изменилась лишь в 1936 г., с принятием новой конституции.

Поворот в отношениях к техническим работникам произошел благодаря политической позиции В. И. Ленина. Он считал, что коммунизм можно построить «только из человеческого материала, созданного капитализмом, ибо нельзя изгнать и уничтожить

буржуазную интеллигенцию, надо победить, переделать, переварить, перевоспитать ее, как перевоспитать надо в длительной борьбе, на почве диктатуры пролетариата, и самих пролетариев, которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению Божией матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями» [4, с. 101].

Но даже в ограниченных условиях большинство представителей инженерно-технической интеллигенции стали сотрудничать с советской властью, полностью или частично приняв ее позицию. Об этом свидетельствовала ситуация как в верхних эшелонах власти, так и на низовых ступенях складывающейся политической, экономической и социально-культурной иерархии. Основную массу сотрудников не только наркоматов, но и губернских и уездных органов власти, а также большинство руководящих кадров в экономике и культуре составляли специалисты, вышедшие из царской России.

Возобновление сотрудничества с теми, кто профессионально мог осуществлять техническую и технологическую деятельность, заключала в себе попытку обратиться к принципиально иному решению экономических проблем. Переход к реализации новой политики на производстве обозначился уже в 1920 г. Несмотря на издержки, ошибки и просчеты, общественный договор с инженерно-технической (и одновременно с научной) интеллигенцией стал налаживаться. О его успешности свидетельствует создание в 1920 г. такого впечатляющего проекта, как Государственная программа по электрификации России (ГОЭЛРО). Проект не только обладал научно-техническими достоинствами, но и предоставлял возможность качественно изменить повседневную жизнь людей посредством электрификации. Актив-

ное участие в реализации программы приняли инженеры. Так, под их руководством и с их участием были введены в эксплуатацию Каширская ГРЭС и Волховская ГЭС. После были открыты 10 гидроэлектростанций и 20 теплостанций. План ГОЭЛРО был выполнен к 1931 г., что позволило СССР занять третье место в мире по выработке электроэнергии (после США и Германии)¹. Выполнение программы показало, что намерения советской власти не расходятся с делом. Данные выводы в известной мере смогли опровергнуть мнение английского писателя-фантаста Г. Уэллса, который побывал в СССР и встретился с В. И. Лениным. После встречи Г. Уэллс заявил, что осуществление подобных проектов в России можно представить себе только с помощью сверхфантазии [5]. Но факты – упрямая вещь: если в 1917 г. в стране было 75 электростанций, то в 1927 г. их было уже 858; в 1917 г. текущее потребление электроэнергии составило 622 кВт · ч, в 1927 г. данный показатель достиг 10 тыс. кВт · ч; в 1917 г. не было ни одного обслуживаемого сельскохозяйственного поселения, а в 1927 г. насчитывалось 89 739 таких объектов². План ГОЭЛРО перечеркивает множество догм о пороках плановой экономики, а также ставит под сомнение возможности «невидимой руки рынка». Более того, программа не была просто экономическим проектом – она решала и такую социальную и политическую проблему, как привлечение квалифицированных инженерных кадров к выполнению задач по строительству новой экономики.

Процесс взаимодействия инженерно-технической интеллигенции с советской властью проходил неоднозначно и противоречиво. Несмотря на серьезные издержки в ходе такого сотрудничества, государство и технические специалисты стремились к совместному решению вопросов, особенно касающихся производства³.

Поиски баланса интересов инженерно-технической интеллигенции и советской власти в годы новой экономической политики

Опыт разработки такого грандиозного плана, как ГОЭЛРО, и первых шагов по его реализации послужил ключевым фактором для начала участия инженерно-технической интеллигенции в общественном договоре. Технические специалисты восприняли программу как возможность быть причастными к разработке и реализации впечатляющих технических решений. Данное обстоятельство обеспечило социальную ориентацию технической интеллигенции на сотрудничество с советской властью. В то же время государство отвергало ультрареволюционные и негативные оценки «буржуазных спецов» и де-

монстрировало свою позицию по их привлечению к решению актуальных задач (например, восстановление народного хозяйства).

Ситуация в экономике была сверхсложной. Промышленное производство сократилось в несколько раз. Из-за недостатка топлива и сырья даже ведущие заводы, например Путиловский завод и Обуховский завод в Петрограде, прекратили свою работу. Многие шахты и рудники (в Сибири, на Донбассе и Урале) были затоплены или разрушены. На 30 железных дорогах было полностью прекращено движение. Общую обстановку усложняли голод и эпидемия тифа.

¹План электрификации РСФСР. М. : Госполитиздат, 1955. 660 с.

²Попов В. Покушение на ГОЭЛРО // Лит. газ. 2015. № 51.

³Савин И. В. Социокультурный облик российской интеллигенции в годы гражданской войны: 1917–1920 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2006. 17 с.

Тем не менее инженерно-технические работники активно включились в решение создававшихся проблем. Эффект их участия не заставил себя долго ждать. Уже в 1927 г. объем выпуска продукции тяжелой индустрии, не превышавший в 1920 г. 13 % довоенного объема, превзошел его. Годами наиболее интенсивного роста в тяжелой промышленности были 1923, 1925 и 1926 гг. Оживление стало происходить и в сфере железнодорожного транспорта, которая в 1920–1921 гг. была почти парализована. Легкая промышленность демонстрировала еще более высокие темпы роста, чем тяжелая промышленность. Мобилизация инженерных кадров позволила достичь довоенных показателей в сфере производства энергии и добыче топлива уже к 1929 г. Именно при активном участии инженеров был приведен в действие новый механизм функционирования народного хозяйства. Следует отметить, что его становление происходило в сложных условиях, с допущением множества ошибок, которые нередко становились основанием для обвинений во вредительстве и в нанесении ущерба социалистическому строительству [6].

Постепенно менялись и мировоззренческие установки инженерно-технической интеллигенции. Все больше специалистов уходило от нейтрализма, мимикрии и конформизма и адаптировалось к новым условиям, руководствуясь профессиональными ценностями без политической оценки власти, на которую они работали. Происходило осознание безальтернативности выбранного курса. Под влиянием идей «сменовеховцев» многие представители инженерно-технической интеллигенции выступили за сотрудничество с новой политической властью. В ходе неофициальной беседы властей с 230 инженерами в 1922 г. были получены следующие данные: 46 человек выразили к советскому правительству безразличие, 28 человек – сочувствие, 12 человек – враждебность, а 110 человек оказались «сменовеховцами» [7].

Изменения во взглядах и поведении инженерно-технической интеллигенции были замечены и осознаны государством. С марта 1920 г. в отношении специалистов стали применять практику премиальных систем и иных дополнительных вознаграждений, которые гарантировали получение высоких окладов. В августе 1921 г. в особом декрете было отмечено, что для инженерных и технических работников должны быть созданы благоприятные юридические, научные и материальные условия, которые позволят им сплотиться с рабочим классом. Инженерно-технические работники в своих правах были приравнены к рабочим. До начала реализации новой экономической политики инженер жил немногим лучше, чем малоквалифицированный рабочий (в основном потому, что рабочий получал лучший паек). В октябре 1923 г. премиальные выплаты были объединены в сравнительно четкую схему персональных окладов и премий за выполнение специальных заданий. Быстро рос и максимальный уровень заработ-

ной платы, положенной высококвалифицированным «спецам». На VI Всесоюзном съезде профессиональных союзов СССР (1924) была утверждена шкала выплат специалистам, устанавливавшая чрезвычайно высокие ставки. В результате к середине 1920-х гг., после денежной реформы и стабилизации рубля, разрыв между материальным достатком рабочего и специалиста стал значительным [8, с. 48–50].

Рост заработной платы инженерно-технических работников породил конфликт, с одной стороны, между старой интеллигенцией и рабочими и, с другой стороны, между старой и новой интеллигенцией, коммунистами. Заработная плата последних была ограничена партмаксимумом, который представлял собой максимальный месячный оклад, в основном для членов ВКП(б), являвшихся руководящими работниками учреждений и предприятий. Декретом ВЦИК от 23 июня 1921 г. было установлено, что заработная плата ответственных работников не должна превышать 150 % от уровня средней заработной платы в учреждениях и на предприятиях, подконтрольных им. Декрет также ограничивал руководителей в возможности дополнительных заработков.

В результате на предприятиях не редкостью были ситуации, когда заработная плата главного инженера завода (беспартийного) была в десятки раз выше заработной платы директора-коммуниста или партийного инженера-выдвиженца. К тому же многие новые кадры, выдвиженцы, прошли горнило гражданской войны и военного коммунизма и воспринимали новую экономическую политику как возвращение старых порядков, явным олицетворением которых являлись дореволюционные инженеры. В свою очередь старые инженеры не всегда были готовы подстраиваться под новые условия. Они неохотно посещали общественные мероприятия и собрания, считая их пустой тратой времени, при этом новые выдвиженцы и рабочие, наоборот, считали подобные мероприятия завоеванием революции и инструментом демократии. Отношения между дореволюционной интеллигенцией и представителями новой советской интеллигенцией, особенно с выдвиженцами, обострились. Группу выдвиженцев обычно составляли рабочие и (или) мастера, являющиеся членами большевистской партии и проявившие себя на производстве. Однако они не обладали необходимым багажом знаний, а их искренние желания осуществить задания не всегда совпадали с возможностями. Реальная жизнь показала, что именно из них выросли будущие успешные руководители производства. Для них была создана обширная сеть ускоренной подготовки руководящих кадров. Вершиной этой сети была Всесоюзная промышленная академия Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР с несколькими филиалами. Академия считалась высшим учебным заведением, но фактически давала среднее образование, а также элементарные технические знания, необходимые для начальной

профессиональной работы в промышленности. Примечательно, что эта страница в истории СССР вызывает резкую оценку у антисоветски настроенных исследователей. Один из авторов отмечает, что «в период пребывания нашего народа на самом дне исторической пропасти» произошла «кристаллизация новой – люмпенской – элиты, так называемых люмпен-выдвиженцев, которые представляли собой беспринципных карьеристов» (при этом автор говорит, что были и подвижники) [9, с. 139].

Во взаимоотношениях властей с инженерно-технической интеллигенцией начали происходить срывы и ошибки. Их появление объяснялось тем, что планы перехода на новые методы работы и (или) реализация непродуманных задач вызывали возмущения технических специалистов. Это привело к преследованию «буржуазных спецов». Примером может выступить Шахтинское дело. Группа из 53 руководителей и специалистов угольной промышленности СССР, входившая как в ВСНХ СССР и трест «Донуголь», так и в управляющие органы нескольких шахт Донбасса, была обвинена во вредительстве и саботаже. Кроме того, участников процесса – представителей преимущественно старой (дореволюционной) технической интеллигенции – обвинили в создании подпольной контрреволюционной организации, связанной с зарубежными антисоветскими центрами. В результате пять участников этого дела были расстреляны. Остальные фигуранты получили разные сроки наказания. Аналогичные ситуации случались и в других промышленных районах, что серьезно осложняло взаимоотношения сотрудников на многих предприятиях [10].

Не менее резонансным стал судебный процесс по делу Промышленной партии (1930). Группа инженерно-технической интеллигенции была обвинена в создании антисоветской подпольной организации, якобы осуществлявшей акты вредительства и саботажа в транспортной промышленности. Главу «заговора» Л. К. Рамзина, являвшегося профессором Московского высшего технического училища имени Н. Э. Баумана, директором Всесоюзного теплотехнического института, членом Госплана СССР и ВСНХ СССР, инженером и теплофизиком с мировым именем, приговорили к тюремному сроку. В заключении он продолжал исследовательскую работу. В 1936 г. Л. К. Рамзина амнистировали, а в 1943 г. он был удостоен Сталинской премии [11].

Особую страницу в истории общественного договора заняло участие инженерных кадров в совершенствовании трудового процесса на научной основе. Постановка данной задачи была обусловлена необходимостью повысить производительность труда в стране в целях восстановления экономики, разрушенной в военные годы.

Одним из первых теоретиков науки об организации труда в СССР был революционер, врач и директор Института переливания крови А. А. Богда-

нов. В книге «Между человеком и машиной» (1918) А. А. Богданов поставил вопрос об использовании системы Тейлора в научной организации труда, что было продиктовано необходимостью максимально повысить трудоспособность народных масс.

В январе 1921 г. прошла I Всероссийская инициативная конференция, посвященная научной организации труда и производства. В ходе мероприятия были сформулированы задачи и направления работы по научной организации труда в стране, а также предпринята попытка определить степень пригодности методов системы Тейлора для российских условий. Был сделан вывод о том, что подход американского ученого применим в любых общественно-экономических обстоятельствах.

Главным инициатором внедрения идей Ф. Тейлора в России стал А. К. Гастев, который возглавил образованный в 1921 г. Центральный институт труда. Указанный институт занимался разработкой, демонстрацией и пропагандой принципов научной организации труда и подготовки рабочей силы. В учреждении исследовали специфику труда на конкретных предприятиях и разрабатывали производственный баланс, т. е. оптимальный объем работы и количество необходимых для ее выполнения трудовых ресурсов. Главной задачей было овладение этапами современной организации производства (контроль, стандартизация, учет, нормирование, координация).

Иначе, чем А. К. Гастев, к вопросам научной организации труда и управления производством подошел экономист, историк, публицист, автор работ по проблемам организации труда и управления П. М. Керженцев. Он был убежден в необходимости стремиться не только к количественному росту производительности труда, но и к увеличению его интенсивности. Большое внимание П. М. Керженцев уделял использованию организационных методов (подбор и использование работников, соблюдение ими дисциплины, учет и контроль показателей их деятельности). При этом идеи П. М. Керженцева по поводу интенсификации труда критиковали за то, что они не учитывают пределы возможностей человеческого организма, противоречат принципам гуманизма и являются несовместимыми с ценностями нового строя.

В свою очередь О. А. Ерманский под научной организацией труда понимал систему, основанную на тщательном соблюдении производственного цикла. Особое внимание он уделял методам изучения затрат рабочего времени и рационализации трудовых процессов. Цель организации труда, по мнению ученого, состоит в распределении работников таким образом, чтобы усилия одного были согласованы с усилиями всех остальных.

Идеи по указанному вопросу были развиты в предложениях такого представителя инженерной мысли, как А. И. Журавский. Перспективы технического развития промышленности в стране он видел в темпах роста производительности труда. Основными

недостатками существующей организации труда А. И. Журавский называл простои и недоиспользование оборудования, а также применение рабочей силы не в полном объеме. Основными средствами повышения производительности труда теоретик считал проведение электрификации и создание крупного промышленного производства [12].

Особое место в обосновании теории научной организации труда заняли конструктивисты (их иногда называли производственниками). Главные апологеты советского конструктивизма В. Е. Татлин, А. М. Родченко и А. М. Ган исходили из того, что настало время социально-целесообразного и все должно быть осмыслено технически и функционально. В 1922 г. с докладом о принципах биомеханики выступил В. Э. Мейерхольд. Ученый был убежден в том, что воспитание движений – это дорога к воспитанию точной работы мозга⁴. В Центральном институте труда, организованном А. К. Гастевым, была открыта лаборатория биомеханики.

Привлечение инженерной интеллигенции к решению экономических вопросов в значительной степени способствовало тому, что уже к 1925 г. экономика страны достигла довоенного уровня и даже превзошла его. Это был невиданный в мире успех в преодолении разрухи, прежде всего в сфере промышленности. Но, самое главное, основные группы интеллигенции стали сторонниками социалистических преобразований, что послужило основой для решения принципиально новых задач, связанных с подготовкой и проведением индустриализации страны, а затем и первых пятилетних планов по развитию народного хозяйства.

В 1920-х гг. советская власть предпринимала активные усилия по созданию советской инженерной интеллигенции. Учреждения образования перешли к экстенсивному развитию высшей школы, в том числе к выпуску инженеров. Был увеличен набор по подготовке именно этой группы специалистов. К 1925 г. были созданы Московский горный институт, Тбилисский политехнический институт, Военно-воздушная академия, а также технические факультеты в структуре Среднеазиатского университета. Ряд существовавших вузов были преобразованы в инженерные учреждения. Новые советские вузы (Московский химико-технологический институт, Ленинградский институт точной механики и оптики, Московский текстильный университет, Казанский политехнический университет) были созданы на основе крупных средних технических учебных заведений, обладавших богатой материально-технической базой [13]. Вместе с тем определяющей тенденцией развития инженерной подготовки в 1920–30-х гг. были ускоренная подготовка кадров и прикладной харак-

тер обучения за счет упрощения учебного процесса и внедрения небесспорных методов обучения вроде коллективно-бригадной ответственности, отмены экзаменов и других форм контроля за качеством учебы.

В 1930 г. была проведена реформа, которая окончательно сломала дореволюционную структуру технического образования. В основе реформы лежало постановление ВСНХ СССР, которое обязывало ликвидировать старые институты, а на базе их факультетов, кафедр и школ образовать отраслевые учебные заведения, которые будут находиться в ведении хозяйственных наркоматов и осуществлять выпуск узких специалистов по сокращенной программе. Ускоренная подготовка технических специалистов привела к постепенному формированию советской технической интеллигенции, которая изначально была ориентирована на социальный контракт с Советским государством. Потребности в обеспечении промышленной политики в период начавшейся индустриализации восполнялись не полностью, поэтому еще в сентябре 1927 г. на I Всесоюзном совещании по профессиональному техническому образованию при ВСНХ СССР были сформулированы задачи по подготовке квалифицированных специалистов инженерно-технического профиля. Планировалось нарастить число инженерных вузов, увеличить финансирование технического образования, улучшить материальное положение студентов, обеспечить вузы преподавателями, углубить общенаучную подготовку, укрепить связь учебной работы с производством.

Следствием принятых мер стало то, что 1930-е гг. стали периодом бурного роста численности вузов, прежде всего технических. Так, если в 1928 г. в стране было 32 технических вуза, то в 1932 г. их насчитывалось уже 268. В 1940 г. в советских вузах технического профиля обучалось свыше 600 тыс. студентов, что было больше, чем в вузах Англии, Франции, Италии, Японии и Германии в совокупности. Происходила коренная перестройка системы высшего образования в СССР.

При этом в 1920-х гг. наблюдалась тенденция к дискредитации старой инженерной интеллигенции и беспрецедентному снижению ее социального статуса. В ходе репрессий и травли «спецов» во второй половине 1920-х гг. многие инженеры стали объектом насмешек и даже преследования. Но уже в конце десятилетия начался медленный, но верный процесс частичного возвращения положительной репутации инженера и восстановления более традиционного для России подхода к инженерному образованию. Заметную роль в этом процессе сыграло знаменитое письмо ведущих советских ученых в области механики и прикладной математики в редакцию газеты «Правда» в 1938 г. Авторы письма под

⁴Курдюкова Д. Искусство в массы // Независимая газ. : сайт. 2008. 1 апр. URL: https://www.ng.ru/culture/2008-04-01/12_art.html?id_user=Y (дата обращения: 21.08.2024).

многозначительным заголовком «Нужна высшая политехническая школа» указывали на насущную потребность в подготовке инженеров-исследова-

телей, инженеров-ученых, соединяющих в себе совершенное знание той или иной отрасли техники с глубоким физико-математическим образованием⁵.

Формы участия инженерно-технических работников в общественном договоре в годы первых пятилеток

Результаты изменений во взаимоотношениях властей и инженерно-технической интеллигенции были скорыми. Особенно заметными они стали в ходе разработки и реализации первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. Перед страной была поставлена задача чрезвычайной важности: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [14, с. 39].

Задача догнать и перегнать западные страны стала официальным лозунгом, который использовался повсеместно. Продукция многих заводов, в частности станки, выпускалась с нанесением этого девиза. Основная задача первого пятилетнего плана была нацелена на создание базы тяжелой промышленности. Фактически первая пятилетка была погоней за количеством. Были построены металлургические заводы в Челябинске (1929), Магнитогорске (1929), Новокузнецке (1932) и Керчи (1930), введены в строй завод «Запорожсталь» (1933), Сталинградский (1930) и Харьковский тракторный заводы (1933), Нижегородский автомобильный завод (1932), заводы «Ростсельмаш» (1929) и «Уралмаш» (1933), Московский шарикоподшипниковый завод (1932). Был построен Беломорско-Балтийский канал, вошла в строй Туркестано-Сибирская магистраль. В 1932 г. заработала Днепровская ГЭС.

Первая пятилетка фактически заново создала целые сегменты промышленности: автомобильную, авиационную, станкостроительную, тракторную, металлургическую, химическую и др. Это позволило Советскому Союзу заложить фундамент для экономического развития страны. Данная историческая цель была достигнута усилиями рабочих, большинство из которых в недавнем прошлом были крестьянами, практически не имевшими никакой квалификации. В немалой мере выполнение грандиозных планов по развитию экономики осуществлялось тремя группами инженерно-технической интеллигенции. Первую группу представляла так называемая старая интеллигенция, занимавшаяся творческим, управленческим и технико-технологическим трудом. Большинство представителей именно этой группы интеллигенции приняли условия общественного договора с советской властью. Во вторую группу входила сформировавшаяся в 1920-х гг. новая советская интеллигенция, которая, как нередко говорилось в художественных

произведениях и даже в официальных документах, была рождена из крови и плоти народа и которая вместе с дореволюционной интеллигенцией обеспечивала выполнение планов первых пятилеток (в том числе по реализации уникальных проектов). Третью группу представляли иностранные специалисты, среди которых были те, кто приехал в СССР для сознательного строительства нового общества, и те, кто выполнял контрактные задания по возведению промышленных объектов. Только в 1933–1935 гг. численность иностранных специалистов, работавших на объектах тяжелой промышленности, колебалась в пределах 5,0–6,5 тыс. человек [15; 16].

Если первая пятилетка заложила фундамент для развития народного хозяйства и была ориентирована на достижение количественных показателей, то во второй пятилетке внимание было сосредоточено на качестве, высокий уровень которого достичь можно было только при активном участии инженерной мысли. И эту задумку удалось реализовать. Если с 1928 по 1933 г. рост производительности труда составил 5 %, то с 1933 по 1938 г. данный показатель достиг 65 %.

Главный лозунг третьей пятилетки (она началась в 1938 г., но была прервана войной) содержал задачу догнать и перегнать западные страны по производству на душу населения. Главный упор был сделан на развитие энергетики и химической промышленности. Мерилом успешного завершения пятилетки было увеличение национального валового дохода в два раза. Однако выполнить поставленные задачи помешала война. Вместе с тем были созданы основы для развития военно-промышленного комплекса, а рост промышленности вышел на значение 5–6 % ежегодно. Такие показатели были прямым результатом проведения индустриализации в стране.

Наряду с созданием крупных промышленных объектов были реализованы и менее масштабные, но перспективные проекты. Об этом свидетельствует, например, развитие телевидения. Первые лабораторные телевизоры появились в 1928 г. в Ташкенте. Они были созданы изобретателями Б. П. Грабовским и Н. Ф. Белянским. В 1932 г. в Ленинграде под руководством советского инженера А. Я. Брайтберга было выпущено 20 первых советских телевизоров марки Б-2 размером со спичечную коробку, которые следовало подключать к радиоприемнику. До 1936 г. было выпущено 3 тыс. таких телевизоров. Их цена

⁵История развития высшего инженерного образования в России и Советском Союзе // Студопедия : сайт. URL: https://studopedia.ru/29_6871_istoriya-razvitiya-visshego-inzhenernogo-obrazovaniya-v-rossii-i-sovetskom-soyuze.html (дата обращения: 25.09.2024).

составляла 200 руб. (бешеные деньги для того времени). В 1934 г. появился первый пробный массовый телевизор ТК-1, сконструированный по лицензии американской фирмы RCA. В 1937 г. состоялась первая опытная передача электронного телевидения с Шаболовской телебашни. В 1941 г. в Москве на заводе «Темп» был выпущен телевизор «Москвич-1». Интенсивные инженерные поиски завершились появлением цветного телевизора в 1967 г.

Не менее значимыми стали и другие открытия. Так, 18 апреля 1930 г. произошло испытание работающего на воздушно-бензиновой смеси ракетного двигателя Ф. А. Цандлера. Кроме того, уже в 1933 г. была запущена ракета на жидком топливе. Во второй половине 1930-х гг. в СССР стало осуществляться производство искусственного каучука. В 1935 г. на Кузнецком металлургическом комбинате был введен в строй самый крупный в Европе цех по производству горячего листового проката.

Расширились поиски решений в области ранее не исследуемых сфер жизни человека. В 1932 г. был создан один из первых в СССР природных заповедников – Кандалакшский природный заповедник. В марте 1933 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) о строительстве Московского метрополитена. В 1938 г. закончила свою работу первая полярная станция «Северный полюс-1», дрейф которой длился 274 дня.

Поистине пионерские поиски советские специалисты совершили в архитектуре. Они предложили множество новых методов представления традиционно сложившихся архитектурных форм. Известные эксперты стали говорить о советском стиле в этой области искусства. Начиная с 1920-х гг. идеи советских архитекторов воплотились в попытке сказать новое слово при сооружении таких производственных объектов, как Волховстрой, Днепровская ГЭС, Магнитогорский металлургический комбинат, Сталинградский тракторный завод и др. Одним из новаторов в сфере архитектуры был В. Г. Шухов, который реализовал около тысячи проектов, построил сотни мостов и водонапорных башен. Минарет в Самарканде был восстановлен по его чертежам.

Истинное изобретательство было проявлено в попытках решить вопросы социально-бытового устройства рабочих. Новые идеи, такие как фабрики-кухни или клубы при заводах, сочетали в себе и технические, и социально-эстетические решения. Оригинальные инженерные идеи воплотились в стремлении организовать новый социалистический быт. Так, в создании массовых застроек районных комплексов (так называемых соцгородов), были применены пропагандируемые методы бытоустройства. Эти дома были оснащены всем необходимым – от лифтов до

объектов социального, культурного и бытового назначения.

В указанный период были реализованы уникальные проекты, которые вошли в историю не только отечественной, но и мировой архитектуры. В качестве примера может выступать дом Наркомфина СССР, созданный по уникальному проекту. В духе символизма были построены Институт пчеловодства, имевший форму пчелы, Центральный академический театр Советской армии в виде пятиконечной звезды, «дом-самолет» на Фрунзенской набережной в Москве и т. д. Воплощением сталинского стиля считаются Дом полярников на Никитском бульваре и дом «Полярник» на Садово-Кудринской улице в Москве. Эти объекты предвосхитили появление знаменитых сталинских высоток в послевоенное время, без которых трудно представить облик современной российской столицы⁶.

Большое значение в то время имела пропаганда достижений инженерной мысли и передового опыта. Так, 17 февраля 1935 г. было принято постановление СНК и ЦК ВКП(б) «Об организации Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве» (сегодня известна как Выставка достижений народного хозяйства). Мобилизующую пропагандирующую роль играла работа по превращению каждого производственного события в торжественное мероприятие. Такой подход обеспечивал решение нескольких задач: продемонстрировать впечатляющие достижения, поощрить трудовые свершения, сформировать представления о преимуществах советского образа жизни. Если речь шла о таких исключительных событиях, как, например, открытие Московского метрополитена в 1935 г. (оформление которого не имело аналогов в то время), то они выполняли огромную просветительную функцию. Приведем высказывание одного из делегатов II Всесоюзного съезда колхозников-ударников (1935), звеньевое по фамилии Череповой из колхоза «Путь к рассвету» Курской области: «У меня нет подходящих слов для того, чтобы выразить свой восторг и изумление этим замечательным метро. Метро – это самое замечательное, что я видел в моей жизни»⁷. Несомненно, он делился этой информацией в своем окружении. Таких делегатов были сотни тысяч (в 1930-х гг. проводилось множество встреч, съездов и конференций). Их впечатления формировали фон для убеждения населения в правильности официальной политики и мотивировали желание поддержать ее (а через несколько лет и защитить).

Результаты выполнения планов индустриализации и первых пятилеток говорят о том, что 70 % национального дохода было получено от промышленности. Даже если предположить, что эти значения

⁶Некlessа Р. А. П – значит полярник // Независимая газ. : сайт. 2020. 13 мая. URL: https://www.ng.ru/nauka/2020-05-12/15_7858_architecture.html (дата обращения: 25.08.2024).

⁷Окорков Г. Колхозники теряли дар речи // Вечер. Москва : сайт. 2022. 24 февр. URL: <https://vm.ru/society/949342-kolhozniki-teryali-dar-rechi> (дата обращения: 25.08.2024).

завышены и доля промышленности в национальном доходе составляла 50 %, то в любом случае речь идет о колоссальных цифрах, до которых многим из существующих в то время государств было очень далеко. СССР прошел этот путь всего за 12 лет.

Следует отметить и другие данные, свидетельствующие о скачке экономического развития СССР в те годы. В тот период в эксплуатацию запускали от 600 до 700 фабрик и заводов ежегодно. К 1937 г. рост промышленности в 2,5 раза опережал показатели 1913 г. По объемам промышленности Советский Союз вышел на второе место в мире (в 1913 г. Российская империя занимала пятое место в мире). СССР стал полностью независимым от других стран в военном и экономическом плане. Без этих достижений победить в войне было бы невозможно. С началом первых пятилеток была почти решена проблема безработицы (в 1928 г. она составляла 12 %) [17].

Период 1930-х гг. был временем, когда инженеры жили по стандартам дореволюционной эпохи. Хорошая заработная плата позволяла практически всем представителям старой интеллигенции обращаться к услугам домработниц. Советская власть старалась

обеспечить ту часть интеллигенции, которая служила режиму, лучшими условиями, сопоставимыми с условиями 1913 г. Политика государства по отношению к старой и новой советской интеллигенции стала другой. В ходе принятия новой Конституции СССР в 1936 г. И. В. Сталин отмечал: «Наша советская интеллигенция – это совершенно новая интеллигенция, связанная всеми корнями с рабочим классом и крестьянством. Изменился, во-первых, состав интеллигенции. Выходцы из дворянства и буржуазии составляют небольшой процент нашей советской интеллигенции. 80–90 процентов советской интеллигенции – это выходцы из рабочего класса, крестьянства и других слоев трудящихся. Изменился... характер деятельности интеллигенции. Раньше она должна была служить богатым классам, ибо у нее не было другого выхода. Теперь она должна служить народу, ибо не стало больше эксплуататорских классов. И именно поэтому она является теперь равноправным членом советского общества, где она вместе с рабочими и крестьянами, в одной упряжке с ними ведет стройку нового, бесклассового социалистического общества» [14, с. 124].

Демонстрация и реализация верности инженерно-технической интеллигенции советским властям в годы Великой Отечественной войны

Анализ социального положения инженерно-технической интеллигенции позволяет утверждать, что за годы первых пятилеток общественный договор между политической властью и техническими специалистами укрепился, стал не показным, а реальным. То, что по составу и деятельности большинство представителей интеллигенции стали принципиально иной социальной общностью, в значительной мере разделяющей социалистические цели и идеалы, подтвердили события Великой Отечественной войны.

Вклад специалистов инженерно-технического профиля в перестройку промышленности на новые рельсы и разработку новых видов вооружения был очень весомым. Даже в это тяжелейшее для страны время специалисты думали о перспективах развития военной промышленности. Так, в 1942 г. был учрежден Московский механический институт боеприпасов (с 2009 г. – Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»).

Особенно плодотворным и эффективным оказалось сотрудничество государства с учеными при оснащении Красной армии. Инженерно-техническая интеллигенция воплощала в реальность идеи и разработки советских ученых по всем научным направлениям (от математики до медицины), решая огромное количество чрезвычайно трудных задач, связанных с обеспечением фронта. С. И. Вавилов, президент Академии наук СССР, отмечал спустя годы после войны, что почти каждая деталь военного оборудования, обмундирования, военные материалы,

медикаменты несли на себе отпечаток предварительной научно-исследовательской обработки [19].

Приведем несколько красноречивых примеров. Благодаря усилиям ученого-механика С. А. Христиановича была повышена эффективность действия систем залпового огня – легендарных катюш. И. В. Курчатов и А. П. Александров создали эффективный механизм для защиты советских кораблей от магнитных мин. М. В. Келдыш дал математическое описание флаттера как опасного процесса, ведущего к разрушению самолета. На основании выводов ученого были внесены изменения в конструкцию советских самолетов, что позволило преодолеть барьер на пути развития отечественной скоростной авиации. Н. Г. Четаев смог определить наивыгоднейшую крутизну нарезки оружейных стволов, что дало возможность обеспечить оптимальную кучность боя, непереверачиваемость снаряда при полете и другие характеристики артиллерийских систем. Академик А. Н. Колмогоров, используя свои выводы по теории вероятностей, разработал теорию наивыгоднейшего рассеивания артиллерийских снарядов. В военные годы резко возросла необходимость в производстве жидкого кислорода из воздуха в промышленных масштабах. Это было необходимо, в частности, для производства взрывчатки. Решение данной задачи связано прежде всего с именем выдающегося физика П. Л. Капицы. Разработанная им турбокислородная установка была изготовлена в 1937 г. В начале 1943 г. ее ввели в эксплуатацию.

А. А. Трофимук предложил новую концепцию поиска нефти, которая шла вразрез с господствовавшими в то время геологическими теориями. Благодаря этой концепции было открыто Кинзебулатовское нефтяное месторождение в Башкирии и на фронт бесперебойно пошли горюче-смазочные материалы.

Микробиологом З. В. Ермольевой был разработан пенициллин. Он спас жизни многих красноармейцев, которые умирали не от ранений, а от следовавшего за

ними заражения крови. В полное трудностей военное время были приняты такие перспективные решения, как создание Академии медицинских наук (1944).

Перечень выдающихся достижений советских ученых в военные годы можно продолжить. Уже после войны С. И. Вавилов, президент Академии наук СССР, отмечал, что одним из факторов, обусловивших провал фашистского похода на СССР, была недооценка гитлеровцами советской науки.

Общественный договор советской власти и инженерно-технической интеллигенции в 1950–80-х гг.: от согласия к сомнению

После окончания Великой Отечественной войны инженерно-технические работники активно участвовали в восстановлении предприятий, возрождении городов и деревень. Затем их квалификация и энергия были направлены на реализацию многолетней программы по строительству каскада гидроэлектростанций на реках Волге, Енисее и Ангаре. Инженерная мысль проявила себя при создании новых городов и предприятий, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, а также в строительстве железной дороги Абакан – Тайшет и Байкало-Амурской магистрали. Рабочие и инженеры, возродившие Красноярскую ГЭС, были полны энтузиазма, хотя их деятельность сопровождалась немалыми издержками. Здесь, как и на многих комсомольских стройках, господствовал следующий принцип отношения к молодежи: «Сначала построим завод, а потом будет для вас и жилье, и клубы, и школы, и стадионы, и все, что захотите». В некоторых случаях такое отношение порождало недовольство и даже протест специалистов, но они ни разу не засомневались в том, что им доверено ответственное дело.

Не менее весомым был вклад инженерной интеллигенции, которая трудилась на обычных заводах, нередко в стесненных условиях. Работали они ответственно и интенсивно, проявляя мастерство и настойчивость в решении порученных им производственных заданий.

В эти годы стояли и особые задачи, одной из важнейших среди которых стало создание ядерного оружия. Работа над атомным проектом началась в СССР еще в 1942 г. Американские бомбардировки японских городов в 1945 г. привели к осознанию разрушительного потенциала нового оружия и тех последствий, к которым может привести обладание этим оружием (и особенно его отсутствие). Всего через две недели после дня, когда американский бомбардировщик «Enola Gay» сбросил бомбу по прозвищу «Малыш» на японский город Хиросима, в Советском Союзе был создан специальный комитет, основной задачей которого стало максимально оперативное достижение необходимого паритета с США по ядер-

ному оружию. Организация получила фактически неограниченный доступ к финансовым и человеческим ресурсам. Специалисты мужали в ходе решения задач, которые были неведомы не только в отечественной, но и в мировой практике.

Нечто подобное происходило и на тех предприятиях, где велась разработка космического проекта. Инженеры углубляли свои знания и становились при этом убежденными сторонниками новаторских методов решения возникающих проблем, что подтвердили в дальнейшем своим отношением к наследию отечественной промышленности.

На территории СССР в этот период был создан комплекс так называемых закрытых городов (их было десять), которые укрепляли атомную силу советской страны. В этих городах действовали ограничения по свободному перемещению, но они компенсировались улучшенным снабжением и высоким уровнем социально-бытового и культурного обслуживания. Нередко эти населенные пункты называли примером реализованной утопии советского градостроительства.

Велась невероятно интенсивная и результативная работа по укреплению обороноспособности страны, а также по созданию производственной базы для освоения космического пространства в будущем. Подтверждением способности советских специалистов решать новые научные задачи стало испытание атомной бомбы в 1949 г., а затем и водородной бомбы в 1954 г.⁸ [20].

Не менее впечатляющей была реализация космической программы. Так, 4 октября 1957 г. был осуществлен запуск первого искусственного спутника Земли. Первым человеком в мировой истории, совершившим полет в космическое пространство, стал советский космонавт Ю. А. Гагарин. В ноябре 1970 г. советская станция «Луноход-1» опустилась на поверхность Луны [21; 22].

Внимание интеллигенции было направлено и на решение социальных проблем, что было связано с реализацией крупнопанельного жилищного строительства. В послевоенный период архитекторы работали

⁸Атомный проект СССР : документы и материалы / сост.: Л. И. Кудинова [и др.] ; под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. 1, ч. 1: 1938–1945. М. : Наука, 1998. 431 с.

с особой интенсивностью. Во многих городах ранее оккупированной части СССР приходилось не просто восстанавливать разрушенные здания, а фактически заново отстраивать целые улицы и кварталы, в том числе по уникальным проектам. Некоторые крупные города, такие как Сталинград, Минск, Великий Новгород, в годы войны были почти стерты с лица земли. В основе планов застройки центральной части городов лежал архитектурный стиль, известный как сталинский ампи́р. Ярким его проявлением стали семь высоток, возведенных в Москве. Здания, построенные в стиле сталинского ампи́ра, объединили в себе элементы ренессанса, барокко, позднего классицизма и других архитектурных стилей. Они характеризовались помпезностью и монументальностью. Строения подобного стиля имели четкие пропорции, часто включали в себя колоннады, портики, завершения в виде шпилей, были декорированы барельефами и мозаиками. Примеры подобных архитектурных решений стали символом принципиально нового подхода в строительстве, ориентированного не только на обеспечение практических функций, но и на эстетическое восприятие.

Шло ускоренное развитие инженерных вузов. В 1958 г. было 29 политехнических, 30 машиностроительных, 7 авиационных, 27 горно-металлургических, 18 транспортных, 10 инженерно-химических, 2 метеоролого-гидротехнических и 2 кораблестроительных института, 27 институтов гражданского строительства, 15 электротехнических институтов и институтов связи, 13 институтов рыбной и пищевой промышленности. Они с успехом удовлетворяли потребности народного хозяйства в узких специалистах: в 1989 г. доля инженеров среди лиц с высшим образованием составляла 41,6 %, среди техников данный показатель достигал 45,6 % [23].

Вместе с тем уже созрели объективные и субъективные предпосылки для того, чтобы рациональность и эффективность взаимодействия государства и инженерно-технических работников были поставлены под сомнение.

С середины 1960-х гг., в условиях назревания научно-технической революции, государство планировало проводить принципиально новую экономическую политику. Однако инертность и негибкость властей в управлении экономикой не позволили достичь ожидаемого результата. Низкая оплата инженерного труда привела к широкому распространению добровольного перехода инженеров в рабочие. Авторитет инженерных профессий резко упал, что, в свою очередь, обусловило снижение темпов роста производительности труда и ослабление интеллектуального потенциала страны. Кроме того, многие специалисты испытали разочарование в своем профессиональном выборе и, соответственно, утратили доверие к официальной политике и не выражали особого желания участвовать в решении техноло-

гических и технических проблем. Среди представителей инженерно-технической интеллигенции нарастали скептические настроения, что в будущем обернулось увеличением апатии и аномии по отношению к происходящим в обществе процессам.

Общественный договор между инженерами и властью постепенно стал подвергаться коррозии. Несмотря на то что в начале 1960-х гг. в партийных документах провозглашалось существование общенародного государства, власти продолжали следовать устаревшей теоретической установке на то, что определяющей политической и социальной силой в стране остается рабочий класс. Особенно ярко эта тенденция проявилась в искусственно созданной догме: на трех рабочих, принятых в ряды КПСС, должен приходиться один представитель интеллигенции. В реальности в 1960–70-х гг. коммунистами стремились стать многие представители инженерной интеллигенции, причем в первую очередь те, кто олицетворял лучшую и в профессиональном, и в социально-культурном отношении ее часть. Существование этой догмы привело к появлению различных кадровых приемов, вплоть до временного перехода инженеров на рабочие места. Многие становились карьеристами, для которых партийный билет являлся пропуском на руководящие должности. В таких ситуациях некоторые представители инженерно-технической интеллигенции часто уходили в сторону. Постигшее людей разочарование питало сомнения в справедливости происходящего.

В этот же период произошли изменения в оплате труда. Работа на большинстве инженерных должностей оплачивалась наравне с оплатой рабочих или даже ниже. В 1980-х гг. это соотношение было 1,00 : 1,15 [23]. По данным социологических исследований, в начале 1970-х гг. более 1 млн инженеров перешли на рабочие места. Требовалось кардинальное решение проблем научно-технического прогресса, однако вместо этого власти принимали ложные программы и планы о якобы возможном росте производительности труда путем сокращения среднетехнического и обслуживающего персонала. Но реализация этих мер при прежней организации труда приводила к тому, что в условиях сокращения работников увеличивалась нагрузка на инженеров.

Престиж инженерного труда начал падать, инженеры все чаще задавались вопросом о правомочности существующей структуры отношений как на производстве, так и в обществе [23]. Росли сомнения в правильности экономической политики государства, а затем и в правильности политики КПСС, что вело к отчуждению инженерно-технической интеллигенции от интересов общества.

С началом перестройки установки указанных слов стали более позитивными и отражали надежду на коренное изменение ситуации. Причем эта надежда касалась не только личных интересов: у инженерной

интеллектуальной еще сохранялась вера в возможность сочетать удовлетворение собственных и общественных интересов.

Однако ситуация в стране с каждым годом ухудшалась. Инженерно-техническая интеллигенция начала распадаться на группы. Некоторые ее представители пытались приспособиться к зарождающимся рыночным отношениям. Другие предпочли уйти в новые сферы деятельности, которые казались им привлекательными. Но все же большинство ин-

женеров и техников продолжали работать на предприятиях, пытаясь адаптироваться к новым реалиям и продолжая надеяться, что государство сможет преодолеть трудности. Поэтому большинство из них, как и весь советский народ, проголосовали в марте 1991 г. за сохранение СССР в обновленном виде. Однако надежды людей были обмануты – их ждало не совершенствование социалистических отношений, а реставрация капитализма со всеми вытекающими последствиями.

От ликвидации социальной общности инженерно-технической интеллигенции до попыток ее возрождения

После начала рыночных реформ инженерно-техническая интеллигенция столкнулась с крахом надежд. Многие специалисты лишились работы без перспектив найти новое место. Достаточно сказать, что за период приватизации в частные руки было передано более 44 тыс. хозяйственных единиц. Через несколько лет было закрыто около 30 тыс. из них. Огромное количество не только рабочих, но и инженеров стали лишними в своем обществе. Они были выброшены из той колеи, которую сознательно выбрали.

В условиях продолжительного спада в промышленности многие инженеры, технологи и конструкторы были вынуждены переквалифицироваться и стать менеджерами, продавцами, специалистами по логистике, маркетингу и т. д. Престижность технических профессий падала, их труд оплачивался низко. Наблюдалось снижение количества абитуриентов, поступающих на инженерно-технические специальности [24].

Подобное отношение к инженерно-технической интеллигенции сложилось во многом и из-за официальной неолиберальной установки: в СССР слишком много интеллигенции, при этом она малоэффективна и ее вклад в экономику незначителен [25]. Но куда было пойти инженерам и техникам, которые в начале 1980-х гг. выпускали на советских заводах 78 тыс. станков, большую часть которых закупала даже ФРГ, а в 2015 г. их было выпущено около 4 тыс.?

Армия инженерно-технической интеллигенции стояла перед трудноразрешимой проблемой: куда идти и как строить свое будущее? Жизнь разделила инженеров и техников по нескольким направлениям. Некоторым из специалистов удалось приспособиться к рыночным отношениям, заняться бизнесом, приобрести новые навыки. Другим пришлось осваивать производственные функции на менее престижных, не соответствующих полученной специальности, но востребованных рабочих местах (например, быть охранниками, специалистами сферы услуг или даже «челноками»). Кто-то пытался переквалифицироваться, что нередко было очень сложным делом, осо-

бенно в моногородах. Стоит упомянуть и попытки инженеров применить свои знания и умения за рубежом, что оказалось не таким привлекательным, как на первый взгляд. Подобное разочарование отразил в своем романе «Скитания» Ю. В. Мамлеев, в 1974 г. эмигрировавший в США, а спустя время вернувшийся на родину. Жизнь тех, кто уехал за свободой творчества в Америку, он описывал следующим образом: «Разочарование (или прозрение) наступает довольно быстро: вся вожденная творческая, и особенно политическая независимость – мираж, фантом, иллюзия даже в такой стране, как Америка... где властвуют деньги и еще раз деньги... Разочарование никуда не девается, дополняясь ностальгией. Оставленная родина предстает как оплот духовности»⁹.

Несомненно, разрыв сотрудничества государства и инженерно-технической интеллигенции имел серьезные социальные последствия. Во-первых, произошло снижение и даже утрата интеллектуального потенциала. Это проявилось во многом, в том числе в том, что объем внедрения инноваций в России, по сравнению с СССР, сократился в семь раз. Напомним, что ежегодно в Советском Союзе публиковалось 50 тыс. авторских свидетельств на изобретение, принципиально новые технические и технологические разработки, при этом 90 % авторов были из РСФСР. Примерно такие же показатели были и в США¹⁰.

Во-вторых, многие инженеры и техники ушли из общественно-политической жизни, перестав идентифицировать себя с политическими партиями и движениями и сфокусировали свое внимание только на профессиональных обязанностях. При этом они не утратили свои мировоззренческие ориентации, что проявилось во время избирательных кампаний.

В-третьих, из-за снижения престижа профессии инженера и техника в течение многих лет инженерные вузы комплектовались менее успешными абитуриентами, в результате чего качество подготовки выпускников этих учреждений существенно снизилось.

⁹Рычкова О. Стихи для тараканов // Независимая газ. : сайт. 2022. 17 нояб. URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2022-11-16/9_1152_poetry.html (дата обращения: 01.09.2024).

¹⁰Кириенко Ю. Рационализаторы и изобретатели в СССР // Лит. газ. 2015. № 38.

В-четвертых, материальное положение этих групп профессий стало ухудшаться, особенно в государственном секторе экономики. По официальным данным, оплата труда инженера в авиационной промышленности в 2016 г. находилась на 37-м месте в иерархии заработных плат.

Безусловно, такое положение инженерно-технической интеллигенции не способствовало укреплению общественного договора, породило в ее сознании сомнения в правильности рыночных реформ и, как следствие, стремление вернуться к позитивному советскому опыту при всех его недостатках.

Просчеты и провалы во взаимоотношениях политических властей с инженерно-технической интеллигенцией стали очевидными при начавшейся

конфронтации с коллективным Западом. Очевидно, что избавиться от иностранной технологической зависимости и проводить политику импортозамещения можно, имея соответствующие кадры. Принятые в последнее время меры, особенно по подготовке инженерных кадров, создание 30 инженерных школ при ведущих университетах страны, расширение возможностей средних специальных учебных заведений позволят привести в необходимое соответствие потребности технологического и информационного развития экономики и возможности будущих специалистов решать поставленные экономические задачи. Но для того чтобы преодолеть упущенные возможности из-за близорукой неолиберальной политики, необходимо время.

Заключение

Инженерно-техническая интеллигенция пережила в XX в. серьезные испытания: революцию, гражданскую войну, участие в восстановлении народного хозяйства, создание второй экономики мира, Великую Отечественную войну, послевоенное созидание и, наконец, неоднозначное положение в новой России. Внутри самой инженерно-технической интеллигенции происходили не менее существенные процессы, такие как размежевание профессионального сообщества по отношению к советской власти, ограничения, репрессии, «спецеедство», участие в создании уникальных объектов, поиски своего места в условиях происходивших в обществе противоречивых процессов.

Если Октябрьскую революцию большинство представителей инженерно-технической интеллигенции встретили профессионально-отчужденно (сохраняли верность своей профессии, невзирая на политические перемены), то в годы восстановления народного хозяйства, а затем в годы первых пятилеток их точка зрения изменилась. Таким переменам способствовала позиция советской власти, которая не только признала роль и значение инженеров и техников, но и приняла меры, чтобы заинтересовать их в решении как текущих, так и перспективных задач социалистического строительства (высокие оклады, привлечение к руководству крупнейшими предприятиями, участие в разработке планов развития народного хозяйства).

Очевидно, что индустриализация и первые пятилетки были возможны только при условии мобилизации научно-технологических кадров. Хотя даже в это время инженеры долгое время находились в ситуации, когда политическая власть своими действиями то приближала их к привилегированному положению, то усложняла им жизнь, подозревая в шпионаже, вредительстве и организуя их работу в «шарашках».

Одновременно шел процесс создания новой интеллигенции, вышедшей из рабочего класса и крестьянства. Недостатки своей профессиональной подготовки она компенсировала искренним желанием

сделать свою работу максимально хорошо, в соответствии с идеалистическими установками. Сближение старой и новой инженерно-технической интеллигенции происходило в ходе созидательной работы. Постепенно ушли в прошлое конфликты с выдвиженцами – прежние проблемы не отвлекали их от работы, которую они искренне старались делать быстрее и качественнее. Накануне Великой Отечественной войны инженерно-техническая интеллигенция представляла собой лояльную и преданную своей профессии и к тому же уверенную в перспективности идей социализма социальную группу.

Идея общественного договора, которая состояла в превращении СССР в ведущую державу мира, оказалась достаточно привлекательной для инженерно-технической интеллигенции, которая сыграла в этом процессе определяющую роль, несмотря на нелегкие и даже тяжелые условия труда, гонения и репрессии. На наш взгляд, как социальная общность советская инженерно-техническая интеллигенция сформировалась в первые десятилетия после окончания гражданской войны. Она прошла испытание временем, годами борьбы с германским фашизмом, когда без мобилизации всего народа победить врага было невозможно. Инженеры и техники как в тылу, так и на фронте сыграли в этом особую роль.

Политика государства по отношению к инженерно-технической интеллигенции претерпела немало изменений. Но в целом можно сказать, что советская власть нашла ключ и к «буржуазным спецам», и к новой рождающейся интеллигенции. К первым применялись не только методы обращения к их профессиональной состоятельности, но и такие приемы, как высокая оплата труда, привлечение для общения с коллегами из-за рубежа, участвующих в реализации народнохозяйственных планов, допуск к сооружению уникальных и новаторских производственных объектов. Что касается представителей молодой советской инженерно-технической интеллигенции, то политическая власть апеллировала к их происхождению, выражала надежду на реализацию всех

без исключения проектов, выказывала доверие руководителям многих промышленных и сельскохозяйственных объектов.

После Великой Отечественной войны инженерно-технические работники принимали активное участие в выполнении общественного договора, в частности в освоении целины, природных богатств Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Однако в развитии страны назревали качественные изменения. Интеллигенция, в том числе инженерно-техническая, это чувствовала. В период оттепели был выдвинут ряд идей по переустройству страны. Начавшаяся в 1960-х гг. экономическая реформа обусловила ряд изменений. Многие проекты были достаточно успешными (щекинский эксперимент, новый принцип организации сельского хозяйства в совхозе «Илийский» в Казахстане и др.). Они продемонстрировали творческий потенциал советских специалистов по использованию экономических и социальных резервов производства. Однако политическая власть не увидела назревающую научно-техническую и информационную революцию и соответствующие изменения в экономике страны. Интеллигенции фактически было отказано в политическом доверии. Именно с этого времени начали расти сомнения технических специалистов в способности руководства государства и КПСС правильно определять перспективы развития общества.

С началом перестройки произошла вспышка энтузиазма и веры интеллигенции (как и всего народа) в возможность использовать интеллектуальный потенциал для улучшения социально-экономической

ситуации в стране. Со стороны инженерно-технической интеллигенции было предложено немало инициатив, но они были проигнорированы. Решения принимались узкой группой лиц без учета мнений специалистов, которые в своих исканиях придерживались социалистической ориентации. Более того, в официальных решениях все больше стали учитываться суждения интеллигенции гуманитарного профиля, которая была ориентирована на капиталистический путь развития. Иначе говоря, позиция большинства представителей инженерно-технической интеллигенции, нацеленных на совершенствование социалистической организации народного хозяйства, не была услышана.

Что касается новой России, то в 1990-х – начале 2000-х гг. инженерно-техническая интеллигенция практически выпала из общего ритма развития общества. Произошло резкое сокращение ее численности, престиж инженерной профессии упал. В результате страна попала в техническую и технологическую зависимость от зарубежных держав.

В настоящее время в условиях международных санкций Россия вернулась к пересмотру многих позиций во взаимоотношениях с США и другими странами Запада. Некоторые из этих аспектов напрямую касаются роли инженерно-технической интеллигенции в противостоянии экономическим и технологическим санкциям. Принимаемые меры ориентированы на решение ряда проблем, начиная от создания собственных производств, нацеленных на преодоление технологической зависимости, до коренного пересмотра политики по подготовке инженеров и техников.

Библиографические ссылки

1. Томин ВП. Рост образования населения СССР за 60 лет советской власти. *Социологические исследования*. 1978; 2:41–52.
2. Будницкий ОВ. *Другая Россия. Исследования по истории русской эмиграции*. Москва: Новое литературное обозрение; 2021. 629 с.
3. Ленин ВИ. Собрание партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г. В: Ленин ВИ. *Полное собрание сочинений*. Том 37. Москва: Издательство политической литературы; 1969. с. 207–233.
4. Ленин ВИ. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. В: Ленин ВИ. *Полное собрание сочинений*. Том 41. Москва: Издательство политической литературы; 1974. с. 1–104.
5. Уэллс Г. *Собрание сочинений*. Том 15. *Необходимая осторожность. Россия во мгле*. Кагарлицкий Ю, редактор. Москва: Правда; 1964. 463 с.
6. Казанин ИЕ. *Забывтое будущее: советская власть и российская интеллигенция в первое послеоктябрьское десятилетие*. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета; 2001. 264 с.
7. Федюкин СА. *Великий Октябрь и интеллигенция: из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма*. Москва: Наука; 1972. 471 с.
8. Мэтьюз М. Становление системы привилегий в Советском государстве. *Вопросы истории*. 1992;2–3:45–61.
9. Оболюнский АВ. Советский режим: механика властвования. *Общественные науки и современность*. 2010;4:135–151.
10. Красильников СА, Савин АИ, Ушакова СН. Шахтинский политический процесс 1928 года: источники в контексте эпохи. В: Красильников СА, редактор. *Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Книга 1*. Москва: Росспэн; 2011. 975 с.
11. Красильников СА, редактор. *Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги. Книга 1*. Москва: Росспэн; 2016. 855 с.
12. Корицкий ЭБ, составитель. *У истоков НОТ: забытые дискуссии и нереализованные идеи*. Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета; 1990. 334 с.
13. Петровский ДА. *Реконструкция технической школы и пятилетка кадров*. Ленинград: Государственное техническое издательство; 1930. 42 с.
14. Сталин ИВ. О задачах хозяйственников: речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. В: Сталин ИВ. *Сочинения*. Том 14. Москва: Писатель; 1997. с. 119–147.
15. Верт Н. *История Советского государства. 1900–1991 гг.* Москва: Прогресс-академия; 1992. 480 с.
16. Ханин ГН. *Динамика экономического развития СССР*. Волконский ВА, редактор. Новосибирск: Наука; 1991. 267 с.

17. Лельчук ВС. *Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы*. Москва: Политиздат; 1984. 304 с.
18. Катасонов ВЮ. *Экономическая война против России и сталинская индустриализация*. Москва: Алгоритм; 2014. 272 с.
19. Кравченко ГС. *Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.* Москва: Экономика; 1970. 389 с.
20. Андрияшин ИА, Чернышёв АК, Юдин ЮА. *Укрощение ядра. Страницы истории ядерного оружия и ядерной инфраструктуры СССР*. Саров: Красный Октябрь; 2003. 481 с.
21. Александров АА. *Путь к звездам. Из истории советской космонавтики*. Москва: Вече; 2006. 379 с.
22. Глушко ВП. *Развитие ракетостроения и космонавтики в СССР*. Москва: Машиностроение; 1987. 304 с.
23. Варшавский АЕ, Кочеткова ЕВ. Анализ показателей численности инженерно-технических специалистов в России. *Экономический анализ: теория и практика*. 2016;9:67–85.
24. Бреев БД. *Безработица в современной России*. Москва: Наука; 2005. 269 с.
25. Гимпельсон В. Дефицит квалификации и навыков на рынке труда (недостаток предложения, ограничения спроса или ложные сигналы работодателей?). *Вопросы экономики*. 2004;3:76–94. DOI: 10.32609/0042-8736-2004-3-76-94.

References

1. Tomin VP. [The growth of education of the USSR population during the 60 years of Soviet rule]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1978;2:41–52. Russian.
2. Budnitskii OV. *Drugaya Rossiya. Issledovaniya po istorii russkoi emigratsii* [Another Russia. Research on the history of Russian emigration]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2021. 629 p. Russian.
3. Lenin VI. [The meeting of party workers in Moscow on 1918 November 27]. In: Lenin VI. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 37* [The complete works. Volume 37]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1969. p. 207–233. Russian.
4. Ленин В.И. [The childhood disease of «leftism» in communism]. In: Ленин В.И. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 41* [The complete works. Volume 41]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1974. p. 1–104. Russian.
5. Wells G. *Sobranie sochinenii. Tom 15. Neobkhodimaya ostorozhnost'. Rossiya vo mgle* [Collected works. Volume 15. Necessary caution. Russia is in the dark]. Kagarlitskii Yu, editor. Moscow: Pravda; 1964. 463 p. Russian.
6. Kazanin IE. *Zabytoe budushchee: sovetskaya vlast' i rossiiskaya intelligentsiya v pervoe posleoktyabr'skoe desyatiletie* [The forgotten future: the Soviet government and the Russian intelligentsia in the first post-October decade]. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta; 2001. 264 p. Russian.
7. Fedukin SA. *Velikii Oktyabr' i intelligentsiya: iz istorii вовлечения staroi intelligentsii v stroitel'stvo sotsializma* [Great October and the intelligentsia: from the history of the involvement of the old intelligentsia in the construction of socialism]. Moscow: Nauka; 1972. 471 p. Russian.
8. Mathews M. [The formation of the system of privileges in the Soviet state]. *Voprosy istorii*. 1992;2–3:45–61. Russian.
9. Obolonskii AV. [The Soviet regime: the mechanics of power]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2010;4:135–151. Russian.
10. Krasil'nikov SA, Savin AI, Ushakova CH. [The Shakhty political process of 1928: sources in the context of the epoch]. In: Krasil'nikov SA, editor. *Shakhtinskii protsess 1928 g.: podgotovka, provedenie, itogi. Kniga 1* [The Shakhty process of 1928: preparation, conduct, results. Book 1]. Moscow: Rosspen; 2011. 975 p. Russian.
11. Krasil'nikov SA, editor. *Sudebnyi protsess «Prompartii» 1930 g.: podgotovka, provedenie, itogi. Kniga 1* [The trial of the «Industrial Party» in 1930: preparation, conduct, results. Book 1]. Moscow: Rosspen; 2016. 882 p. Russian.
12. Koritskii EB, compiler. *U istokov NOT: zabytye diskussii i nerealizovannye idei* [At the origins of the NOT: forgotten discussions and unrealised ideas]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta; 1990. 334 p. Russian.
13. Petrovskii DA. *Rekonstruktsiya tekhnicheskoi shkoly i pyatiletka kadrov* [Reconstruction of the technical school and five-year training of personnel]. Leningrad: Gosudarstvennoe tekhnicheskoe izdatel'stvo; 1930. 42 p. Russian.
14. Stalin IV. [On the tasks of business executives: speech at the First all-union conference of workers of socialist industry, 1931 February 4]. In: Stalin IV. *Sochineniya. Tom 14* [Essays. Volume 14]. Moscow: Pisatel'; 1997. p. 119–147. Russian.
15. Werth N. *Histoire de l'union Soviétique. 1900–1991*. Paris: Presses Universitaires de France; 1990. 547 p. France. Russian edition: Werth N. *Istoriya Sovetskogo gosudarstva. 1900–1991 gg.* Moscow: Progress-akademiya; 1992. 480 p.
16. Khanin GN. Khanin GN. *Dinamika ekonomicheskogo razvitiya SSSR* [The dynamics of the economic development of the USSR]. Volkonskii VA, editor. Novosibirsk: Nauka; 1991. 267 p. Russian.
17. Lel'chuk VS. *Industrializatsiya SSSR: istoriya, opyt, problemy* [Industrialisation of the USSR: history, experience, problems]. Moscow: Politizdat; 1984. 304 p. Russian.
18. Katasonov VYu. *Ekonomicheskaya voina protiv Rossii i stalinskaya industrializatsiya* [The economic war against Russia and Stalinist industrialisation]. Moscow: Algoritm; 2014. 272 p. Russian.
19. Kravchenko GS. *Ekonomika SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voyny, 1941–1945 gg.* [The economy of the USSR during the Great Patriotic War, 1941–1945]. Moscow: Ekonomika; 1970. 389 p. Russian.
20. Andryushin IA, Chernyshev AK, Yudin YuA. *Ukroshchenie yadra. Stranitsy istorii yadernogo oruzhiya i yadernoi infrastruktury SSSR* [Taming the core. Pages of the history of nuclear weapons and nuclear infrastructure of the USSR]. Sarov: Krasnyi Oktyabr'; 2003. 481 p. Russian.
21. Aleksandrov AA. *Put' k zvezdam. Iz istorii sovetskoi kosmonavtiki* [The path to the stars. From the history of Soviet cosmonautics]. Moscow: Vechе; 2006. 379 p. Russian.
22. Glushko VP. *Razvitie raketostroeniya i kosmonavtiki v SSSR* [The development of rocket science and cosmonautics in the USSR]. Moscow: Mashinostroeniye; 1987. 304 p. Russian.
23. Varshavskii AE, Kochetkova EV. An analysis of engineering workforce indicators of Russia. *Economic Analysis: Theory and Practice*. 2016;9:67–85. Russian.
24. Breev BD. *Bezrabotitsa v sovremennoi Rossii* [Unemployment in modern Russia]. Moscow: Nauka; 2005. 269 p. Russian.
25. Gimpelson V. Shortage of skills in the labor market: limited supply, lack of demand, or false signals from employers? *Voprosy ekonomiki*. 2004;3:76–94. Russian. DOI: 10.32609/0042-8736-2004-3-76-94.

Статья поступила в редколлегию 03.09.2024.
Received by editorial board 03.09.2024.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А. А. ЛЕГЧИЛИН¹⁾, В. С. САЙГАНОВА¹⁾, С. В. ВОРОБЬЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Раскрывается сущность географической идентичности. Выделяются три группы факторов, оказывающих влияние на ее формирование в условиях глобализации, в частности факторы фактичности, условности и символичности. Отмечается, что факторы фактичности составляют первичный чувственно-соматический опыт, формируемый на границе существования с деятельностью. Показывается, что существование (действие) открывает путь к пространственно-временному мышлению и к лингвистически самоценным формам языка, раскрываемым как факторы условности и символичности. Факторы условности географической идентичности определяются особенностями пространственно-временного мышления. Последнее закрепляет систему условий, в которую входят метафорические сходства и метонимические смежности как архетипы географического местопребывания, образующие сущностную модель бытия и формирующие стратегии поведения. Факторы символичности представляют собой аллюзии к внеязыковой аналоговой реальности, составляющей парадигматику географической идентичности. Подчеркивается весомость эпистемологии концепта географической идентичности среди других концептов, что аргументировано необходимостью выявления источников неопределенности в глобальном мире и преодоления противоречий, связанных с центростремительными и центробежными тенденциями в географическом пространстве. Данная эпистемология свойственна мышлению благодаря антиномиям, подразумевающим распределение внимания и осцилляцию между указанными тенденциями, а также параметризацию фактичности, условности и символичности.

Ключевые слова: географическая идентичность; фактичность географической идентичности; условность географической идентичности; символизм географической идентичности; эпистемология географической идентичности; пограничье.

Образец цитирования:

Легчилин АА, Сайганова ВС, Воробьева СВ. Географическая идентичность в условиях глобализации. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2024;4:22–30.
EDN: OYCWRU

For citation:

Liahchylin AA, Saiganova VS, Vorobyova SV. Geographical identity in the context of globalisation. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2024;4:22–30. Russian.
EDN: OYCWRU

Авторы:

Анатолий Александрович Легчилин – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Вероника Святославовна Сайганова – кандидат философских наук, доцент; декан факультета философии и социальных наук.

Светлана Викторовна Воробьева – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Authors:

Anatoly A. Liahchylin, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.

liahchylin@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0002-7644-9985>

Veronika S. Saiganova, PhD (philosophy), docent; dean of the faculty of philosophy and social sciences.

saihanava@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0002-3831-2873>

Svetlana V. Vorobyova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.

cherbourg@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2173-6418>

GEOGRAPHICAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF GLOBALISATION

A. A. LIAHCHYLIN^a, V. S. SAIGANOVA^a, S. V. VOROBYOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: A. A. Liahchylin (liahchylin@bsu.by)

Abstract. The essence of geographical identity is revealed. There are three groups of factors that influence the formation of geographical identity in the context of globalisation, in particular, factors of facticity, conventionality and symbolism. The factors of factuality constitute the primary sensory-somatic experience formed at the border of existence and activity. It is shown that existence (action) opens the way to spatiotemporal thinking and to linguistically self-valuable forms of language, revealed as factors of conventionality and symbolism. The factors of conventionality of geographical identity arise from the peculiarities of spatiotemporal thinking. It consolidates the system of conditions – metaphorical similarities and metonymic contiguities as archetypes of geographical location, forming an essential model of being and shaping behavioural strategies. Symbolic factors include allusions to the extra-linguistic analog reality that constitutes the paradigm of geographical identity. The importance of the epistemology of the concept of geographical identity in relation to other concepts is emphasised, which is argued by the need to identify sources of uncertainty in the global world and overcome contradictions associated with centripetal and centrifugal tendencies in geographical space. This epistemology is characteristic of thinking through antinomies, which implies the distribution of attention and oscillation between the indicated tendencies, and the parameterisation of factuality, conventionality and symbolism.

Keywords: geographical identity; factuality of geographical identity; conventionality of geographical identity; symbolism of geographical identity; epistemology of geographical identity; borderland.

Введение

В условиях глобализации актуальность вопроса географической идентичности связана с ее особым положением среди множества других идентичностей. Оно предопределено первичностью естественно-природных, территориальных и региональных границ в идентификационных механизмах. Эти границы не всегда очевидны, но оказываемое ими влияние и производимый эффект необходимо учитывать в решении проблем идентичности в условиях глобального мира. Немонотонный характер указанных границ проявляет себя, например, в ментальности социальных взаимодействий, имеющих явные или неявные географические привязки. Такая ментальность раскрывается как нравы, обусловленные привычками территориально определенного круга людей, или как обычаи, детерминированные длительностью их существования.

Значение географической идентичности в «глобальной деревне» (М. Маклюэн) предопределено смешением информационных, коммуникационных

и экономических связей, а также миграционных, туристических, финансовых и других потоков. Указанные связи и потоки объединяют культурные, этнические, расовые, религиозные идентичности в географические ареалы. В процессах глобализации они проявляют себя в разных аспектах, например в ассимиляции или сегрегации, праве на различие и культурную равноценность или дискриминации, толерантности или расизме. Данные аспекты раскрываются через предикаты географической идентичности и могут указывать на принадлежность к определенной нации, проживание в определенной местности и т. д. Такие предикаты необходимо эксплицировать как парадигматические понятия, которые содержат представления, связанные с поселенческими факторами. Иными словами, парадигматика географической идентичности подразумевает локализованные в пространстве опытно-эмпирические представления о бытии и способах его осмысления и преобразования.

Постановка проблемы

Идентичность как механизм и ядро самосохранения или самосознания исследуется в разных научно-гуманитарных сферах (в философии, социологии, психологии). Данная тема раскрыта в разных аспектах, а также на разных уровнях, например на уровне культуры, религии, социума, личности, группы, этноса или нации. Однако в условиях глобализации социально-гуманитарное изучение иден-

тичности нуждается в устранении неопределенностей, связанных с ее географическими факторами, которые опосредуют множество других факторов идентичности и тем самым определяют проблемное поле исследования. Оно включает прежде всего вопросы пространства, времени и языка, обусловленные согласованностью (рассогласованностью) объективных внешних и субъективных личностных

критериев, которые находят отражение в аспектах территории, границы, пограничья, рубежа. Географические трактовки этих аспектов позволяют преодолеть лакуны в онтологии и эпистемологии идентичности. В частности, совместимость (несовместимость) представлений о границах пространства и временных длительностях создает разные территории смысла, способные приводить как к взаимному пониманию, так и к конфликтам (в качестве примера можно привести события на Ближнем Востоке).

Наличие пробелов в исследованиях идентичности мы связываем именно с географической иден-

тичностью. Раскрытие ее сущности, на наш взгляд, является методологически и практически важной проблемой. В связи с этим целью статьи выступает раскрытие сущности географической идентичности в условиях глобализации. Для реализации поставленной цели были решены следующие задачи: выявлены семиотические основания географической идентичности, обосновано ее особое (преимущественное) положение среди множества других идентичностей в контексте глобализации, выяснены ее эпистемологические перспективы в диагностических и экспертных процедурах и прогнозах.

Анализ основных исследований и публикаций по проблеме

Исследования, посвященные идентичности, имеют три направления. Первое направление характеризуется глобальным холизмом. Изучение идентичности в данном случае опирается на категории трансформации общественного сознания. В частности, У. Бек разработал концепцию становления космополитического самосознания (космополитической идентичности) [1]. Такая непространственная и вневременная идентичность представляет собой идеальную и, как правило, утопическую модель. Ее идеализм обусловлен игнорированием географических факторов, раскрываемых в контексте двух противоположных тенденций в рамках глобальных и локальных процессов [2; 3]. Эти процессы были дифференцированы Ф. Броделем. Приоритетным объектом его исследований стали природно-географические структуры [4, с. 41]. Ф. Бродель раскрыл космополитическую идентичность в контексте исторического времени, пренебрегая многообразными проявлениями повседневности, но учитывая топографию географической экспансии капитала.

В дальнейших исследованиях в рамках первого направления внимание акцентировалось на негативных последствиях развития капитализма в условиях глобализации, которые влекут изменения в идентичности. С одной стороны, авторы подчеркивают, что глобализация обостряет проблемы не только для капитализма и природы, но и для человека [5, с. 113–155]. Основным предметом анализа становится проблема катастрофических последствий развития технологий, способных преодолеть ограничительные силы природы. Дж. Мур, например, ставит под сомнение перспективу антропоцена в системе «мир – экология». Капиталоцен – «эра капитализма», эра глобальных завоеваний и всемирных присвоений «дешевой природы» – символизирует органическое единство «капитала, власти и природы»¹ [6, р. 81]. Но капиталоцен представляет собой еще и важный биогеологический момент эры, указывающий на смерть капитализма, но не человека [7, р. 135]. С другой стороны, авторы подчерки-

вают необходимость изменений наднациональной идентичности в терминах полезных ископаемых. В частности, Дж. Урри обвиняет консюмеризм в экологическом кризисе, так как потребление энергии растет прямо пропорционально потребляемым услугам и товарам [8, с. 264–270]. Подобная тенденция сдерживает рост развития общества в противоположном направлении, когда транснациональные корпорации уступают место небольшим инновационным компаниям. Желательную идентичность в этом случае Дж. Урри интерпретирует как самосознание «гражданского общества с низким потреблением углеводородов» [8, с. 265].

В рамках второго направления исследований изучение идентичности происходит в контексте противостояния глобализации и локализации. Такие условия вынуждают искать баланс между холизмом и субстанциальным физическим атолизмом, единством и гетерогенными структурами (множественностью). Регионализм и региональные структуры становятся выражением инвариантности и множественности. В частности, региональная идентичность, формирующаяся в системе ее отношений к реальному внешнему миру, выступает исходной категорией в интеракционистском подходе [9].

Среди множества трактовок локальных цивилизаций преобладают географические трактовки. Их смысл предопределен особенностями природного ландшафта и климата, наличием полезных ископаемых, водных или лесных ресурсов, условий для выращивания продовольственных культур и т. д. Это значит, что первоначала идентичности обусловлены географическими особенностями, влияющими на способы бытия и мышления, а также на их временные и пространственные масштабы. Так, люди, возделывая рис, возделывают и «саму культуру сплоченности, взаимопомощи и трудолюбия» [10, с. 29]. Россияне также приписывают себе определенные первоначала идентичности «как следствие сурового климата и разреженного пространства» [10, с. 29].

¹Здесь и далее перевод наш. – А. Л., В. С., С. В.

В глобальном мире привязанность к определенной территории и конкретным «фрагментам географического пространства» [11, с. 52] становится весомым индикатором идентичности. В. Т. Михайлов и Й. Рунге обращают внимание на «необходимость разграничивать внутреннюю и внешнюю идентичность», раскрывать значения геополитических, цивилизационных и социально-экономических пространственных кодов [11, с. 52]. Н. А. Козловец подчеркивает значение географических признаков государства, а также эндогенных и экзогенных политико-географических образов [12, с. 55]. Континентальный подход к идентичности имеет географический подтекст в решении, например, проблемы «унификации или единства в разнообразии» в отношении европейской идентичности [13].

Исследование в рамках третьего направления конкретизирует онтологию и эпистемологию географической идентичности. Сознание и деятельность индивида и человеческих сообществ воспроизводят на уровне конкретных понятий и обыденных представлений не только исторические, культурные, общественно-политические, но и географические «сведения о той или иной стране», определяя ее идентичность [14, с. 40]. Таким образом, географические сведения являются сопряженными с поселенческими факторами идентичности и оказывают влияние на последующую онтологию и эпистемологию ее носителя. Онтология и эпистемология, согласно Ж. Делёзу и Ф. Гваттари, имеют две составляющие, а именно территорию и землю, между которыми находятся две зоны неразличимости – «от территории к земле» и «от земли к территории» [15, с. 40]. Эти зоны деструкции и реконструкции территорий детерминируют практику и практический смысл. По мнению П. Бурдьё, практика – это «диалектика объективных и инкорпорированных структур» [16], проявление особенностей географического пространства [17, с. 112]. Особенности

географического пространства находят выражение в практической универсализации или генерализации «некоторого способа действия и выражения» [17, с. 112]. В связи с этим проблема инвестиций, как «чувство перспективности вложения», тесно связана с географическим положением [17, с. 442].

Особое место в рамках третьего направления исследований занимают работы в области поведенческой географии [18], психогеографии [19; 20], а также географии мышления и географической ангажированности практик [21; 22]. Изучение данных аспектов обусловлено природно-географическим и социально-географическим временем. Структуры повседневности как материальной жизни – «люди и вещи, вещи и люди» [4, с. 41] – появляются на пересечении именно этих времен. Идентичность в рамках анализа бытия во времени в тройственной территориальной модели *индивид – нация – глобальный мир* также подразумевает географический профиль [23, с. 133–141].

Кроме того, географическая идентичность раскрывается в контексте онтологии и эпистемологии пограничья. Феномен пограничья, пограничного сознания и мышления изначально привязан к географии. В частности, экзистенциально-феноменологические аспекты пограничного сознания и мышления основываются на колониальном и экономическом разделении мира (Ф. Фанон, Г. Анзалдуа, Э. Дуссель, Э. Левинас) [24, р. 217; 25, с. 51–59]. В ряде работ идентичность определяется посредством соотношения новой и прежней территории проживания и рекомбинации новых и прежних географических образов [26, с. 188–189], а также с помощью хорологического подхода (пространственного, топографического, районирующего) [27].

Обозначенные направления исследований составляют проблемное поле географического подхода к идентичности в контексте глобального мира и позволяют перейти к обсуждению указанного вопроса.

Обсуждение проблемы

Под географической идентичностью следует понимать постоянный набор способов ее воспроизведения на основе соответствующих (географических) сходств и различий, которые оказывают заметное влияние на формирование других идентичностей, например этнокультурной, национальной, психолого-педиатрической или физиолого-гастрономической идентичности. Дифференциация сходств и различий восходит к типологии знаковых реальностей Ч. С. Пирса, которая опирается на различение знаков-икон, знаков-индексов и знаков-символов [28, с. 76–97]. Данная типология позволяет разграничивать такие факторы формирования географической идентичности, как фактичность, условность и символизм [29, с. 289–292], и дифференцировать,

соответственно, аналоговую, индексную и символическую реальности в зависимости от их данности в опыте.

Фактор фактичности в географических коннотациях означает физическое отношение к прототипам (прообразам) мира, которые составляют первичную чувственно воспринимаемую реальность. Аналоговая (фактическая) сущность географической идентичности раскрывается в зависимости от вида подобия – изоморфизма и гомоморфизма. На их основе формируются действия-образцы и экземпляры-образцы, например, географически обусловленного образа жизни как прототипа (сценарии гастрономических пристрастий, возрастные границы взросления или городская повседневность).

На пересечении дискурсивно-географических практик и эстетических техник Г.-Э. Дебор раскрывает ключевые категории аналоговых репрезентантов в психогеографии: дрейф, маршрут, картографию и ситуацию. С помощью данных категорий он переосмысливает городской ландшафт – «принципиально временные, изменчивые, перетекающие друг в друга атмосферы, порождаемые взаимодействием всех элементов городской среды и чувств живущих в ней людей» [19, с. 6]. В такой фактической среде «дрейф – практика обнаружения атмосфер», возникающих при взаимодействии элементов урбанизированного ландшафта и чувств (желаний) людей [19, с. 6]. Такие взаимодействия прокладывают маршруты. Их фиксация рождает новые картографии, открывающие путь к конструированию ситуаций, которые возводятся из «новых материалов – желаний и чувств» [19, с. 7]. Практики дрейфа, по мнению Г.-Э. Дебора, подчиняются не общепринятым мотивам к перемещениям и действиям, а импульсам территорий и случающихся на них событий и встреч. Элемент непредсказуемости не имеет решающей роли в практиках дрейфа, так как «каждый город имеет свой психогеографический рельеф с постоянными течениями, неподвижными точками и водоворотами, затрудняющими доступ в некоторые зоны или выход из них» [19, с. 20].

В географических коннотациях фактор условности означает наличие индексных (ассоциированных) связей объектов, сосуществующих в пространстве, времени и языке. Основные формы этих связей, физическая смежность и причинная зависимость, образуют вторичную реальность как систему условий. В этой системе индексная сущность географической идентичности раскрывается как память, в основе которой лежат механизмы ретенции и воспроизведения. Историко-географические ретенции заключаются в удержании накопленного опыта, формирование которого обусловлено природно-физическими, климатическими, территориальными и иными особенностями воспроизведения индексных связей, локализованных во временных, пространственных и смысловых взаимодействиях.

В качестве способов репрезентации времени в пространстве выступают метафора и метонимия. Такие способы являются схемами перцепции – опыта, устанавливающего длительность как условие времени и как условие различения диахронии и синхронии [30, р. 85–89]. Метафорические диахронические репрезентации времени представляют собой первичный сенсомоторный опыт установления отличия объекта от самого себя. Основу таких репрезентаций составляет метафорическое сходство того, что видно во времени, т. е. условие различения объекта самого по себе. Метонимические синхронические репрезентации пространства раскрывают опыт установления отличий одного объекта от другого. Значения

в синхронических репрезентациях транслируются посредством необходимых или узнаваемых аспектов – структур, функций, ролей, частей целого и т. д. Такие аспекты определяют интервалы абстракций в осмыслении реальности под углом пространственного размещения, или хорологии, поэтому время в географической идентичности – это, во-первых, «способность к упорядочиванию», проявляющаяся «вовне» [31, р. 28], во-вторых, «угроза исчезновения и разрушения» (например, в случае нарушения тематической когерентности прошлого, настоящего и будущего) [32, с. 173].

Фактор символизма в географических коннотациях не подразумевает связи с реальным миром. Символы не являются его прообразами, как знаки-иконны, и не ассоциированы с ним, как знаки-индексы. Символическая реальность выступает в качестве метафизического мира, надстроенного над фактической и условной реальностями. Надстройка включает язык и его конструкции, нуждающиеся в интерпретациях. Предметом интерпретации, согласно теории П. Рикёра, выступает «расшифровка смысла, стоящего за очевидным смыслом» [33, с. 18]. Речь идет о пути, открывающем несимволическую реальность. Ф. Фанон исследовал географические аспекты идентичности в контексте религиозного символического поклонения, подразумевающего приобретение чужого с целью претворить его в себе (чтобы затем погубить себя) или утвердить себя, обогатившись за счет чужого. Он рассуждал о чернокожем жителе Антильских островов, познавшем жизнь в метрополии, как о полубоге. Прожив некоторое время во Франции, этот человек становился объектом поклонения. Жители, заточенные на островах в полной безысходности, существовали в границах своего географического мира и не могли их разрушить. Эти границы мог пошатнуть только человек, прибывший из метрополии [34].

Типы реальности, распознаваемые на пересечении географии и семиотики, могут быть разделены лишь условно. Л. Малафурис считает, что материальные знаки являются частью того, что они выражают, именно по причине их вовлеченности в реальное пространство и время. Он подчеркивает, что люди мыслят, создавая знаки. Но это не означает, что создаваемые ими знаки репрезентируют или отражают разум. Поскольку психика свершается в материальных следах, постольку, например, «каменное орудие – это не продукт мышления, а способ мышления» [22, р. 3]. Отсюда следует, что способ мышления, ориентированный на видимость и аналогическую реальность, является в первую очередь географическим. Р. Нисбетт, исследуя проблему географии мышления, акцентировал внимание на том, почему азиаты и западники думают по-разному. Он разграничил объектно-ориентированное и контекстно-ориентированное мышление. Объектно-ориентированное

мышление обращается к предметам, аналитически извлекаемым из целостного контекста, который состоит из множества новых типов социальных референтов. Контекстно-ориентированное мышление учитывает вариации контекстов [21]. На основании такого подхода различают топографии и топологии. Новые видимые объекты, «по-другому мобилизующие пространство и время», раскрываются как индексные «связи между разными точками во времени и пространстве» и как «следы бесчисленных мест и моментов времени» [35, с. 112, 114, 115].

Пространственный символизм географической идентичности не может быть сведен к бинарным конструкциям. Но в любом случае он или упорядочен, т. е. имеет свою сетку, или хаотичен. Допустим, выбор места проживания предопределен практиками оседлости или кочевничества (кочевничества). В концепции Ж. Делёза и Ф. Гваттари эти практики различаются, соответственно, единичностью (множественностью) центров и перспектив [36]. Сборка социальных объектов [37] в глобальном мобильном мире осуществляется под влиянием новой символической среды, создаваемой на основе информационно-компьютерных технологий, которые радикально преобразовывают пространство и время. В частности, географическое значение территорий в условиях мобильности [38] трансформируется: пространство мест становится пространством потоков с параллельным увеличением пространственных разрывов.

Дж. Урри связал мобильность как центральную проблему современности с географическими факторами идентичности. Категория мобильности и ее главные характеристики – глобальность, турбулентность и текучесть – имеют множественные связи с повседневностью. Формами выражения этих связей выступают географические перемещения, туризм, миграция, виртуальные путешествия во времени и др. Понимание этих процессов требует привлечения знаний из географии, которые проясняют сущность глобального мира как мира вечного движения, требующего иной интерпретации социального. Категория «социальное» в условиях глобализации все реже рассматривается в ракурсе общественного и все чаще трактуется как «сеть, мобильность и горизонтальная текучесть» [39, с. 13]. Дж. Урри заменил категории «сообщество» и «социальная структура» метафорой «поток». Потоки (информации, людей, товаров, денег, отходов и т. д.) и их пересечения и взаимосвязи рожают «неожиданные пространственно-временные паттерны» [39, с. 11]. Динамика потоков подобна ризоме Ж. Делёза и Ф. Гваттари [36], поэтому ее аналитика включает синхронические и диахронические, продольные и поперечные, половинчатые и совсем малые части. Потоки включают пространственно-

физические и пространственно-виртуальные (метафизические) перемещения как факторы географической самоидентификации.

В географической самоидентификации «пересекаются и начинают взаимодействовать концепты территории и идентичности» [26, с. 188]. Мобильность непосредственно влияет на это взаимодействие. В результате географическая идентичность охватывает представления о реальной физической и метафизической территории, возникающей в воображении. Прибытие на новую территорию рождает необходимые для укоренения географические образы, удаленность от покинутых мест рождает мифы о них. Мифологическое мышление создает модель мироустройства на основе разделения пространства на свое (чужое), безопасное (рискованное). Сценарии мифологических сюжетов конструируются на основе представлений о времени и пространстве (ориентация на прошлое, настоящее или будущее, на личное или публичное), обусловленных прежней географией. К таким сценариям применимы логические интерпретации культурного континуума [40, с. 20], основанные на дифференциации актуальной бесконечности и конструктивности, что позволяет различать синхронические и диахронические структуры в географической идентичности.

Миграция в глобальном мире демонстрирует несовместимость, с одной стороны, представлений о границах пространства и вытекающих из них конфликтах между габитусами и, с другой стороны, событий с разными границами. В этих представлениях можно обнаружить прерывность времени и разрывы культур. Временные разрывы и межкультурное пространство приводят к образованию пограничных зон (хронотопов), изменяющих ощущение принадлежности к конкретному месту. Феномен пограничья, пограничного сознания и мышления изначально привязан к географии. Экзистенциальные аспекты пограничного сознания и мышления представляют собой зону амбивалентностей, в которой парадоксально переплетены свой и чужой (Ф. Фанон, Э. Дуссель, Э. Левинас, М. ДеЛанда). Так, «чтобы выжить на пограничье, надо жить без границ и быть перекрестком» [24, р. 15]. Метафора перекрестка означает отказ от идентификации себя с устоявшимися структурами с помощью открытости новому, или экстерииорности [41; 42], что позволяет преодолеть разорванное сознание. Данное преодоление требует центробежного толерантного мышления. Ему свойственны, по мнению Г. Ансальдуа, «отказ от стандартов» и утверждение новой перспективы включения, а не исключения инородных элементов [24, р. 17]. Такую открытость автор считает стратегией выживания в условиях пограничья.

Заключение

Сущность географической идентичности раскрывается посредством установления факторов ее

формирования – фактичности, условности и символичности. Они играют особую роль в условиях

глобализации. На этом основании эпистемология концепта географической идентичности эксплицируется в семиотическом контексте как аналоговое существование на границе с деятельностью, открывающее путь к пространственно-временному мышлению и лингвистически самооценным формам языка.

Фактичность географической идентичности составляет подобие первичной чувственно осознаваемой реальности самой реальности. Восприятие разворачивается в терминах соматического опыта, поэтому оно характеризуется условностью. Временные и пространственные взаимосвязи являются психологическими связями, так как они формируются на основе запечатления в памяти объектов и их образов с похожими (метафоры) или противоположными признаками (контрасты). Пространственно-временное мышление закрепляет систему условий, которая включает метафорические сходства и метонимические смежности как архетипы географического местопребывания. Они образуют сущностную модель бытия и формируют стратегии поведения. Символичность географической идентичности, или средства языка, отсылают к внеязыковой аналоговой реальности, составляющей парадигматику географической идентичности (центр и периферия, своя и чужая территория, границы дозволенного и запрещенного, ассоциации и диссоциации в коммуникации).

Особое положение географической идентичности среди других идентичностей обусловлено факторами, позволяющими выявлять источники неопределенности в глобальном мире. Такие источники

присутствуют в конкретных пространственно-временных отношениях и могут быть раскрыты посредством параметризации фактичности, условности и символичности. Параметрами фактичности и условности выступают, соответственно, внеязыковые структуры (иконы и индексы) и языковые структуры (символы). В связи с этим концепт географической идентичности позволяет, с одной стороны, расширить проблематику идентичности, с другой стороны, видоизменить существующие в этой области подходы, основанные на абстракции индивида.

Эпистемология концепта географической идентичности обусловлена необходимостью решить проблемы глобального мира и преодолеть противоречия, связанные с центристскими и центробежными тенденциями в географическом пространстве. Данная эпистемология как ментальность воплощена в антиномическом мышлении, подразумевающим распределение внимания и осцилляцию между указанными тенденциями. С одной стороны, географическая планетарная идентичность метафорически выражает центристские тенденции к единству, интеграции, договорным отношениям и сотрудничеству, подкрепляемым, например, признанием общечеловеческих экологических ценностей. С другой стороны, географическая территориальная идентичность выражает центробежные тенденции к многообразию, обусловленному наличием ориентационных пространственно-временных систем. Они предопределяют трактовку явлений или событий как стагнацию или развитие, традицию или инновацию. Символизм трактовок детерминирован образами Запада или Востока, Севера или Юга.

Библиографические ссылки

1. Бек У. *Космополитическое мировоззрение*. Москва: Центр исследований постиндустриального общества; 2008. 311 с.
2. Легчилін А, Воробйова С. Крос-культурні моделі цивілізаційної ідентичності. *Українська полоністика*. 2020;17: 40–49. DOI: 10.35433/2220-4555.17.2020.
3. Samoilenko D, Liahchilin A, Vorobyova S, Osinsky P. A geographical identity in the global world. *Mlada Veda*. 2024;1:1–12.
4. Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Том 3, Время мира*. Москва: Весь мир; 2008. 752 с.
5. Манн М. Конец, может, и близок, только для кого? В: Дерлугьян Г, редактор. *Есть ли будущее у капитализма?* Москва: Издательство Института Гайдара; 2017. с. 113–155.
6. Moore J. The rise of cheap nature. In: Moore JW, editor. *Anthropocene or capitalocen? Nature, history, and the crisis of capitalism*. Oakland: PM Press; 2016. p. 78–115.
7. McBrien J. Accumulating extinction planetary catastrophism in the necroen. In: Moore JW, editor. *Anthropocene or capitalocen? Nature, history, and the crisis of capitalism*. Oakland: PM Press; 2016. p. 116–137.
8. Урри Дж. *Как выглядит будущее?* Матвеев А, переводчик. Москва: Дело; 2018. 315 с.
9. Абельс Х. *Интеракция, идентификация, презентация*. Головин НА, Козловский ВВ, редакторы. Санкт-Петербург: Алтейя; 2000. 261 с.
10. Рубцов АВ. Вирусы и цивилизации. О новом влиянии биокатаклизмов на эволюцию социокультурных моделей и цивилизационных проектов. *Вопросы философии*. 2020;8:20–31. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-8-20-31.
11. Михайлов ВТ, Рунге Й. Идентификации человека: территориальные общности и социальное пространство: опыт концептуализации. *Социологические исследования*. 2019;1:52–62. DOI: 10.31857/S013216250003747-4.
12. Козловец МА. *Феномен національної ідентичності: виклики глобалізації*. Житомир: Видавництво ЖДУ імені І. Франка; 2009. 558 с.
13. Козловец МА. Європейська ідентичність: уніфікація чи «єдність в розмаїтті»? *Гуманітарний вісник ЗДІА*. 2009; 37:72–86.
14. Петренко ВФ, Митина ОВ, Гладких НЮ. Психосемантика «мягкой силы» в геополитике. *Социологические исследования*. 2018;1:40–51. DOI: 10.7868/S0132162518010051.

15. Делёз Ж, Гваттари Ф. *Что такое философия?* Зенкин СН, переводчик. Москва: Институт экспериментальной социологии; 1998. 286 с.
16. Бурдьё П. *Практический смысл*. Шматко НА, редактор. Санкт-Петербург: Алетеия; 2001. 562 с.
17. Бурдьё П. *Социальное пространство: поля и практика*. Шматко НА, редактор. Санкт-Петербург: Алетеия; 2005. 576 с.
18. Голд Дж. *Психология и география. Основы поведенческой географии*. Федулов СВ, переводчик. Москва: Прогресс; 1990. 302 с.
19. Дебор Г. *Психогеография*. Соколинская А, переводчик. Москва: Ад Маргинем Пресс; 2017. 111 с.
20. Джеймисон Ф. *Марксизм и интерпретация культуры*. Москва: Кабинетный ученый; 2014. 412 с.
21. Nisbett RE. *The geography of thought: how Asians and Westerners think differently... and why*. New York: The Free Press; 2003. 288 p.
22. Malafouris L. Mind and material engagement. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2019;18:1–17. DOI: 10.1007/s11097-018-9606-7.
23. Загрийчук ИД. Глобализация и национально-культурная идентичность. *Вісник Національної юридичної академії України імені Ярослава Мудрого. Серія: Філософія, філософія права, політологія, соціологія*. 2009;1:133–141.
24. Anzaldua G. *Borderlands. La Frontera. The new mestiza*. San Francisco: Aunt Lute Boors; 2012. 312 p.
25. Рэйзор Т. Пространственное представление пограничья. В поисках Беларуси на цивилизационных картах Самюэля Хантингтона и Александра Дугина. *Палітычная сфера*. 2007;8:51–59.
26. Замятин ДН. Идентичность и территория: гуманитарно-географические подходы и дискурсы. В: Семененко ИС, Фадеева ЛА, редакторы. *Идентичность как предмет политического анализа*. Москва: ИМЭМО РАН; 2011. с. 186–203.
27. Замятин ДН. *Гуманитарная география: пространство и язык географических образов*. Санкт-Петербург: Алетеия; 2003. 331 с.
28. Пирс ЧС. *Начала прагматизма*. Кирющенко ВВ, Колопотин МВ, переводчики. Санкт-Петербург: Алетеия; 2000. 316 с.
29. Воробьева СВ. Семиотические основания когнитивной герменевтики. В: Дёмин ИВ, редактор. *История. Семиотика. Культура: сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 250-летию Фридриха Шлейермахера; 23–24 ноября 2018 г.; Самара, Россия*. Самара: Самарский университет; 2018. с. 289–296.
30. Lévinas E. Diachronie et représentation: à la recherche du sens. *Revue de l'Université d'Ottawa*. 1985;55:85–98.
31. Lévinas E. *Le temps et l'autre*. Paris: Presses universitaires de France; 1979. 92 p.
32. Рикёр П. Кант и Гуссерль. В: Найман ЕА, Суровцев ВА, редакторы. *Интенциональность и текстуальность: философская мысль Франции XX века*. Томск: Водолей; 1998. с. 162–194.
33. Рикёр П. *Конфликт интерпретаций. Очерки по герменевтике*. Вдовина ИС, переводчик. Москва: Академический проект; 2008. 695 с.
34. Фанон Ф. Черная кожа, белые маски. *Новое литературное обозрение* [Интернет]. 2020 [процитировано 2 мая 2024 г.];161(1). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21969/.
35. Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе. *Логос*. 2017;27(2):95–156.
36. Делёз Ж, Гваттари Ф. *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-фактория; 2010. 892 с.
37. Латур Б. *Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию*. Полонская И, переводчик. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2014. 382 с.
38. Урри Дж. *Мобильности*. Лазарев АВ, переводчик. Москва: Праксис; 2012. 320 с.
39. Урри Дж. *Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI века*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2012. 336 с.
40. Воробьева СВ, Легчилин АА. Кросс-культурные основания тенденций цивилизационного развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2018;2:17–22.
41. Lévinas E. *Totalité et infini. Essai sur L'Extériorité*. La Haye: M. Nijhoff; 1991. 343 p.
42. DeLanda M. *A new philosophy of society: assemblage theory and social complexity*. London: Continuum; 2006. 160 p.

References

1. Beck U. *Kosmopoliticheskoe mirovozzrenie* [A cosmopolitan worldview]. Moscow: Tsentr issledovaniy postindustrial'nogo obshchestva; 2008. 311 p. Russian.
2. Legchylina A, Vorobjova S. [Cross-cultural models of civilisational identity]. *Ukrain's'ka polonistyka*. 2020;17:40–49. DOI: 10.35433/2220-4555.17.2020. Ukrainian.
3. Samoilenko D, Liahchilin A, Vorobyova S, Osinsky P. A geographical identity in the global world. *Mlada Veda*. 2024;1:1–12.
4. Braudel F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. Tom 3, Vremya mira* [Material civilisation, economics and capitalism, XV–XVIII centuries. Volume 3, Time of peace]. Moscow: Ves' mir; 2008. 752 p. Russian.
5. Mann M. [The end may be near, but for whom?]. In: Derlug'yan G, editor. *Est' li budushchee u kapitalizma?* [Does capitalism have a future?]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara; 2017. p. 113–155. Russian.
6. Moore J. The rise of cheap nature. In: Moore JW, editor. *Anthropocene or capitalocen? Nature, history, and the crisis of capitalism*. Oakland: PM Press; 2016. p. 78–115.
7. McBrien J. Accumulating extinction planetary catastrophism in the necrocen. In: Moore JW, editor. *Anthropocene or capitalocen? Nature, history, and the crisis of capitalism*. Oakland: PM Press; 2016. p. 116–137.
8. Urry J. *Kak vyglyadit budushchee?* [What does the future look like?]. Matveenko A, translator. Moscow: Delo; 2018. 315 p. Russian.
9. Abels H. *Interaktsiya, identifikatsiya, prezentatsiya* [Interaction, identification, presentation]. Golovin NA, Kozlovskii BB, editors. Saint Petersburg: Aleteiya; 2000. 261 p. Russian.
10. Rubtsov AV. Viruses and civilizations. The new impact of biocataclysms on the evolution of sociocultural models and civilization projects. *Voprosy filosofii*. 2020;8:20–31. Russian. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-8-20-31.

11. Mihaylov VT, Runge J. Identifications of individuals: territorial communities and social space: an attempt of conceptualisation. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2019;1:52–62. Russian. DOI: 10.31857/S013216250003747-4.
12. Kozlovets' MA. *Fenomen nacional'noi' identychnosti: vyklyky globalizatsii* [The phenomenon of national identity: challenges of globalisation]. Zhytomyr: Vydavnytstvo ZhDU imeni I. Franka; 2009. 558 p. Ukrainian.
13. Kozlovets' MA. [European identity: unification or «unity in diversity»?]. *Gumanitarnyj visnyk ZDIA*. 2009;37:72–86. Ukrainian.
14. Petrenko VF, Mitina OV, Gladkikh NY. Psychosemantics of «soft power» in geopolitics. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018;1:40–51. Russian. DOI: 10.7868/S0132162518010051.
15. Deleuze G, Guattari F. *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Zenkin SN, translator. Moscow: Institut eksperimental'noi' sotsiologii; 1998. 286 p. Russian.
16. Bourdieu P. *Prakticheskii smysl* [Practical meaning]. Shmatko ON, editor. Saint Petersburg: Aleteiya; 2001. 562 p. Russian.
17. Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practices]. Shmatko ON, editor. Saint Petersburg: Aleteiya; 2005. 576 p. Russian.
18. Gold J. *Psikhologiya i geografiya. Osnovy povedencheskoi geografii* [Psychology and geography. Fundamentals of behavioural geography]. Fedulov SV, translator. Moscow: Progress; 1990. 302 p. Russian.
19. Debord G. *Psikhogeografiya* [Psychogeography]. Sokolinskaya A, translator. Moscow: Ad Marginem Press; 2017. 111 p. Russian.
20. Jameson F. *Marksizm i interpretatsiya kul'tury* [Marxism and interpretation of culture]. Moscow: Kabinetnyi uchenyi; 2014. 412 p. Russian.
21. Nisbett RE. *The geography of thought: how Asians and Westerners think differently... and why*. New York: The Free Press; 2003. 288 p.
22. Malafouris L. Mind and material engagement. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2019;18:1–17. DOI: 10.1007/s11097-018-9606-7.
23. Zagrychuk YD. [Globalisation and the national-cultural identity]. *Visnyk Nacional'noi' jurydychnoi' akademii' Ukrainy imeni Yaroslava Mudrogo. Seriya: Filosofija, filosofija prava, politologija, sociologija*. 2009;1:133–141. Russian.
24. Anzaldúa G. *Borderlands. La Frontera. The new mestiza*. San Francisco: Aunt Lute Books; 2012. 312 p.
25. Razor T. [Spatial representation of the frontier. In search of Belarus on the civilisational maps of Samuel Huntington and Alexander Dugin]. *Palitychnaja sfera*. 2007;8:51–59. Russian.
26. Zamyatin DN. [Identity and territory: humanitarian and geographical approaches and discourses]. In: Semenenko IS, Fadeeva LA, editors. *Identychnost' kak predmet politicheskogo analiza* [Identity as a subject of political analysis]. Moscow: IMEMO RAN; 2011. p. 186–203. Russian.
27. Zamyatin DN. *Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov* [Humanitarian geography: space and language of geographical images]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2003. 331 p. Russian.
28. Peirce ChS. *Nachala pragmatizma* [The beginnings of pragmatism]. Kiryushchenko VV, Kolopotin MV, translators. Saint Petersburg: Aleteiya; 2000. 316 p. Russian.
29. Vorob'eva SV. [Semiotic foundations of cognitive hermeneutics]. In: Demin IV, editor. *Istoriya. Semiotika. Kul'tura: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 250-letiyu Fridrikha Shleiermakhera; 23–24 noyabrya 2018 g.; Samara, Rossiya* [History. Semiotics. Culture: collection of materials of the International scientific conference dedicated to the 250th anniversary of Friedrich Schleiermacher; 2018 November 23–24; Samara, Russia]. Samara: Samara University; 2018. p. 289–296. Russian.
30. Lévinas E. Diachronie et représentation: à la recherche du sens. *Revue de l'Université d'Ottawa*. 1985;55:85–98. French.
31. Lévinas E. *Le temps et l'autre*. Paris: Presses universitaires de France; 1979. 92 p. French.
32. Ricœur P. [Kant and Husserl]. Naiman EA, Surovtsev VA, editors. *Intentsional'nost' i tekstual'nost': filosofskaya mysl' Frantsii XX veka* [Intentionality and textuality: the philosophical thought of 20th century in France]. Tomsk: Vodolei; 1998. p. 162–194. Russian.
33. Ricœur P. *Konflikt interpretatsii. Ocherki po germeneytike* [Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics]. Vdovina IS, translator. Moscow: Akademicheskii proekt; 2008. 695 p. Russian.
34. Fanon F. [Black skin, white masks]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [Internet]. 2020 [cited 2024 May 2];161(1). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21969/. Russian.
35. Latour B. Visualization and cognition: drawing wings together. *Logos*. 2017;27(2):95–156. Russian.
36. Deleuze G, Guattari F. *Tysyacha plato: kapitalizm i shizofreniya* [A thousand plateaus: capitalism and schizophrenia]. Yekaterinburg: U-faktoriya; 2010. 892 p. Russian.
37. Latour B. *Peresborka sotsial'nogo. Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the social. An introduction to actor-network-theory]. Polonskaya I, translator. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2014. 382 p. Russian.
38. Urry J. *Mobil'nosti* [Mobility]. Lazarev AV, translator. Moscow: Praxis; 2012. 320 p. Russian.
39. Urry J. *Sotsiologiya za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlya XXI veka* [Sociology beyond societies: types of mobility for the 21st century]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2012. 336 p. Russian.
40. Vorobyova SV, Liahchyn AA. Cross-cultural bases of tendencies of civilization development. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2018;2:17–22. Russian.
41. Lévinas E. *Totalité et infini. Essai sur L'Extériorité*. La Haye: M. Nijhoff; 1991. 343 p.
42. DeLanda M. *A new philosophy of society: assemblage theory and social complexity*. London: Continuum; 2006. 160 p.

Статья поступила в редколлегию 03.10.2024.
Received by editorial board 03.10.2024.

УДК 330.1 + 316.2

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЕЙШЕЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ: ОТ НАРРАТОЛОГИИ И МЕМЕТИКИ К НАРРАТИВНОЙ ЭКОНОМИКЕ И ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

В. К. ЩЕРБИН¹⁾

¹⁾Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются этапы формирования новейшей, нарративно-дискурсивно-риторической, методологической парадигмы в области социогуманитарных наук. На первом этапе проводится изучение экономических историй, социальных дискурсов, больших и малых нарративов по аналогии с другими направлениями нарратологии (исторической, литературной, психологической, социологической, экономической нарратологией и т. д.). Второй этап предполагает исследование экономических и социальных мемов, психических вирусов, мыслей-вирусов в сравнении с другими направлениями меметики (исторической, психологической, социологической, экономической меметикой и т. д.). Третий этап подразумевает формирование современной нарративной экономики и повествовательной социологии, в процессе развития которых были образованы основные виды анализа нарративов (академический анализ нарративов, жизненные истории как метод сбора данных, качественный анализ нарративов, когнитивный нарративный анализ, количественный анализ нарративов, конструктивистский подход к анализу нарративов, метод нарративного интервью, метод создания метанарративов, нарративный анализ, психоаналитический анализ нарративов, структурный анализ нарративов, сюжетный анализ и т. д.). Анализируются взаимосвязи нарративной экономики и повествовательной социологии. Определяется вклад различных научных дисциплин в развитие нарративной экономики и повествовательной социологии. Обосновываются следующие выводы: новейшие отраслевые теории, такие как нарративная экономика и повествовательная социология, сформировались благодаря совместному использованию методологических подходов, разработанных в рамках истории экономических учений, истории макро- и микросоциологии, нарратологии, меметики, социально-экономической риторики, макроэкономического прогнозирования и социального проектирования; в качестве теоретической основы нарративной экономики и повествовательной социологии выступает новейшая, нарративно-дискурсивно-риторическая, методологическая парадигма, в рамках которой выделяются, с одной стороны, методологические подходы, разработанные в рамках указанных научных дисциплин, а с другой стороны, количественный и качественный анализ экономических и социальных нарративов.

Ключевые слова: большие и малые нарративы; социальный дискурс; экономическая история; психический вирус; экономический мем; история экономических учений; история макро- и микросоциологии; нарратология; меметика; риторика; макроэкономическое прогнозирование; социальное проектирование; нарративная экономика; повествовательная социология.

Образец цитирования:

Щербин ВК. Этапы формирования новейшей методологической парадигмы: от нарратологии и меметики к нарративной экономике и повествовательной социологии. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2024;4:31–42. EDN: SNSBVG

For citation:

Shcherbin VK. Stages of formation of the newest methodological paradigm: from narratology and memetics to narrative economics and storytelling sociology. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2024;4:31–42. Russian. EDN: SNSBVG

Автор:

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук; ведущий научный сотрудник.

Author:

Vyacheslav K. Shcherbin, PhD (philology); leading researcher.
shcherbin5353@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6217-1265>

STAGES OF FORMATION OF THE NEWEST METHODOLOGICAL PARADIGM: FROM NARRATOLOGY AND MEMETICS TO NARRATIVE ECONOMICS AND STORYTELLING SOCIOLOGY

V. K. SHCHERBIN^a

^aCenter for System Analysis and Strategic Research, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Akademichnaja Street, Minsk 220072, Belarus

Abstract. The stages of the formation of the newest, narrative-discursive-rhetorical, methodological paradigm in the field of socio-humanitarian sciences are considered. The first stage involves the study of economic histories, social discourses, large and small narratives by analogy with other areas of narratology (historical, literary, psychological, sociological, economic narratology, etc.). The second stage involves the study of economic and social memes, mental viruses, thought viruses in comparison with other areas of memetics (historical, psychological, sociological, economic memetics, etc.). The third stage implies the formation of modern narrative economics and narrative sociology, in the process of development of which the main types of narrative analysis were formed (academic analysis of narratives, life stories as a method of data collection, qualitative analysis of narratives, cognitive narrative analysis, quantitative analysis of narratives, constructivist approach to the analysis of narratives, the method of narrative interviews, the method of creating metanarratives, narrative analysis, psychoanalytic analysis of narratives, structural analysis of narratives, plot analysis, etc.). The article analyses the relationships between narrative economics and storytelling sociology. It identifies the contributions of various disciplines to the development of narrative economics and storytelling sociology. The following conclusions are substantiated: narrative economics and storytelling sociology, as the latest branch theories, were formed due to the joint use of methodological approaches developed within the framework of such different disciplines as the history of economic doctrines, history of macro- and microsociology, narratology, memetics, socio-economic rhetoric, macroeconomic forecasting and social design in narrative research; the latest methodological, narrative-discursive-rhetorical, paradigm serves as the theoretical basis for narrative economics and storytelling sociology, within the framework of which, on the one hand, methodological approaches developed within the framework of the scientific disciplines listed above are distinguished, and on the other hand, quantitative and qualitative analysis of economic and social narratives.

Keywords: large and small narratives; social discourse; economic history; mental virus; economic meme; history of economic doctrines; history of macro- and microsociology; narratology; memetics; rhetoric; macroeconomic forecasting; social design; narrative economics; storytelling sociology.

Введение

В последние годы в российской и белорусской научной периодике появились описания целого ряда наметившихся кардинальных методологических поворотов в развитии социогуманитарных наук. Так, об антропологическом повороте пишут антрополог И. Д. Прохорова [1] и социолог М. С. Фетисов [2]. Нарративный поворот описывает философ В. Л. Лехциер [3]. Роль интерпретативного поворота в «обращении исследователей к жизненным историям» раскрывается в работах философа Е. Г. Трубиной [4, с. 42]. Ряд поворотов, ориентированных на использование междисциплинарного методологического подхода (поворот к культуре, поворот к сложности и мобильности, прагматический поворот, постмодернистский поворот, феминистский поворот, поворот к теориям риска, эволюционистский поворот, поворот к жизненному миру, поворот к визуальной социологии), рассмотрела белорусский социолог Л. Г. Титаренко [5].

Российский философ и социолог С. А. Кравченко попытался объяснить явную множественность описываемых методологических поворотов в развитии социогуманитарных наук следующим образом: «Происходит ускоряющееся и усложняющееся развитие

природы и социума, что обусловлено эффектом “стрелы времени”; в этом контексте идет становление научного знания: теории все быстрее устаревают, их место занимают другие, основанные на более сложном инструментарии, позволяющем адекватнее отражать происходящие изменения. <...> По критерию способности теоретико-методологического инструментария анализировать ускоряющуюся социальную и культурную динамику нами были выделены пять поколений социологической теории в виде соответствующих пяти метапарадигм (в виде позитивистской, интерпретативной и интегральной метапарадигм, а также в виде метапарадигмы рефлексивного модерна, или сложной междисциплинарности, и метапарадигмы постмодерна, или постдисциплинарности. – В. Ш.). Каждое новое поколение социологической теории возникало лишь тогда, когда общество преодолевало очередной порог динамической сложности и... инновационный теоретико-методологический инструментарий создавался для анализа реальных изменений жизни общества» [6, с. 16–17].

С. А. Кравченко приходит к выводу о том, что необходима гуманистически ориентированная постдисциплинарность, которая будет органично включать

в себя как теории хаоса, сложности и цифровизации, так и новые подходы к гуманизму, адекватно отражающие сложности и нелинейности картины мира А. Эйнштейна. Такая постдисциплинарность позволит комплексно изучать жизнь человека в условиях становления цифровых реалий, учитывая основные факторы производства всего функционально значимого для живого (чистой почвы и воды, благоприятных климатических и атмосферных условий). С. А. Кравченко выражает надежду на то, «что принятие политиками достижений гуманистически ориентированной постдисциплинарности» даст обществу возможность «обеспечить переход от формально-прагматического к *жизненно значимому* тренду развития» [6, с. 23].

Общую черту под многочисленными описаниями разных типов методологических поворотов подводит российский философ В. В. Савчук: «В набирающей скорость истории XXI в. повороты появляются все чаще и чаще: после онтологического, лингвистического и иконического поворотов на рынок концептов почти в одночасье выброшены антропологический, теологический, перформативный, постмодернистский, пространственный, прагматический, риторический, телесный, топографический, содержательно-эстетический повороты, каждый из которых на свой лад хочет дать ответ на вопрос, что есть все, исходя из предмета своего исследования и тем самым представить его в качестве первой философии» [7, с. 106]. Но объявленные повороты не только не закрывают

поставленные вопросы, но и поднимают новые, например о том, какова инстанция, от имени которой утверждается смысл, где основа легитимации такой позиции, несут ли эти повороты новую интонацию, отражающую настоящее время, дают ли они опору конкретно-научным и гуманитарным исследованиям, настраивают ли они художника на новое видение мира, переопределяют ли они онтологические основания сущего [7, с. 107].

Нам представляется, что поиску ответов на поставленные вопросы будут способствовать следующие предложения российских философов. В частности, О. Н. Яницкий считает, что «...современный институт науки критически отстает от динамики глобальных систем. Для разрешения этого кризиса нужны проблемно-ориентированный и междисциплинарный подходы» [8, с. 161]. В. Е. Кемеров описывает возможные пути удовлетворения потребности в новых методах и подходах. Он отмечает, что, как только возникает проблема изменения методологии, выработки новых методологических средств, сразу же проявляется социально-историческая, человеческая обусловленность методологической деятельности. В XX в. познавательные стандарты обнаружили свою зависимость от процесса познания, развитости познающего субъекта и типа познаваемых объектов, поэтому в основаниях методологии были выявлены социальные, человеческие, культурные и исторические измерения и возникла потребность в их социально-философском осмыслении¹.

Нарративная экономика и повествовательная социология

На наш взгляд, в поисках гуманистически ориентированной постдисциплинарности, а также в процессе выработки проблемно-ориентированного и междисциплинарного подходов к конечной цели ближе всех подошли такие социогуманитарные дисциплины, как нарративная экономика (экономическая теория, которая «показывает, как популярные истории со временем видоизменяются, оказывая влияние на экономические результаты, вызывая не только рецессии и депрессии, но и другие значительные экономические явления» [9, с. 17]) и повествовательная социология (отраслевая социологическая теория, которая «поощряет написание текстов, экспериментирующих с различными формами репрезентации и стремящихся к взаимодействию с миром за пределами академической сферы» [10, р. 10]). Обе научные дисциплины ориентируются в своем развитии на использование дескриптивно-аналитической методологии. О преимуществах указанного типа методологии российский экономист Д. Е. Расков пишет следующее: «Структуру современного экономического знания невозможно описать, исходя из

единой нормативной методологии. Прескриптивный позитивизм К. Поппера, представление о развитии экономической теории в терминах смены парадигм Т. Куна или сосуществования и конкуренции научно-исследовательских программ И. Лакатоша утратили былую привлекательность и объяснительную силу. Гораздо большее значение приобретает дескриптивно-аналитическая методология, к которой относится риторическая концепция метода. Риторическая программа предлагает сместить акцент на практическое объяснение убедительности различных теорий. Согласно новому видению факта не существует без интерпретации, реальности – без наблюдателя, экономики – без человека, науки – без риторики. В контексте данного подхода, созвучного эпиграфу из Х.-Г. Гадамера (“Подлинная риторика не может быть отделена от знания истины вещей”), предлагается вернуться к античному пониманию риторики как культуры готового слова, “говорящей мудрости” Дж. Вико, обратить внимание на язык, стиль, риторические стратегии, используемые метафоры. Дискуссия по поводу этого метода, которая началась со

¹Кемеров В. Я. Методология // Социальная философия : словарь / под ред. В. Е. Кемерова, Т. Х. Керимова. М. : Акад. проект, 2003. С. 230–231.

статьи Д. Макклоски в 1993 г. в “Journal of Economic Literature”, сегодня уже завершена. Риторическая концепция метода была признана и заняла достойное место в ряду других подходов к методологическому исследованию экономической теории» [11, с. 81–82].

Представители российской и зарубежной социологической науки считают, что нарративы должны лежать в основе каждого систематического теоретико-методологического исследования в области социогуманитарных наук: «Нарратив, как лингвистический, культурный и социальный феномен... лежит в основе качественного социологического подхода, однако до сих пор не стал предметом специального систематического теоретико-методологического исследования»². При этом следует учитывать, что «нарративы просто напичканы социологической информацией, а большинство эмпирических данных в социологии имеют нарративную форму, даже результаты анкетного опроса часто скрывают за числами значимые нарративы» [12, р. 518]. Можно сделать вывод о том, что нарративный анализ должен стать одним из основных социологических методов, а нарративная социология [13], или, как ее чаще называют, повествовательная социология [10], относится к новейшим направлениям современной социологии.

Какие же качества нарративной экономики и повествовательной социологии дают нам основания считать их методологическими донорами в современной социогуманитарной науке? По мнению известного американского экономиста, лауреата Нобелевской премии по экономике за 2013 г. Р. Шиллера, нарративная экономика и повествовательная социология являются практическими эталонами базирующегося на изучении нарративов масштабного подхода к изучению самых разных социогуманитарных явлений. Такой подход выступает своеобразным синтезом разных дисциплинарных методов. За последние десятилетия в общественных науках сформировалось большое количество течений, сторонники которых подчеркивают важность исследования популярных нарративов. К таким направлениям научной мысли можно отнести нарративную психологию, повествовательную социологию, анализ нарративов в психоанализе, изучение нарративов в религиоведении, нарративную криминологию, фольклористику, сарафанный маркетинг и т. д. Идея, объединяющая эти течения, заключается в том, что

«...большинство людей, если спросить их о целях или жизненной философии, практически ничего сказать не готовы. Но они охотно рассказывают личные истории, по которым можно судить об их истинных ценностях» [9, с. 43].

Близкие по содержанию оценки различных научных направлений, связанных с изучением нарративов, содержатся и в статье американского социолога Д. Майнса. По его мнению, нарративный поворот в человеческом исследовании достиг уровня социальных наук и создал ситуацию, которую можно назвать моментом повествования. Этот момент представляет собой набор условий и возможностей, которые позволяют разработать подлинную нарративную социологию. Такая социология сможет охватить социологию нарративов или изучение нарративов с точки зрения интересов предметной области социологической науки. Она бы всеобъемлюще и рефлексивно включала нарративы данной области знания, рассматривая социологов как рассказчиков и тем самым исследуя то, что они делают со своими и чужими нарративами. Такую двойственность фокуса можно рассматривать прозрачным образом, опираясь на существующие работы в области фольклора, антропологии, психологии развития, коммуникации, истории, литературной критики и других гуманитарных наук. По своей сути нарративная социология является максимально междисциплинарной [13, р. 17].

Сходную точку зрения по поводу углубления междисциплинарности социологической науки высказывает также социолог Ж. Т. Тощенко: «На наш взгляд, надо выходить на новый уровень обобщения, на иные формы осмысления и использования достигнутого социологией, включать в исследовательскую практику то, что накоплено в смежных социальных, естественных, точных и гуманитарных науках» [14, с. 5].

Чтобы убедиться в том, что нарративная экономика и повествовательная социология являются сегодня «зонтичными» науками, которые вобрали в себя методологические приемы и подходы из самых разных научных дисциплин и в силу этого стали «методологическими донорами» для других социогуманитарных наук, попробуем определить вклад разных научных дисциплин в процессы формирования и развития нарративной экономики и повествовательной социологии.

Научные дисциплины, играющие ключевую роль в процессах формирования и развития нарративной экономики и повествовательной социологии

На наш взгляд, к числу дисциплинарных подходов, которые играют определяющую роль в процессах формирования и развития современной нарративной экономики и повествовательной со-

циологии, можно отнести методологические подходы, разработанные в рамках таких научных дисциплин, как история экономических учений, история макро- и микросоциологии, нарратология, меметика,

²Троцук И. В. Нарративный анализ в социологии: возможности практического применения : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01. М. : РУДН, 2005. С. 4.

экономическая и социальная риторика, макроэкономическое прогнозирование и социальное проектирование.

История экономических учений и история макро- и микросоциологии (больших нарративов). Р. Шиллер так оценивает возможности истории экономических учений для успешного решения проблем нарративной экономики: «...курс истории экономической мысли, какую бы ценность она ни представляла, затрагивает лишь вершину айсберга экономических теорий и не исследует то, о чем думали миллионы простых граждан. История изучает трактаты об оптимальном вмешательстве государства на уровне рынков, а вовсе не то, как обычные люди изо дня в день принимают экономические решения, пребывая то в состоянии воодушевления, то в нерешительности» [9, с. 8]. На наш взгляд, недооценивать вклад истории экономических учений в формирование нарративной экономики нельзя, поскольку специалисты именно этой области изучают такой тип экономических нарративов, как большие нарративы (экономические учения, социально-экономические формации и т. д.), на которых «может зиждиться структура знания целой цивилизации» [15, с. 524].

Исследованием больших нарративов (макросоциологических доктрин и отраслевых социологических теорий) занимается и такая социологическая дисциплина, как история макро- и микросоциологии. Широкий набор макросоциологических доктрин и отраслевых социологических теорий представлен в работе Дж. Скотта [16, р. 197–207].

В последнее время российские исследователи все чаще пишут о «необходимости “антропологического поворота” в гуманитарных науках, подразумевающего отказ от “больших нарративов” и понятийного эссенциализма в пользу обращения к “истории людей”» [2, с. 234]. Наблюдается данный «антропологический поворот» и в учебных аудиториях западных университетов. Так, «на семинарах по экономике вопрос “Что у тебя за история?” – это призыв перейти на более низкий уровень абстракции, поближе к эпизодам из обычной жизни людей» [17, с. 22]. По свидетельству И. П. Ильина, век постмодернизма для французского философа Ж.-Ф. Лиотара характеризуется эрозией веры в великие метаповествования, легитимирующие, объединяющие и тотализирующие представления о современности. Сегодня мы являемся свидетелями раздробления великих историй, появления множества более простых локальных историй-рассказов. Смысл этих парадоксальных по своей сути повествований состоит в том, чтобы не узаконить знание, а в том, чтобы драматизировать наше понимание кризиса, прежде всего кризиса детерминизма, который сохранился только в виде маленьких «островков» в мире всеобщей нестабильности³.

Нарратология как наука, изучающая узкодисциплинарные и персональные истории (малые нарративы). По словам российского исследователя В. И. Тютю, «...современная нарратология представляет собой весьма обширную область научного поиска в области сюжетно-повествовательных высказываний (дискурсов), соотносимых с некоторой фабулой (историей, интригой). Речь идет не только о художественных текстах и порой даже не только о текстах вербальных: усилиями историков, философов, культурологов категория нарративности получила весьма широкое и богатое концептуальное наполнение» [18, с. 5]. Главным объектом изучения нарратологии является нарратив. Под последним подразумевается любой повествовательный текст, функцией которого выступает информирование адресата о событиях. Данный тип изложения является специфическим и, в отличие от дескриптивного (описательного) или экспозиторного (объяснительного) типа, имеет сюжет. Именно «осюжеченные» тексты несут в себе информацию, ценную для социального исследователя, для которого важны не факты, касающиеся событий, а то, как автор осмысливает происходящее и преподносит его своему собеседнику. Изучая нарративы, а значит, и сюжетные структуры, исследователь решает множество задач. Например, он исследует «взаимосвязи между макро- и микроуровнями общества, процессы структуризации, социального (вос)производства и социальных изменений» [19, с. 95]. Поскольку все нарративы привязаны к конкретным тематическим ситуациям, то вполне закономерным является то, что к настоящему времени в рамках нарратологии сложилась четкая дисциплинарная дифференциация видов анализируемых нарративов. Исторические нарративы изучает историческая нарратология, литературно-художественные нарративы – литературоведческая нарратология, социальные нарративы – социологическая нарратология, экономические нарративы – экономическая нарратология и т. д. Иными словами, «в широком поле нарративных данных могут работать исследователи из разных областей науки, это и психологи, и историки, и социологи, и этнографы» [19, с. 95]. Весьма широким является и перечень речевых жанров, имеющих нарративную форму: «...тексты интервью, дневники, литературные произведения, рассказы пациентов на психотерапевтических сеансах, показания свидетелей, некрологи, рекламные тексты, новости на телевидении, тексты песен, анекдоты, любовные письма и т. д.» [19, с. 95].

Меметика как наука о психических, или мозговых, вирусах (трактовка Р. Броди [20]) и мемах как аналогах культурных генов (трактовка Р. Докинза [21]). В своем понимании меметики Р. Шиллер придерживался трактовки Р. Броди: «...мысли-

³Ильин И. П. Метарассказ // Западное литературоведение XX века : энциклопедия / под ред. Е. А. Цургановой. М. : Intrada, 2004. С. 252.

вирусы ответственны за многие из изменений, которые мы наблюдаем в экономике. История нашего времени и нашей личной жизни постоянно меняется, а вместе с ней меняется и наше поведение» [9, с. 23]. В другом месте своей книги Р. Шиллер прямо пишет о том, что «экономический нарратив представляет собой “вирусную историю”, которая вполне способна повлиять на принимаемые людьми экономические решения» [9, с. 30].

В то же время среди современных экономистов и социологов достаточно распространенным является и иное понимание меметики, а именно трактование ее как науки об экономических и социальных мемах. Еще в начале XXI в. представители такого понимания меметики ставили задачи выявить и устранить социально неэффективные решения, которые приобрели свойства экономических мемов: «...однажды принятое социально неэффективное решение становится устойчивым и определяет деятельность экономических субъектов в течение долгого времени. Экономическая система или ее часть начинает развиваться в таком направлении, которое в итоге ведет общество к кризису и упадку. Экономисты не выработали единую точку зрения по поводу возможности избежать такого развития событий» [22, с. 14]. В свою очередь социологи высказываются о роли социальных мемов в процессах общественной коммуникации следующим образом: «Мемы... это не просто модернизированный анекдот, это социально-культурная технология, имеющая фундаментально-прикладной статус в связи с попыткой использования при синтезе мема как социальных, так и психологических закономерностей и... использование специальных платформ для их размещения, что позволяет смело говорить об институционализации мема как продукта массовой культуры в информационном обществе» [23, с. 187].

Экономическая и социальная риторика, в рамках которой изучаются разговоры экономистов и социологов. По мнению американского экономиста Д. Макклоски, риторика не занимается истиной, она занимается разговором. Риторика представляет собой «способ литературно анализировать разговоры экономистов и математиков точно так же, как разговоры поэтов и прозаиков» [17, с. 221]. Как уже отмечалось, дискуссия по поводу использования этого риторического метода в американской экономической науке к настоящему времени уже завершилась. Данный метод занял достойное место в ряду других методологических подходов к исследованию экономических явлений [11, с. 82].

Социальная риторика, создающая возможности для междисциплинарных переходов и трансферов между социогуманитарными науками, развивается, например, в работах зарубежных социологов Й. Терборна и Р. Коллинза. По мнению Й. Терборна, именно

«...социология предлагает наиболее выгодную позицию (точку зрения) для понимания мира в целом, сочетания прошлого и современности. Она широко открыта для других областей знания и дисциплин, сама являясь плюралистической наукой, движимой свободным от парадигматических обязательств любопытством и желанием увязать как можно больше эмпирических доказательств и свидетельств человеческого опыта» [24, с. 12]. Р. Коллинз считает, что «...главный род деятельности, который придает социологии интеллектуальное оправдание, – это формулировка обобщенных объяснительных принципов, организованных в модели глубинных процессов, порождающих социальный мир. Именно эти процессы определяют, как конкретные условия порождают конкретные результаты. Именно эти обобщенные способы объяснения и составляют науку» [25, с. 71].

Макроэкономическое прогнозирование и социальное проектирование. Макроэкономическое прогнозирование традиционно осуществляется путем анализа тенденций, мегатрендов, больших данных, а также экономических нарративов. По поводу возможного использования результатов анализа экономических нарративов в целях прогнозирования развития экономики Р. Шиллер пишет следующее: «Нарративная экономика, как учение о получивших широкое распространение в обществе суждениях, влияющих на экономическое поведение, может помочь точнее прогнозировать экономические изменения и подготовиться к ним» [9, с. 29]. В издательской аннотации к книге Р. Шиллера указано, что автор первым обратил внимание на то, что экономические модели на базе вирусных историй, нарративы, являются более точными. За эту идею ученый получил Нобелевскую премию. Если следовать теории Р. Шиллера, то благодаря изучению историй, подкрепленных верой людей и принимающих форму «информационной эпидемии», можно строить более точные прогнозы. Такие прогнозы способны подготовить человечество к экономическим потрясениям и снизить их потенциальный ущерб [9, с. 4].

Для социального проектирования учет содержания социальных нарративов может быть полезным по следующим причинам.

1. Использование социальных нарративов и дискурсов способствует выполнению социологией своей воспитательно-проективной функции: «...воспитатель должен быть социализирован и социологически образован, ибо социология воспитывает не морализаторством, негативными запретами (“нельзя”) и санкциями, а тем, что открывает дверь в тот сложный мир, в который, взрослея, войдет индивид; показывает, как устроен этот мир и каким нужно стать самому, чтобы чувствовать себя в нем комфортно, иметь возможность самореализации. В этом

и заключается смысл и суть огромной популярности социологического образования в развитых странах» [26, с. 23–24].

2. Именно социальные нарративы лежат в основе социотехнического проектирования, которое, «в отличие от классического, направлено не на формально-логические и технические компоненты, а на реализацию человеческой деятельности в социуме, ее

социальные и организационно-институциональные компоненты» [27, с. 269].

3. Каждый социальный нарратив описывает жизненную ситуацию, являющуюся «такой аналитической единицей, которая позволяет свести в одной модели общесоциальные, локальные и индивидуальные детерминанты качества и образа жизни людей, проследить их взаимовлияние»⁴.

Использование новейшей методологической парадигмы в рамках нарративной экономики и повествовательной социологии

Проведенный нами анализ ограниченного набора дисциплинарных подходов, наиболее повлиявших на формирование нарративной экономики и повествовательной социологии, показывает, что все рассмотренные дисциплинарные подходы очень тесно взаимодействуют, образуя единую методологическую парадигму. С ее помощью специалисты в области нарративной экономики и повествовательной социологии получают принципиально новые и более качественные результаты в описании и прогнозировании социально-экономического развития разных стран мира. В рамках нарративной экономики сегодня активно используются такие виды анализа экономических нарративов, как количественный анализ, «в рамках которого определяются вирусность нарративов и их влияние прежде всего на макроэкономические процессы», и качественный анализ, «где нарративы анализируются для выявления идей или упрощенных протомodelей, с помощью которых акторы объясняют экономические явления» [28, с. 119].

Что касается количественного анализа нарративов, то, по свидетельству Р. Шиллера, уже сегодня исследователи-экономисты пребывают в поиске оптимальных методик количественного анализа, которые помогли бы оценить влияние нарративов на экономические показатели. Поиск по текстам – это достаточно узкая, но весьма перспективная методика. Сервис «Google Ngram» был создан для подсчета количества упоминаний определенных фраз и сопоставления результатов за разные периоды. При этом он и другие подобные сервисы могли бы обеспечить гораздо большую точность сопоставляемых показателей. Кроме того, сбор данных об экономических нарративах следует осуществлять на регулярной основе по крайней мере один раз в год, а лучше чаще. Подобные исследования должны проводиться в разных странах и на разных языках непрерывно на протяжении десятилетий⁵ [9, с. 337–339].

Качественный анализ нарративов связан с «проводимыми на регулярной основе фокусированными интервью, в ходе которых в ответ на наводящие вопросы респондентам предлагалось бы рассказывать

подробные истории о своих экономических решениях» [9, с. 339]. Российский экономист В. М. Ефимов детально описывает механизм проведения качественного дискурсивного анализа, а именно анализа нарративов, имеющих непосредственное отношение к экономическим процессам и явлениям. Например, для того чтобы изучать финансовые рынки, нужно вступить в контакт с трейдерами. Непосредственный вербальный контакт, в результате которого исследователь получает доступ к определенной истории, и выступает для экономической науки тем, что в естественных науках называется научным экспериментом. Работая с транскриптом бесед-интервью, исследователь формирует концепции и понятия, которые в сжатой форме отражают изучаемое явление [30, с. 26, 29, 31].

В качестве ключевых и объединяющих понятий как для количественного, так и для качественного анализа экономических и социальных нарративов, благодаря использованию которых и формируется новейшая методологическая парадигма, выступают понятия «репликация» (повторение) и «виральность» (заразность). Как показал Р. Шиллер, заразность экономических нарративов зависит от возможностей их повторения: «Заразительная история – это история, которая быстро привлекает внимание и производит впечатление на человека. <...> Заразность зависит от частоты возможностей вставить нарратив в ходе разговора. <...> Возможности заражения могут повысить новые идеи и концепции» [9, с. 136–137].

Кроме того, по мнению Р. Шиллера, «...мутации нарратива или изменения условий среды, в которых этот нарратив существует, могут превратить его в нарратив экономический, оказывающий непосредственное влияние на экономические решения людей. Мутация также может сделать нарратив более заразным, изменив при этом историю, лежащую в его основе» [9, с. 149]. Как отмечает Р. Шиллер, «чтобы нарратив был эффективным, он должен быть правильно сформулирован и представлен» [9, с. 327]. Иными словами, именно высокая употребительность экономических нарративов позволяет, с од-

⁴Прогнозное социальное проектирование: методологические и методические проблемы / отв. ред. Т. М. Дридзе. М.: Наука, 1994. С. 57.

⁵Более подробно функционирование сервиса «Google Ngram» описано в работе [29].

ной стороны, использовать количественные подходы к их изучению (аналитика больших данных, трендовый анализ, лексико-статистический текстовый анализ и иные виды анализа), а с другой стороны, достаточно точно прогнозировать степень их влияния на принимаемые населением разных стран мира экономические решения, опираясь на количественно выраженный уровень заразности того или иного экономического нарратива. Р. Шиллер убежден в том, что «...изменения поведения потребителей, инвесторов и предпринимателей, иные экономические явления невозможно верно истолковать, не обратившись к нарративной экономике. Развитие нарративной экономики – это значимый проект и тема для серьезных исследований в будущем» [9, с. 361].

Специалисты, работающие в рамках повествовательной социологии, делятся следующими наблюдениями: «В многоголосоице современного текстового анализа в широком смысле этого слова оформились три лидера, судя по частоте упоминаний соответствующих словосочетаний в научной и публицистической литературе, – нарративный анализ, дискурсивные исследования и семиотика»⁶. В отечественной и зарубежной традиции крайне редко предпринимаются попытки систематизировать методологические и процедурные особенности разнообразных версий текстового анализа и прояснить критерии их номинации и взаимоотношений друг с другом. На подобную ситуацию влияют два принципиальных фактора. Во-первых, большинство исследователей неверно оценивают степень сконструированности используемых в рамках текстового анализа понятий, а потому таковые совершенно произвольно и некорректно «наклеиваются» и на объект, и на предмет изучения. Во-вторых, в современной социологии, особенно в отечественной традиции, отсутствуют методологические и методические дискуссии о статусе, моделях и методических решениях текстового анализа. Это можно считать симптомом аномалии в структуре социологического знания, поскольку текстовый анализ обрел феноменальную популярность, причем и в эмпирических исследованиях⁷.

Нарративную экономику и повествовательную социологию объединяет использование ими новейшей, нарративно-дискурсивно-риторической, методологической парадигмы, в отношении которой давно назрела необходимость описать историю ее формирования, а также особенности ее структуры. История формирования указанной методологической парадигмы имеет, на наш взгляд, три этапа:

1) изучение экономических историй, социальных дискурсов, больших и малых нарративов по ана-

логии с другими направлениями нарратологии (исторической, литературной, психологической, социологической, экономической нарратологией и т. д.);

2) исследование экономических и социальных мемов, психических вирусов, мыслей-вирусов в сравнении с другими направлениями меметики (исторической, психологической, социологической, экономической меметикой и т. д.);

3) формирование современной нарративной экономики и повествовательной социологии, в процессе развития которых были образованы основные виды анализа нарративов, объединяемые в рамках новейшей методологической парадигмы социогуманитарных наук.

Рассматриваемая методологическая парадигма включает в себя не только описанный количественный и качественный анализ нарративов, но и более современные и специализированные подходы к изучению нарративов, выработанные в процессе развития нарративной экономики, повествовательной социологии и других социогуманитарных наук. К числу новейших, более специализированных методов можно отнести следующие виды анализа нарративов:

- академический анализ нарративов. Разработка данного метода «...связывается с именем З. Фрейда, хотя его психоаналитические интерпретации историй жизни известных личностей были основаны на вторичных документах, а не на устных повествованиях. Однако З. Фрейд, разрабатывая психоаналитический метод исследования личности, в общих чертах сформулировал правила, необходимые для получения повествования»⁸;

- жизненные истории. Данный вид анализа нарративов давно используется в антропологии как метод сбора данных. Историей в этом случае выступает «рассказ информанта о жизни, направляемый вопросами антрополога» [4, с. 42];

- интерпретативный подход к анализу биографических нарративов. Биография попадает в поле внимания дисциплин, в которых главенствует интерпретативный подход, а именно педагогики, истории, психологии, социологии, политологии, литературоведения, лингвистики, философии. Формированию этого подхода способствовали этнометодология, метод «кейс-стади», символический интеракционизм, феноменология, культурные исследования, герменевтика, интерпретативная антропология, интерпретативная социология [4, с. 42]. Кроме того, «...из современной семиотики известно, что текст создается чтением. Интерпретация требует чтения документов под разными углами зрения. Приходится признать, что имеешь дело не с тем, что некоторое

⁶Троцук И. В. Анализ текстовых данных в социологии: основания систематизации концептуальных моделей, методологических принципов и методических решений : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.01. М. : РУДН, 2014. С. 5.

⁷Там же. С. 7.

⁸Крукович Е. И. Нарративное интервью // Социология : энциклопедия / под ред. В. Н. Иванова. Минск : Книж. дом, 2003. С. 606.

время назад называли комплексным подходом, но с размытием границ отдельных дисциплин и методов» [31, с. 16];

- когнитивный нарративный анализ. Описательные и объяснительные инструменты когнитивный подход заимствует из дисциплинарных традиций. Источниковые дисциплины включают когнитивную лингвистику, прагматику, анализ дискурса, нарратологию, теорию коммуникации, антропологию, стилистику, когнитивную, эволюционную и социальную психологию, риторику, информатику, теорию литературы и философию. Для удобства описания используется термин «когнитивный нарративный анализ» как общее обозначение всех подходов, каждый из которых имеет определенный теоретический акцент, набор концептов и предпочтительный метод исследования⁹;

- конструктивистский подход к анализу нарративов. Значимый вклад в развитие нарративной методологии внес когнитивный психолог Дж. Брунер. Он концептуализировал нарратив как один из двух типов человеческого мышления и, применив к нарративу конструктивистский подход, выдвинул тезис о взаимном влиянии прожитой жизни и рассказа о ней¹⁰;

- метод нарративного интервью. Он представляет собой качественный метод исследования в антропологии, социологии, психологии, образовании, психотерапии и истории. Теоретические предпосылки метода нарративного интервью лежат в этнометодологии, символическом интеракционизме Ч. Кули, У. Томаса, Дж. Г. Мида, социальной феноменологии А. Шютца. Исторической предпосылкой нарративного интервью выступает биографический метод, а также исследования личных устных и письменных рассказов о жизни представителей определенных социальных групп, проводившиеся американскими, польскими и австрийскими социологами и психологами в начале XX в. Таким образом, «...метод нарративного интервью основан на представлении об истории жизни как социальном конструкте, охватывающем как социальную реальность, так и переживаемый субъектом мир. При этом жизненные истории, понимаемые как конструкты, не отделяются от интеракционных процессов»¹¹;

- метод создания метанарративов. Последние представляют собой универсальную систему понятий, знаков, символов, метафор и т. д., направленную на создание единого типа описания. С помощью метанарратива соединяются различные языки, культур-

ные и смысловые дискурсы. Метанарратив «состоит из наиболее общих понятий и создается преимущественно в процессе философского осмысления»¹²;

- нарративный анализ. Методологические разработки нарративного анализа связаны с именами Ф. Шютце, В. Фишера, Г. Розенталя, Дж. Брунера и др. Нарративный анализ предполагает качественный анализ материала нарративного интервью¹³ (биографического или тематического);

- психоаналитический анализ нарративов. Главным методом исследования в психоаналитической терапии является метод «кейс-стади» («кейс-нарратив»), который предполагает «изучение эвристически и коммуникативно значимых индивидуальных случаев или в целом биографий обычных людей для конструирования на их основе типических моделей психических структур» [32, с. 1252];

- структурный анализ нарративов. Трактовка нарратива как механизма из множества составных частей совпадает с предложенным В. Лабовым структурным анализом нарративов, который сегодня является наиболее популярным в социологии [33, с. 177];

- сюжетный анализ. Данный вид основан на принципах структурного рассмотрения текста, выдвинутых в начале XX в. представителями структуралистского направления в лингвистике»¹⁴. По свидетельству Б. В. Булюбаша, «уделяя столь большое внимание структуре курсовой работы, авторы учебника “Science for public understanding” выходят за рамки обычных методических рекомендаций, фактически пытаются обозначить формат, которому – в идеале – должно соответствовать нарративное изложение сюжетов современной науки» [34, с. 182];

- фрактальный нарратив как способ создания повествований. Материал для курсовой работы современный студент ищет чаще всего в интернете, двигаясь от одной гиперссылки к другой. Курсовой работой становится, по сути, комментированное описание пройденного маршрута. Описывая такое погружение в интернет, В. В. Тарасенко говорит о «человеке кликающем», живущем в мире медиа, в отличие от «человека читающего», живущего в мире библиотек. По мнению эксперта, фрактальным нарративом следует называть способ создания повествований, рассказывающих о подобных интернет-путешествиях [34, с. 182–183].

Многообразие перечисленных видов нарративного анализа, на наш взгляд, полностью соответствует многообразию существующих видов самих нарративов. Как справедливо заметили Й. Брокмейер

⁹Herman D. Narrative: cognitive approaches // Encyclopedia of language and linguistics / ed. by K. Brown. 2nd ed. Vol. 8. Amsterdam : Elsevier, 2006. P. 452–459.

¹⁰Крукович Е. И. Нарративное интервью... С. 606.

¹¹Там же.

¹²Никоненко С. В. Метанарратив // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / редкол.: И. Т. Касавин (гл. ред. и сост.) [и др.]. М. : Канон+, 2009. С. 489–490.

¹³Крукович Е. И. Нарративное интервью... С. 607, 608, 610 ; Троцук И. В. Нарративный анализ... С. 10–11.

¹⁴Троцук И. В. Нарративный анализ... С. 5.

и Р. Харре, «...виды нарратива удивительно разнообразны и многоцветны: фольклорные истории, эволюционные объяснения, басни, мифы, сказки, оправдания действий, мемориальные речи, объявления, извинения и т. д. Бесчисленны жанры и формы нарративных текстов. Вместе с тем все они имеют некоторые общие особенности независимо от того, сообщаются ли они в монологах или диалогах, в литературных или обычных историях, устных или письменных текстах. <...> Иными словами, наш локальный репертуар нарративных форм переплетается с более широким культурным набором дискурсивных порядков, которые определяют, кто какую историю рассказывает, где, когда и кому» [35, с. 30–31]. Наличие у разных нарративных форм общих особенностей и дискурсивных характеристик дало основания зарубежным философам сделать вывод о том, что речь идет не просто о новом эмпирическом объекте анализа, а о новом теоретическом подходе, новом жанре в философии науки. Возрастающий интерес к изучению нарратива означает «появление еще одной разновидности стремления к созданию новой парадигмы и даль-

нейшего усовершенствования постпозитивистского метода в философии науки» [35, с. 29].

К аналогичному заключению по поводу методологических возможностей новейшей, нарративно-дискурсивно-риторической, методологической парадигмы приходит и российский исследователь И. В. Троцук. Она полагает, что представленный перечень возможностей нарративного и дискурсивного анализа объясняет их популярность в социологии и за ее пределами. Социальная реальность представляет собой дискурсивно созданный мир, который не может претендовать на подлинность, и существуют миллиарды субъективных истин, воплощенных в личных и групповых нарративах. На взгляд И. В. Троцук, единственное, что остается социальным ученым, стремящимся раскрыть природу социально сконструированного и дискурсивно конституированного жизненного мира, – это «сосредоточиться на типичных текстовых стратегиях типичных социальных акторов в типичных институциональных и локальных контекстах и использовать все доступные ресурсы нарративного и дискурсивного анализа» [36, с. 59].

Заключение

Рассмотрение этапов формирования новейшей, нарративно-дискурсивно-риторической, методологической парадигмы, используемой в качестве основы для развития нарративной экономики и повествовательной социологии, позволяет сделать определенные выводы.

Новейшие отраслевые теории, такие как нарративная экономика и повествовательная социология, сформировались благодаря совместному использованию методологических подходов, разработанных в рамках истории экономических учений, истории макро- и микросоциологии, нарратологии, меметики, социально-экономической риторики, макроэкономического прогнозирования и социального проектирования.

В качестве теоретической основы нарративной экономики и повествовательной социологии выступает новейшая, нарративно-дискурсивно-риторическая, методологическая парадигма, в истории формирования которой выделяются три этапа:

- изучение экономических историй, социальных дискурсов, больших и малых нарративов;
- исследование экономических и социальных мемов, психических вирусов и определение степени разности экономических и социальных нарративов;
- формирование современной нарративной экономики и повествовательной социологии, в процессе развития которых были образованы основные виды анализа нарративов (академический анализ нарративов, жизненные истории как метод сбора данных, качественный анализ нарративов, когнитивный нарративный анализ, количественный анализ нарративов, конструктивистский подход к анализу нарративов, метод нарративного интервью, метод создания метанарративов, нарративный анализ, психоаналитический анализ нарративов, структурный анализ нарративов, сюжетный анализ и др.). Данные виды анализа активно взаимодействуют в рамках новейшей, нарративно-дискурсивно-риторической, методологической парадигмы.

Библиографические ссылки

1. Прохорова ИД. Новая антропология культуры. Вступление на правах манифеста. *Новое литературное обозрение*. 2009;100:9–16.
2. Фетисов М. Нарратив и теория в исследованиях советского: значение исследований Н. Н. Козловой для современной политической теории. *Социологическое обозрение*. 2017;16(1):227–246. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-1-227-246.
3. Лехциер ВЛ. Нарративный поворот и актуальность нарративного разума. *Международный журнал исследований культуры*. 2013;1:5–8.
4. Трубина ЕГ. *Рассказанное Я: отпечатки голоса*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 2002. 278 с.
5. Данилов АН, Безнюк ДК, Богдевич ИМ, Водопьянов ПА, Волотовский ИД, Зеленков АИ и др. Современный социум: новые вызовы и риски. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;4:24–25. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-4-12-33.
6. Кравченко СА. Развитие предмета социологии: от монодисциплинарности к меж- и постдисциплинарности. *Социологические исследования*. 2020;3:16–26. DOI: 10.31857/S013216250008794-6.

7. Савчук ВВ. Феномен поворота в культуре XX века. *Международный журнал исследований культуры*. 2013;1:93–108.
8. Яницкий ОН. Органическая модернизация vs информационная архаизация. *Общественные науки и современность*. 2017;4:153–164.
9. Шиллер Р. *Нарративная экономика. Новая наука о влиянии вирусных историй на экономические события*. Калугин Е, переводчик. Москва: Эксмо; 2023. 416 с.
10. Berger RJ, Quinney R. *Storytelling sociology: narrative as social inquiry*. Boulder: Lynne Rienner Publishers; 2005. 307 p.
11. Расков ДЕ. Риторика новой институциональной экономической теории. *Вопросы экономики*. 2010;5:81–95. DOI: 10.32609/0042-8736-2010-5-81-95.
12. Franzoci R. Narrative analysis – or why (and how) sociologists should be interested in narrative. *Annual Review of Sociology*. 1998;24:517–554.
13. Maines DR. Narrative's moment and sociology's phenomena: toward a narrative sociology. *Sociological Quarterly*. 1993;34(1):17–38.
14. Тощенко ЖТ. От феномена к номену: опыт методологического и методического поиска. *Социологические исследования*. 2019;4:3–14. DOI: 10.31857/S013216250004582-3.
15. Зенкин С. Критика нарративного разума. *Новое литературное обозрение*. 2003;59:524–534.
16. Scott J, editor. *Sociology: the key concepts*. London: Routledge; 2006. 232 p.
17. Макклоски Д. *Риторика экономической науки*. Якименко О, переводчик. Москва: Издательство Института Гайдара; 2015. 328 с.
18. Тюпа ВИ. Очерк современной нарратологии. *Критика и семиотика*. 2002;5:5–31.
19. Евстигнеева НВ, Оберемко ОА. Модели анализа нарратива. *Человек. Сообщество. Управление*. 2007;4:95–107.
20. Brodie R. *Virus of the mind. The new science of the meme*. London: Hay House; 2009. 249 p.
21. Докинз Р. *Эгоистичный ген*. Фомина Н, переводчик. Москва: АСТ; 2016. 512 с.
22. Нестеренко А. О чем не сказал Уильям Баумоль: вклад XX столетия в философию экономической деятельности. *Вопросы экономики*. 2001;7:4–17.
23. Барановский ВА. Интернет-мемы в контексте культурной модернизации общества. В: Данилов АН, редактор. *Социологическая наука и образование: современные вызовы и риски. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Г. П. Давидюка; 10 ноября 2021 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2021. с. 185–188.
24. Терборн Й. *Мир: руководство для начинающих*. Горбунова ЕМ, Титаренко ЛГ, переводчики. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2015. 336 с.
25. Коллинз Р. Социология: наука или антинаука? *Thesis*. 1994;4:71–96.
26. Шавель СА. *Общественная миссия социологии*. Минск: Беларуская навука; 2010. 730 с.
27. Старжинский ВП, Цепкало ВВ. *На пути к обществу инноваций*. Минск: РИВШ; 2017. 454 с.
28. Вольчик ВВ, Цыганков СС, Маскаев АИ. Формальные институты российской инновационной системы в свете нарративной экономики. *ЭКО*. 2022;10:110–128.
29. Hayes B. Bit lit: with digitized text from five million books, one is never at a loss for words. *American Scientist*. 2011;99(3):190–194.
30. Ефимов ВМ. Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки. *Вопросы регулирования экономики*. 2011;12(3):15–53.
31. Козлова НН. Методология анализа человеческих документов. *Социологические исследования*. 2004;1:14–26.
32. Белая ГВ, Симонов КИ. Гносеонтологическая интерпретация дихотомии «нарратив/текст». *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2009;11(4):1250–1258.
33. Троцук ИВ, Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков [Рецензия]. *Социологический журнал*. 2005;4:168–178. Рецензия на: Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. Москва: Идея-пресс; 2003. 360 с.
34. Булюбаш БВ. Нарратив: между наукой и образованием. *Науковедение*. 2003;3:177–184.
35. Брокмейер Й, Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы. *Вопросы философии*. 2000;3:29–42.
36. Троцук ИВ. Воображаемая дилемма «методология – методика», или Почему мы предпочитаем дискурсивный и нарративный анализ «традиционному» контент-анализу. *Социологическое обозрение*. 2015;14(3):48–63.

References

1. Prokhorova ID. [New anthropology of culture. Introduction as a manifesto]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2009;100:9–16. Russian.
2. Fetisov M. Theory and narrative in soviet studies: the relevance of Natalya Kozlova's thought for the political theory of modernity. *Russian Sociological Review*. 2017;16(1):227–246. Russian. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-1-227-246.
3. Lekhtsier VL. Narrative turn and the actuality of the narrative mind. *International Journal of Cultural Research*. 2013;1:5–8. Russian.
4. Trubina EG. *Rasskazannoe Ya: otpechatki golosa* [Narrated self: voice prints]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta; 2002. 278 p. Russian.
5. Danilov AN, Bezniuk DK, Bogdevich IM, Vodopiyanov PA, Volotovskiy ID, Zelenkov AI, et al. Modern society: new challenges and risks. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;4:24–25. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-4-12-33.
6. Kravchenko SA. Development of the subject of sociology: from monodisciplinarity to inter- and post-disciplinarity. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020;3:16–26. Russian. DOI: 10.31857/S013216250008794-6.
7. Savchuk VV. The phenomenon of turn in 20th century culture. *International Journal of Cultural Research*. 2013;1:93–108. Russian.

8. Yanitsky ON. Organic modernization vs informational archaization. *Social Sciences and Contemporary World*. 2017;4: 153–164. Russian.
9. Schiller R. *Narrativnaya ekonomika. Novaya nauka o vliyani virusnykh istorii na ekonomicheskie sobytiya* [Narrative economics. A new science about the influence of viral stories on economic events]. Kalugin E, translator. Moscow: Eksmo; 2023. 416 p. Russian.
10. Berger RJ, Quinney R. *Storytelling sociology: narrative as social inquiry*. Boulder: Lynne Rienner Publishers; 2005. 307 p.
11. Raskov D. Rhetoric of the new institutional economics. *Voprosy ekonomiki*. 2010;(5):81–95. Russian. DOI: 10.32609/0042-8736-2010-5-81-95.
12. Franzoci R. Narrative analysis – or why (and how) sociologists should be interested in narrative. *Annual Review of Sociology*. 1998;24:517–554.
13. Maines DR. Narrative's moment and sociology's phenomena: toward a narrative sociology. *Sociological Quarterly*. 1993; 34(1):17–38.
14. Toshchenko ZhT. From phenomenon to noumenon: a methodological and methodic search. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2019;4:3–14. Russian. DOI: 10.31857/S013216250004582-3.
15. Zenkin S. [Critique of narrative reason]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2003;59:524–534. Russian.
16. Scott J, editor. *Sociology: the key concepts*. London: Routledge; 2006. 232 p.
17. McCloskey D. *Ritorika ekonomicheskoi nauki* [Rhetoric of economic science]. Yakimenko O, translator. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara; 2015. 328 p. Russian.
18. Tyupa VI. Oчерк sovremennoi narratologii [Essay on modern narratology]. *Kritika i semiotika*. 2002;5:5–31. Russian.
19. Evstigneeva NV, Oberemko OA. Modeli analiza narrative [Models of narrative analysis]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 2007;4:95–107. Russian.
20. Brodie R. *Virus of the mind. The new science of the meme*. London: Hay House; 2009. 249 p.
21. Dawkins R. *Egoistichnyi gen* [The selfish]. Fomina N, translator. Moscow: AST; 2016. 512 p. Russian.
22. Nesterenko A. [What William Baumol did not say: the contribution of the 20th century to the philosophy of economic activity]. *Voprosy ekonomiki*. 2001;7:4–17. Russian.
23. Baranovskii VA. [Internet memes in the context of cultural modernisation of society]. In: Danilov AN, editor. *Sotsiologicheskaya nauka i obrazovanie: sovremennye vyzovy i riski. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora G. P. Davidyuka; 10 noyabrya 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Sociological science and education: modern challenges and risks. Materials of the International scientific and practical conference dedicated to the memory of full professor G. P. Davidyuk; 2021 November 10; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 185–188. Russian.
24. Terborn J. *Mir: rukovodstvo dlya nachinayushchikh* [The world: a beginner's guide]. Gorbunova EM, Titarenko LG, translators. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2015. 336 p. Russian.
25. Collins R. [Sociology: science or anti-science?] *Thesis*. 1994;4:71–96. Russian.
26. Shavel' SA. *Obshchestvennaya missiya sotsiologii* [Public mission of sociology]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2010. 730 p. Russian.
27. Starzhinskii VP, Tsepka VV. *Na puti k obshchestvu innovatsii* [On the way to an innovation society]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2017. 454 p. Russian.
28. Vol'chik VV, Tsygankov SS, Maskaeve AI. [Formal institutions of the Russian innovation system in light of narrative economics]. *ECO*. 2022;10:110–128. Russian.
29. Hayes B. Bit lit: with digitized text from five million books, one is never at a loss for words. *American Scientist*. 2011; 99(3):190–194.
30. Efimov VM. [Discourse analysis in economics: a revision of the methodology and history of economic science]. *Journal of Economic Regulation*. 2011;12(3):15–53. Russian.
31. Kozlova NN. Methodology of human document analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2004;1:14–26. Russian.
32. Belaya GV, Simonov KI. Gnoseontologic interpretation of a «narrative/text» dichotomy. *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Medicobiological Sciences*. 2009;11(4):1250–1258. Russian.
33. Trotsuk IV, Ankersmit F. Narrative logic. Semantic analysis of the language of historians [Review]. *Sociological Journal*. 2005;4:168–178. Review of: Ankersmit F. Narrative logic. Semantic analysis of the language of historians. Moscow: Ideja-press; 2003. 360 p. Russian.
34. Bulyubash BV. [Narrative: between science and education]. *Naukovedenie*. 2003;3:177–184. Russian.
35. Brockmeyer J, Harre R. [Narrative: problems and promises of an alternative paradigm]. *Voprosy filosofii*. 2000;3:29–42. Russian.
36. Trotsuk IW. When methodology beats techniques, or Why we prefer discourse and narrative analysis to interpret textual data. *Russian Sociological Review*. 2015;14(3):48–63. Russian.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 327.5

ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ И ПАНАМЕРИКАНИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ОДНОПОЛЯРНОГО МИРА

И. И. АНТОНОВИЧ¹⁾

¹⁾Независимый исследователь, г. Москва, Россия

Аннотация. Анализируются тенденции использования социальных технологий вестернизации и американизации в ходе осуществления стратегии панатлантизма, которая предполагает строительство однополярного мира, обеспечивающего мировую гегемонию США. Отмечается, что с распадом СССР, государства социалистической модели, вестернизация стала устойчивым трендом строительства глобального мира, в котором принципы финансово-экономической взаимозависимости определяются наиболее экономически и политически сильными игроками. Ведущим содержанием вестернизации выступает американизация – навязывание миру американских образцов социально-экономического и политического устройства. Отмечается, что одна из важнейших задач американизации мира состоит не в том, чтобы просто подчинить мир своему влиянию и распространить свои цивилизационные начала, а в том, чтобы использовать богатства покоряемых территорий в своих интересах. После распада СССР политика глобального гегемонизма США сводится к стремлению Америки быть лидером. При этом все попытки оздоровления внутриамериканской жизни, создания новых смыслов, определяющих поведение рядовых американцев, пока не принесли успеха. США демонстрируют неспособность осуществлять господствующую миссию лидерства. Для укрепления американской роли и западного сообщества в мире необходимо предпринять целый ряд новых усилий. Подчеркивается, что наметилось новое противостояние панатлантистов, составляющих меньшинство государств, и мирового большинства. Приводится мысль о том, что ускоренное развитие Китая в конце XX в. насторожило США. В начале XXI в. критика стала направляться и против России. Западные стратеги настаивают на том, что нельзя недооценивать стремление России защитить свой суверенитет. При этом пока ничто не указывает на изменение губительного для всего мира курса США.

Ключевые слова: однополярный мир; вестернизация; американизация; геополитика; мировая гегемония США.

Образец цитирования:

Антонович ИИ. Вестернизация и панамериканизация как социально-политические технологии строительства однополярного мира. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;4:43–58.
EDN: TQZSDV

For citation:

Antonovich II. Westernisation and pan-Americanisation as socio-political technologies for building a unipolar world. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024; 4:43–58. Russian.
EDN: TQZSDV

Автор:

Иван Иванович Антонович – доктор философских наук, академик Российской академии социальных наук, профессор.

Author:

Ivan I. Antonovich, doctor of science (philosophy), academician of the Russian Academy of Social Sciences, full professor.
iantonovich@mail.ru

WESTERNISATION AND PAN-AMERICANISATION AS SOCIO-POLITICAL TECHNOLOGIES FOR BUILDING A UNIPOLAR WORLD

I. I. ANTONOVICH^a

^a*Independent researcher, Moscow, Russia*

Abstract. The article analyses the trends in the use of social technologies of Westernisation and Americanisation in the course of implementing the strategy of pan-Atlanticism, which involves the construction of a unipolar world that ensures the global hegemony of the USA. It is noted that with the collapse of the USSR, a state of the socialist model, Westernisation has become a stable trend in the construction of a global world in which the principles of financial and economic interdependence are determined by the most economically and politically powerful players. The leading content of Westernisation is Americanisation – the imposition of American models of socio-economic and political structure on the world. It is noted that one of the most important tasks of the Americanisation of the world is not simply to subordinate the world to its influence and spread its civilisational principles, but to use the wealth of the conquered territories in its own interests. After the collapse of the USSR, the policy of global hegemony of the USA is reduced to the desire of America to be a leader. At the same time, all attempts to improve intra-American life, to create new meanings that determine the behaviour of ordinary Americans, have not yet brought success. The USA demonstrates an inability to carry out the dominant mission of leadership. A whole series of new efforts must be made to strengthen the American role and the Western community in the world. It is emphasised that a new confrontation has emerged between the pan-Atlanticists, who constitute a minority of states, and the world majority. It is suggested that the accelerated development of China at the end of the 20th century has alarmed the USA. At the beginning of the 21st century, criticism began to be directed against Russia. Western strategists insist that Russia's desire to protect its sovereignty should not be underestimated. At the same time, nothing so far indicates a change in the USA course, which is destructive for the entire world.

Keywords: unipolar world; Westernisation; Americanisation; geopolitics; world hegemony of the USA.

В XXI в. мир вступил в лихорадочных попытках Запада создать глобальную систему влияния на мир. Первые шаги в надежде на свершение этой программы капиталистические страны предприняли уже после распада СССР, когда постсоветское пространство было охвачено хаосом. В конце XX в. – начале XXI в., осуществив мощный рывок модернизации, набрал силу Китай. В стремлении отработать сценарии нового воздействия на мир ведущие стратеги Запада упустили момент, когда можно было помешать китайской динамике. Такая геостратегическая цель впервые была выражена устами Д. Трампа во время президентских выборов в 2016 г. До этого борьба моделей либерально-демократического и государственно-социалистического устройства велась во всемирном историческом масштабе. С распадом в 1991 г. СССР, государства социалистической модели, вестернизация стала устойчивым трендом строительства глобального мира, в котором принципы финансово-экономической взаимозависимости определялись наиболее экономически и политически сильными игроками.

Ведущим содержанием вестернизации стала американизация – навязывание американских образцов социально-экономического и политического устройства остальной части мира. Некоторые западные исследователи называли XX и XXI вв. пан-американскими веками. Другие эксперты говорили об американизации мира как о довлеющей цели глобального развития. В этом смысле обращает на себя внимание книга английского исследователя У. Т. Стенда «Американизация мира» [1, р. 1]. Суть мировых

трендов, которые анализировал автор, заключалась в том, чтобы обеспечить господствующее положение англосаксонской матрицы мироустройства как гарантии равновесного развития. Далеко не случайным кажется то, что автором данной идеи являлся англичанин, ведь до сих пор англичане, несмотря на кризис и выход из системы государств, управляющих мировыми процессами, продолжают считать свою страну прародиной демократии, либерального социального порядка и полагают возможным если не диктовать миру свои условия, то по крайней мере давать ему советы.

Модель англосаксонского международного поведения, которая была унаследована США после Второй мировой войны, в конце XX в. обогатилась новой иерархией трендов и ценностей. Проникая в отдаленные уголки мироустройства и вытесняя оттуда старых европейских колонизаторов, Америка навязывала народам демократизацию по собственному образцу. В условиях колоссальной исторической неподготовленности политических сил в освободившихся странах демократизация, как правило, ввергала их в хаос. Этим хаосом пользовались транснациональные корпорации, прибирая к рукам чужие национальные богатства, беспощадно выкачивая человеческий и материальный ресурсы этих стран, не давая им освободиться из мощной долговой удавки и угрожая военным подавлением в случае всякого сопротивления.

Нынешний век начался с попытки глобальной реализации англосаксонской модели на основе ее якобы добровольного принятия. Ведущей силой этого

тренда стали политические, экономические и военные структуры США. Одновременно Великобритания, опираясь на остатки своего бывшего колониального могущества, старалась содействовать этим процессам, непременно заботясь о том, чтобы быть нужной Америке на самых важных этапах вершения исторических судеб мира. Понятие «очевидная судьба», сформулированное еще первыми переселенцами на атлантических берегах Северной Америки в 1607 г., превратилось в основную формулировку геополитической апологетики англосаксонского воздействия на мир. Цель ясна и неизменна – подчинить все социально-экономические, политические процессы в мире целеполаганию США [1, p. 2].

Наблюдая ситуацию накануне Первой мировой войны (а в начале XX в. симптомы этой глобальной бойни были очевидными), У. Т. Стед писал: «...фраза “американизация мира”, безусловно, вызывает негодование в Великобритании. Ее даже рассматривают как афронт Англии. На самом деле судьба мира заключается в англизации. Многие спешат увидеть в этом процессе антипатриотические тенденции и выступают против тех авторов, которые указывают на эту тенденцию как на ведущую тенденцию XX в.»¹ [1, p. 3]. При этом публицист успокаивал соотечественников-англичан, приводя ряд аргументов. Создание США как отдельного государства являлось столь выдающимся достижением, что англичане могут гордиться тем, что они были его главными инициаторами. И этот факт искупает их многочисленные грехи в истории. У. Т. Стед уверен: «Американцы должны дать миру то, что англичане наследовали сами от себя» [1, с. 4]. Фраза «сами от себя» означает признание того, что почти все факторы, которые сегодня определяют духовную жизнь США, – общественно-политические ориентации, экономическая стратегия – взяты из английской истории. Устойчивость этого опыта объясняется тем, что Англия заплатила за него и государственными переворотами, и казнью королей, и социальными бунтами, и перемещением производительных сил из деревни в город, и индустриальной революцией, и многими другими процессами, которые, несмотря на все издержки, обеспечили стране в XV–VIII вв. важнейшее положение в мире.

По мнению У. Т. Стед, основы всего, что сейчас происходит в мире, так или иначе были заложены в Англии. Интеллектуальное обоснование этих процессов является достаточно интересным. Так, публицист отмечал, что, возможно, американцы должны наследовать английские приобретения подобно тому, как христианство наследовало иудаизм [1]. Далее У. Т. Стед писал: «Подобно тому, как, используя христианскую церковь, монотеизм иудеев покорил мир, теперь через американизацию английские идеалы, сформулированные в английском языке, двинулись

на покорение планеты... Соппротивление бесполезно, и людям не надо открывать истинные причины этого процесса... Также бесполезно напоминать человечеству о том, что люди с торгового судна “Мейфлауэр” были англичанами, как сегодня бесполезно говорить антисемитам, что Христос и его апостолы были евреями» [1, p. 28]. Будучи истинным апологетом бывшего английского величия, публицист приходил к однозначному выводу: «Американизация мира является фактически англизацией, свершаемой в одном большом порыве» [1, p. 28].

Если бы столь категоричное заявление было сделано в XX в., оно бы вызвало безусловное противостояние со стороны многих исследователей, общественных деятелей и политиков. Однако в начале XX в. Англия была одной из ведущих мировых держав. Все то, что говорилось о торжестве англосаксонского духа, предпринимательства и необходимости подчинения ему, воспринималось всерьез. Одни трактовали данное видение как угрозу их собственному господству, другие – как возможность достичь определенных успехов путем союзничества с более сильными мировыми игроками.

Одной из важнейших задач американизации мира У. Т. Стед считал создание условий для распространения английского языка как основного средства коммуникации в политике, торговле и культуре во всем мире. В значительной степени сегодня так и происходит [1, p. 146].

Автор довольно подробно отрабатывал систему мер, основополагающей среди которых называл создание новой англо-американской конституции, которая стала бы законом для всех государств. По иронии судьбы сегодня изучение Устава ООН (в частности, ряда общетеоретических заявлений о правах человека, праве наций на самоопределение, праве угнетенных сражаться за свое освобождение и т. д.), правовых документов Великобритании, конституции США и ее многочисленных поправок демонстрирует явную либерально-демократическую ориентацию современной политической жизни.

Обосновывая необходимость утверждения англосаксонского тренда истории в качестве господствующего, У. Т. Стед использует многочисленные аргументы. Среди них обращает на себя внимание довод о том, что даже Солнечная система управляется одним мощным центром, вокруг которого все вращается, именно поэтому ведущая центральная держава, задающая направление развития человечества, выступает общественно-исторической необходимостью. Условием реализации этой необходимости для У. Т. Стед являлось сохранение сложившихся общественно-политических и даже колониальных институтов Великобритании и Америки: «Влияние Британии на Америку и Америки на Англию зависит от цельности ряда обстоятельств, например от

¹Здесь и далее перевод наш. – И. А.

численности образованных граждан и уровня их сплоченности. Причем эта сплоченность обязательно должна быть географической. По своей сути она является моральной, эмоциональной, интеллектуальной. Секрет силы государства заключается в добровольных ассоциациях свободных самоуправляемых граждан» [1, р. 151].

Миропорядок, понимаемый таким образом, не предполагает самоуправления государства. Наоборот, направляющее руководство должно исходить из центра, и нужно делать все для того, чтобы укрепить этот центр. Любопытно, что в числе аргументов в пользу направляющей роли Америки в утверждении миропорядка автор выделил тот факт, что Канада первой вырвалась из орбиты колониального мира Великобритании и организовала собственную республику, которая не имела аналогов в мировом пространстве.

Еще одним аргументом, который автор достаточно активно использует на страницах своего исследования, является мнение о том, что лишь фактом своего освоения север Америки стал маяком для сотен тысяч людей по всему миру. В последние 50 лет сюда не прекращается поток эмигрантов, в основном из наиболее энергичных и предприимчивых групп населения старого мира. США заняли место Великобритании в качестве естественного поселения политических беженцев.

Безусловно, публицист лукавит, утверждая, что Англия тоже когда-то была приютом для мигрантов всего мира. Такого не было никогда. Англия умело использовала колонии для привлечения на свои земли наиболее нужных ей категорий населения, используя их в основном как рабочую силу для выполнения ряда производственно-экономических функций.

Величайшим достижением Америки автор называет «перемалывание людей всех национальностей» в один доминантный американский тип путем «объединения самых различных тенденций иностранного материала в одну “униформную” структуру американской цивилизации» [1, р. 152]. Этот банальный пропагандистский аргумент, формирующий единый антропологический стереотип о современном американце, опровергается многочисленными исследователями американской действительности. Из них следует, что многообразная мультикультурная среда Америки – реальность и она нуждается в ином управлении. Необходимо создать новые социальные лифты. Кроме того, в этих исследованиях отмечается, что многовековые иммиграционные процессы не обеспечили антропологическое социально-культурное и всеобщее единство США.

Уже в начале XX в. А. М. Шлезингер предвидел, что противниками американизации или даже нарушителями стабильного процесса подчинения мира англосаксонским императивам будут являться Ки-

тай и Россия. Еще до появления формулы В. Вильсона (задача США – сделать мир пригодным для демократии), которая вошла в конфликт с концепцией мировой революции В. И. Ленина, американский исследователь видел как минимум трудность интеграции России в англосаксонские программы развития. Он был убежден, что даже среди тех, кто придерживался его точки зрения, были те, кто полагал, что в ходе англо-американской трансформации мира стычка с Россией неизбежна [2, р. 29–30].

Рассматривая возможность воздействия на Китай, который долгое время существовал в сложных условиях (ликвидация монархии и гражданская война), А. М. Шлезингер высказывал опасения, которые, на удивление, достаточно хорошо коррелировались с расистскими взглядами Т. Рузвельта (на тот момент американского президента) о необходимости крепко закрыть двери США, исключив возможность появления и роста «китайского элемента» [2, р. 206].

Если говорить о государственном строительстве в бывших колониях, то А. М. Шлезингер был убежден в необходимости вмешательства англосаксонских политических структур в азиатское пространство с целью его подчинения [2, р. 207–208]. Данный вопрос касается, по мнению автора, и Южной Америки. Африка ускользала от внимания ученого только потому, что большая ее часть уже перед Первой мировой войной была колонизирована английскими властями. И хотя значительная африканская территория была покорена другими империалистическими державами, владения Англии были настолько обширны, что аппетиты ее дальнейшего расширения были осторожными, так как любое дальнейшее усиление присутствия Англии в Африке вызвало бы неизбежные стычки с другими европейскими государствами-колонизаторами.

Как и европейские путешественники XV–XVI вв., А. М. Шлезингер оправдывающими аргументами американизации называл жадность и религию: «Как только испанские и генуэзские путешественники открыли существование мира за пределами своих границ, римская церковь поспешила использовать это открытие для отправки туда миссионеров с крестом, которым был обеспечен свободный проход на корабли путешественников и пребывание на них с той целью, чтобы, вступив на новую землю, подчинить ее своей эксплуатации» [2, р. 313–314].

Сомнений в целеустремленности англоизации и американизации мира у автора не возникало. Задача капиталистических государств состояла не в том, чтобы просто подчинить мир своему влиянию и повсеместно распространить свои цивилизационные начала, а в том, чтобы использовать богатства покоряемых территорий в своих интересах.

Когда Америка стала всерьез реализовывать свои имперские планы после Второй мировой войны и оказалась главным и в основном беспрекословным

лидером западного мира, откровенные заявления о корыстных устремлениях американских бизнесменов, политиков и миссионеров были заменены на более мягкую формулу продвижения демократии и защиты прав человека. Глубоких объяснений по поводу того, почему именно Америка взяла на себя защиту прав человека, не нашлось ни в одном из американских социологических исследований и идеологических доктрин.

Имперское право Америки насаждать демократию основывалось на убеждении американцев в том, что данная политическая система обрела идеальные и единственно возможные формы именно в США. Никто в западном мире не смог противостоять этой идее или оспорить ее, поэтому она стала главным оправданием американской экспансии в мире во второй половине XX в.

Общественность Запада, особенно ведущих европейских держав, и их лидеры, владеющие огромными колониальными территориями и, соответственно, опытом покорения мира, не спешили согласиться с указанными установками, тем более что объединение западного сообщества происходило достаточно противоречиво. Относительно устойчивого единства западные государства достигли уже после Второй мировой войны. Посредством мощного финансового вливания в виде Плана Маршалла США подчинили себе экономические процессы Западной Европы, используя эту базу для распространения политического влияния и создания государственных моделей, которые были совместимы с американскими геополитическими устремлениями. Указывая на необходимость противостоять мировому коммунизму, США создали мощный военный блок НАТО. Данный блок, с одной стороны, готовился нанести удар мировому коммунизму, в первую очередь СССР, а с другой стороны, держал в прочной военной упряжке ведущие государства западного мира. Альянс был образован якобы для обеспечения безопасности панатлантистов (так указано в уставе организации). Сегодня НАТО – агрессивный геополитический блок для подавления сопротивления целям мирового господства.

После Второй мировой войны среди западноевропейских общественных деятелей сформировалось устойчивое мнение о том, что стратегия США являет собой не что иное, как стремление реализовать свои господствующие цели. В среде французских исследователей однозначно звучала тема американского империализма. Известный социолог М. Паренти под империализмом понимает «процесс, с помощью которого политико-экономические господствующие интересы одной страны экспроприируют в своих собственных интересах землю, человеческие ресурсы, ископаемые, материалы и рынки других народов» [2, р. 255].

Жертвами американского гегемонизма, который был осуществлен через экспансию американского капитала после Второй мировой войны, многие исследователи считают именно европейцев. На основе финансового вливания, которое было значительным и восстановило экономику западноевропейских государств, была разработана теория американского гегемонизма. Центральным пунктом данной теории было обязательное оказание помощи неимущим странам со стороны имущих государств. По мнению М. Паренти, стратегия господства и теория развития последней четверти XX в., сформулированные Б. Уорд и У. Ростом, предполагают, что богатые страны Севера должны помогать отстающим странам Юга подняться. И осуществляется это путем перемещения технологий и позитивного трудового опыта. Возобновленные версии имперского кокетства представляют собой лишь вариант «груза белого человека» [3]. В этом новом варианте тщательно скрывается то, что основным инструментом экспансии является экономическая, торговая и инвестиционная деятельность, которая, безусловно, подчинит развитым странам мира все основные мировые рынки.

Безопасно существовать данной структуре мировой гегемонии позволяет американская военная сила, о которой пишет М. Паренти: «Доклад Пентагона 1992 г. был назван “Ориентировка защиты планирования”. Он нацеливает США на управление системой международных отношений, отбивая охоту у индустриально развитых стран конкурировать друг с другом и оспаривать американское превосходство или хотя бы претендовать на особую международную или региональную роль» [3, р. 17]. По словам М. Паренти, «американский военный язык однозначен и категоричен», никто не имеет права обгонять Америку – «ни союзники, ни те, на кого направлены усилия гегемонистов» [3, р. 41]. В этих условиях военная сила становится первоначальным средством, необходимым для поддержания абсолютной безопасности для мирового накопления капитала. Кроме того, огромная армия сама по себе является прямым источником колоссального накопления капитала [3, р. 95].

Французские исследователи считают, что в данных обстоятельствах внешнеэкономическая и внешнеполитическая деятельность США всегда исходит из учета национальных, даже локальных нужд Америки, которые проецируются на всю мировую ситуацию как задача развития глобализации («мондиализации»). Все благостные абстрактно гуманитарные программы строительства государства благоденствия или миропорядка, основанного на правилах, предполагают на самом деле изоляцию бедных социальных групп внутри общества (в первую очередь американского), а также более слабых государств

в мировых масштабах с тем, чтобы они не препятствовали реализации целей геополитического доминирования США.

Особо мощному обновлению доктрина американской гегемонии подверглась после 2000 г., с приходом к власти президента Дж. Буша – младшего. Дело усложнила неожиданная террористическая атака на башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Террористы, происходящие из верной в те времена США Саудовской Аравии, открыли для руководства Америки новые возможности аргументировать его агрессивные устремления в целях подчинения процессов глобализации своим стратегическим задачам. США обрушились на мир, в том числе с помощью ряда военных, хотя и безуспешных действий, заявляя о необходимости стабилизировать общественные отношения. На самом деле они использовали новый кризис, чтобы обеспечить свою гегемонию. Американский исследователь Дж. Ньюхаус пишет: «Воспользовавшись ситуацией, люди Дж. Буша могли и должны были направить свои усилия на стабилизацию наиболее серьезных источников нестабильности – Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, Северо-Западной Азии. На Ближнем Востоке они попытались использовать свое влияние на Израиль и Палестинскую организацию освобождения, чтобы принудить их к серьезным переговорам. И хотя правительство Израиля ожидало этого действия, оно было вынуждено уступить требованию Дж. Буша и организовать Палестинское государство. Двумя днями позже премьер-министр А. Шарон предупредил Вашингтон не пытаться примирить арабов за счет израильтян... Израиль не будет Чехословакией. Администрация уступила» [3, р. 97].

Так было всегда. При всех попытках серьезно урегулировать проблемы противостояния палестинцев и Израиля, США рано или поздно уступали Израилю. С еще большим рвением они вмешивались в дела других стран, стремясь подчинить их своим геостратегическим целям и прибегая к военным средствам. В начале XXI в. после террористического удара по Всемирному торговому центру в Нью-Йорке Америка предприняла военные действия против Ирака, Ирана, Афганистана, Сирии. Все операции окончились поражением. Тем не менее намерения мирового гегемонизма были очевидны для всей остальной части мира. Никто среди союзников и противников США не сомневался в том, что от своей цели они отступать не собираются.

По сути, американское руководство никогда не давало своим союзникам права усомниться в своей стратегии. Дж. Ньюхаус пишет: «Растущий хор критиков внутри Европы и за ее пределами воссоздал направление американской политики, не опасаясь того, что союзники расценят его шаги как односторонность и безразличие к интересам других. Описывая Иран, Ирак и Северную Корею как ось зла, Дж. Буш

занял позицию, которая радикально отличалась от позиции американских союзников, включая Великобританию» [4, р. 3]. Осознание этого факта было предельно неприятным для союзников США, так как стало совершенно очевидно, что главное устремление политиков Великобритании мотивировано только их интересами. Союзникам осталось лишь подчиниться. У них, разумеется, были и собственные интересы. Однако Америка не готова была обсуждать их в качестве легитимных или делать какие-то уступки требованиям союзников.

Весьма любопытным образом Дж. Ньюхаус характеризует позицию Дж. Буша – младшего: «Он принес в политику систему очень жестких мнений, основанных на собственном понимании моральной ясности и требований. Однако он не смог принести то, чем должен обладать начинающий главнокомандующий, – интереса познать то, чего не знает он» [4, р. 42].

Сегодня трудно признать, что американский президент мог не знать интересы своих союзников. Огромная команда аналитиков достаточно подробно информировала его об интересах и противников, и союзников. Однако избранная президентом империалистическая линия просто не предусматривала возможности консультаций с союзниками и исходила только из необходимости их использования для решения сугубо американских задач доминирования. В этом контексте главная задача после террористической атаки на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке заключалась в том, чтобы продемонстрировать всему миру, что США являются по-прежнему могущественной державой, способной подчинить своей воле всех.

Команда президента Дж. Буша – младшего не скрывала, что, несмотря на распад СССР, довольно важной стратегической необходимостью было налаживание отношений с Россией. Декада, отделяющая распад Советского Союза и события 11 сентября 2001 г., послужила разделяющей линией. История повернула в новом направлении, которое ярче всего проявлялось в отношениях между Америкой и Россией. Казалось, что вместе они смогут оказывать решающее влияние на организацию глобальной безопасности и, возможно, глобальной стабильности на будущие годы [4, р. 43]. Как тогда казалось многим в процессе перестройки в СССР и распада советских государственных структур, «мантра» американских политиков состояла в том, что они видят новую Россию могучим и процветающим государством и союзником США. Однако В. В. Путин, пришедший в Кремль в 2000 г., практически одновременно с приходом президента Дж. Буша – младшего в Белый дом, трезво оценивал указанную декаду как серию ничем не оправданных уступок России американскому давлению. Последнее выразилось, в частности, в расширении НАТО на восток, невыполнении

обещаний по сокращению вооружений и по другим важным международным соглашениям. В. В. Путин открыто заявил о нацеленности России следовать своим курсом, который будет отвечать интересам национальной безопасности государства.

Для стратегов США эта идея была неприемлемой, так как они уже успели принять ряд решений, предусматривавших подчинение мира правилам Вашингтона. Таким образом, противостояние США и СССР, наблюдавшееся в течение почти полувека после Второй мировой войны, и формирование нового миропорядка обрели формы противостояния Российской Федерации и США. Главной целью Америки было не дать России возможность восстановить свой международный авторитет, основанный на росте экономического могущества и обороноспособности. Данные обстоятельства обусловили в XXI в. новую серию конфликтов и создали весьма волатильную мировую ситуацию, в которой угроза мировой войны и термоядерного столкновения стала обретать реальные контуры.

Новая жесткая политика глобального гегемонизма США вызвала поначалу достаточно активное противостояние среди союзников, которые полагали, что распад СССР создает новые геополитические условия, где каждое из европейских государств сможет что-то обрести.

Бескомпромиссный язык президента Дж. Буша – младшего и его директивные установки на необходимость отказаться от договорно-правовой системы, созданной после Второй мировой войны, сигнализировали союзникам о новом уровне подчинения, при котором национальный интерес США становится ведущим принципом всемирно-исторической гегемонии Запада. Союзники обрушились на Америку с критикой. В этом контексте обращает на себя внимание книга Дж. Кейглера «Империя стыда», в которой говорится о том, что подобный гегемонизм, вызывая протест среди американских союзников США, закончится тем, что они будут вынуждены отказаться от следования геостратегическим целям Америки и наметят свою линию международных отношений. Кроме того, автор убежден, что необходимо избежать рефеодализации мира, предполагающей разделение государств на господ и вассалов, и что соблюдение прав человека является достаточно привлекательной, но нереальной лозунговой программой. Однако задача завоевания рынков для США остается актуальной, а решить ее можно только в условиях гегемонизма. Обличительная риторика была сильной, охватывала достаточно широкие круги либеральной интеллигенции в капиталистических странах, и США предстояло принять целый ряд мер, которые приглушили бы эту риторику. Отказываться от поставленных целей они не намерены [4, р. 44].

Критика американской внешней политики вызвала определенный резонанс в Вашингтоне, однако

серьезного влияния на коррекцию геополитического поведения не имела. В среде либеральной интеллигенции западных стран критика американского гегемонизма стала довольно модной, но коррекции системы принятия решений Америки или стратегии ее поведения не произошло. Другое дело, что ряд влиятельных американских интеллектуалов решили разъяснить историческую необходимость новой роли Америки. Г. Киссинджер писал: «На заре нового тысячелетия США обладают преимуществом, которое не снилось величайшим империям прошлого, от совершенства оружия до предпринимательской активности, от науки до технологий, от высшего образования до популярной культуры. Америка оказывает уникальное влияние на весь земной шар» [5, р. 239–309]. Г. Киссинджер любил немного остужать порывы американского руководства, явно желая обратить на себя внимание, хотя президенты республиканской партии после Р. Никсона и Дж. Форда регулярно отвергали его предложения. Он напоминал им, что нынешнее превосходство США реализовано не столько благодаря постановке удачных стратегических целей, сколько благодаря серии случайных обстоятельств, среди которых, безусловно, ведущую роль занимает распад Советского Союза. Также Г. Киссинджер указывал американским лидерам на то, что нужно умерить амбиции и не стоит выставлять свои внешнеполитические доктрины, подменяя теорию действиями.

Дипломат пишет, что идеалом В. Вильсона была основанность на общей преданности демократическим институтам и стратегии решения конфликтов путем переговоров, а не войн. Данная стратегия полностью оправдала себя в Северной Атлантике, власти которой сегодня называют себя демократическими и используют форму демократии, которая предполагает по-настоящему плюралистические формы правления в государстве с регулярным и мирным обменом партий у власти. Названные условия находятся в контрасте с остальной частью мира, где очень часто идеалы применяются для того, чтобы оправдывать тех, кто находится у власти и вмешивается в дела других государств путем переворотов [6, р. 20]. Таким образом Г. Киссинджер хотел заложить понимание того, что далеко не все страны в мире могут принимать установки США в качестве не подлежащих сомнению. Он явно гордился тем, что война в качестве средства решения проблем исчезла в Атлантическом сообществе. Но американское доминирование не должно простирается дальше влияния чего-то похожего на мировое равновесие.

По убеждению Г. Киссинджера, мировое равновесие предполагает мирное разрешение конфликтов, но господствующей при этом остается «американская традиция, в основе которой лежат демократия, регулярное избрание лидеров, стремление к миру и безопасности» [6, р. 43]. При этом Г. Киссинджер не исключает возможности применения силы для реали-

зации ценностей американской традиции и внешне-политической стратегии, которая ведет к мировому равновесию. Тезис о том, что некоторые универсальные принципы должны быть внедрены силовыми методами, с помощью объединенных наций или группы государств, является оправданным по той причине, что такие международные конвенции, как осуждение геноцида, пыток или военных преступлений, по природе своей должны быть наделены силой национальными судами, которые все чаще требуют права экстрадиции подозреваемых в нарушении их собственной юрисдикции [6].

Идеалом Г. Киссинджера является создание миропорядка, подобного тому, который был установлен после заключения знаменитого Вестфальского мира. Тогда была отвергнута власть Священной Римской империи. И хотя последовало столетие войн, подписанты Вестфальского мира, закрепившие правило «кому принадлежит власть, в руках того и религия», утвердили принцип невмешательства во внутренние дела государств. И данный принцип надо священно соблюдать, иначе неминуемы война и мировые конфликты, к которым человечество в настоящее время плохо приспособлено. При этом интересно отметить, что Г. Киссинджер указывает на то, что Америка в определенной мере рискует, взяв на себя роль лидера, ведь это неизбежно вызовет соприкосновение и даже противостояние с ценностями старого мира. В окружении президента Дж. Буша – младшего под старым миром подразумевалась в основном старая Европа – группа «бывалых» колониальных государств, которые все еще демонстрировали определенную самостоятельность в политике. Им противостояли легко управляемые государства Восточной Европы типа Польши и Прибалтики, которые после распада СССР стали верными проводниками американской идеологии и стратегии, послушными исполнителями внешнеполитических директив.

Г. Киссинджер предостерегает Америку от чрезмерного тщеславия: «Американцы и раньше рассматривали, и сейчас рассматривают свою нацию как мотивированную более высокими принципами, чем нации старого мира. Сначала это было противостояние явно эгоистическим целям монархов. По контрасту с ними американская республика позиционировала себя как держава, действующая в соответствии с идеалами просвещенного рационализма и выступавшая в качестве моделей для менее удачливых народов, которые жили под менее благосклонным правлением. Действия Америки по самой своей природе никогда не могут быть только эгоистическими. Америка представляет собой универсальную цель. Дж. Мэдисон в 1804 г. сказал, что США обязаны миру и самим себе стать примером правительства, которое по крайней мере будет протестным против всякой преобладающей в мире коррупции [6].

Мировой гегемонизм, как стратегия подчинения мира геополитическим образцам, отработанным в США, представляет собой общенациональный консенсус современной Америки. Одни объясняют эти претензии историческим прошлым, способностью Америки осваивать сопротивляющиеся природные и социальные пространства, другие – демократической традицией. Но все сходится в том, что в современном мире Америка должна быть лидером.

После берлинского кризиса 1950-х гг. историк Б. Штейль, явно впечатленный мощным противостоянием СССР американским стратегическим эксцессам в Берлине, писал: «Америка идет по миру как колосс: ни одна другая сила в мире в мировой истории не обладала столь различным или столь большим влиянием на другие нации. Сегодня является аксиомой то, что система решений правительства США обладает колоссальным влиянием на жизни самых отдаленных народов» [7, р. 304].

Надо сказать, что в Америке не так уж мало общественных государственных деятелей, которые более объективно анализировали функционирование национальных структур производства и власти, понимая, что обладание мировым лидерством требует серьезных изменений в основах существования общества. Особого внимания в этом отношении заслуживает исследование Д. Экблаха, который полагает, что условием наличия у Америки роли мирового лидерства может быть только полная модернизация ее структур [7, р. 305].

Главная идея Д. Экблаха состоит в том, что Америка восприняла свою мировую роль как неизбежность после Первой мировой войны, когда большинство европейских государств уже не могли претендовать на самостоятельное лидерство, а выдвижение Советского Союза в качестве одной из ведущих мировых держав представляло явную угрозу миропорядку. После Второй мировой войны Америка, преодолев противостояние коммунизму в ходе корейской, а затем вьетнамской войны и удачно выйдя из конфронтации во время Карибского кризиса 1962 г., стала ощущать свою мировую миссию уже не как возможность, а как необходимость, как условие выживания, как стратегическую цель подчинения всего мира противостоянию коммунизму.

Мировая миссия США подвергается и будет подвергаться воздействию противоборствующих сил. Холодная война окончилась победой Америки, но борьба с терроризмом, выход России на мировую арену, сопротивление ряда государств Ближнего Востока и Азии американскому гегемонизму потребовали новой мобилизации [8, р. 14–40, 153–192].

К идее приведения в порядок внутренней ситуации в Америке политическое руководство США пришло в ходе перестройки СССР. В динамике реформирования социально-политических условий Советского Союза стратеги США видели опасность

подобного распада Америки. Американская стратегия была срочно подвергнута пересмотру. Инициатива в данном вопросе принадлежала республиканской партии, в частности группе ее ведущих деятелей, во главе которых стоял Н. Дзиньджрич. Данная группа создала свою программу обновления под названием «Контракт с Америкой». Программа содержала красивые лозунги и была нацелена на борьбу с преступностью внутри страны, осуществление социальных реформ, в первую очередь в сфере пенсионного обеспечения, укрепление семьи и т. д. Характеризуя эту программу, популярный исследователь Д. Экблах назвал ее попыткой создания новой цивилизации США [8, p. 17].

К сожалению, большинство пунктов выглядели лишь как предвыборные обещания. В целях привлечения внимания в программе упоминались наиболее злободневные темы: борьба с преступностью, оживление деловой активности, социальное обеспечение, помощь неимущим. В таких случаях дальше демонстрации озабоченности, как правило, дело не идет, потому что попытки реализации указанных пунктов натываются на бюджетные ассигнования Конгресса США, где прочно закрепились глубоко эшелонированные группы консерваторов. Они считают, что все, происходящее в Америке сегодня, делается наилучшим образом, и нынешняя Америка – образец подражания для всего мира, так как главным ее аргументом выступает сеть мощных вооруженных сил.

США демонстрируют динамику непрерывного ухудшения отношений между расами. Звонкие тезисы «плавильный тигль», «мультикультурализм» или появление новой сугубо американской расы теряют свою привлекательность, сталкиваясь с неумолимой реальностью. Вследствие любая попытка объединения противостоящих друг другу социальных и расовых групп натывается на консерватизм, оправдывающий любую крайность в расовом поведении, которая не позволяет культивировать прогрессивные методы в образовании или культуре и совершенствовать отношения между социальными группами. Этим благим пожеланиям противопоставляется железная установка, согласно которой Америка и так выступает примером для всех.

Известный американский автор А. М. Шлезингер утверждал, что в США энтузиасты всегда смешивают благородную ложь с реальностью. Американская история олицетворяет собой коррумпированный национализм. В течение двух столетий данная идеология является самой мощной силой в мире, причем обладает большей жизнестойкостью, чем, например, коммунизм, фашизм или даже демократия. Но национализм не представляет собой продукт спонтанного развития. Эта идеология создана интеллектуалами в интересах действующих элит, и ее всегда достаточно легко распространить в массах. Она продолжает процветать, потому что для

многих служит опорой в постоянно усложняющихся условиях [9–11].

Национализм, по убеждению А. М. Шлезингера, задерживает развитие индивидуальности и усиливает взаимное расовое неприятие. Автор отмечает, что низкое самоуважение – слишком глубокая болезнь, которую можно излечить только в том случае, если говорить друг другу приятные вещи об этническом прошлом. История не может быть успешной там, где ничего не удастся сделать психиатрии. Афроцентризм является попыткой избежать вызовов нашего общества. Потребность преодолеть расизм по-прежнему остается актуальной в американском обществе [12, p. 105–125].

Вывод, который делает А. М. Шлезингер, заключается в том, что все попытки оздоровления внутриамериканской жизни и создания новых смыслов, определяющих поведение рядовых американцев во всем многообразии социально-групповых связей и отношений, пока не принесли успеха.

В данном контексте напрашивается другой вывод – вывод о неспособности Америки осуществить господствующую миссию лидерства. Для укрепления как американской роли, так и роли всего западного сообщества необходимо предпринять целый ряд усилий. Однако эти цели должны быть более мирными, чем военно-агрессивное воздействие на своих соседей, врагов и даже на союзников.

В наше время противостояние либерально-демократической и государственно-социалистической моделей государственного устройства продолжает определять характер взаимоотношений между державами. СССР, как носитель трендов мирового развития, исчез, но множество государств продолжают идти по социалистическому пути. Противостояние социализма и капитализма продолжается. На всех его этапах Запад старался консолидировать свои силы, привлечь союзников для того, чтобы либерально-демократическая модель мироустройства восторжествовала над государственно-социалистической. Общим трендом мировой истории XIX–XX вв. была устойчивая борьба капитализма с коммунизмом. В XXI в. это противостояние приобрело более завуалированные формы. Противоборство общественных систем рассматривается через призму частного предпринимательства и частной собственности на средства производства.

Каждый раз, когда у Запада была возможность привлечь союзников для противостояния государственно-социалистической модели, американские лидеры не упускали случая этим воспользоваться. Вспоминается особенно вопиющий эпизод, когда США получали от стран, победивших в Первой мировой войне средства в качестве процентов по кредитам и направляли их Германии на восстановление экономики, что в конечном итоге привело к распространению фашизма. Обрести политическую силу

и влияние в Германии фашизму удалось потому, что он заявлял о необходимости борьбы с коммунизмом (государственно-социалистической моделью развития) и отвоёвывания пространства на востоке. Западные страны совершили геостратегическую ошибку, неправильно истолковав намерения А. Гитлера как возможность его же руками подавить движение за социальное освобождение в мире [12, р. 106].

Даже краткий перечень этих связей говорит о том, что США, постепенно привыкая к роли инициатора международных проектов по окончании Первой мировой войны, проводили интенсивные переговоры с властями Германии. Решением Конгресса США от 9 ноября 1917 г. Америка добровольно взяла на себя миссию противостояния антибольшевистским силам. Таким образом, сразу после Великой Октябрьской социалистической революции в России большевики в США оказались вне закона [13, с. 16–95].

Потерпевшая поражение Германия, особенно ее военно-юнкерские круги и бизнес-элиты, были весьма впечатлены вступлением Америки в войну против стран оси Берлин – Рим, о чем было заявлено в решении Конгресса США в апреле 1917 г. Это событие ускорило исход. Однако сразу после установления перемирия один из видных общественных деятелей послевоенной Германии Дж. Б. Гервард писал, что с Америкой была связана первая ближайшая надежда Германии на беспристрастное влияние в условиях мира на поставки продовольствия и возможную финансовую помощь в торговле [13, с. 108–109]. В контексте этих немецких надежд американская строго секретная исследовательская группа «Енкьюири» (Enquiry) 22 декабря 1917 г. издала меморандум «Современное положение: цели войны и условия мира». В нем однозначно заявлялось следующее: «В настоящее время направлением наиболее легкого продвижения Германии должен быть восток. Данный момент является наилучшим временем для Германии, чтобы воспользоваться открывшимися здесь для нее возможностями. Это вполне может побудить ее решиться на жертвы на юго-востоке, на западе, на других континентах и на отдаленных морях с тем, чтобы обеспечить контроль над Россией» [13, с. 107].

Введение этих документов в научный оборот в современных условиях обретает особую обличительную силу, так как свидетельствует о сговоре Вашингтона и Берлина, ориентированного на Восточную Европу, т. е. на Россию, в целях эксплуатации ее ресурсов и восстановления Германии. Именно этот сговор дал немецкому фашизму возможность консолидировать власть. То, что А. Гитлер обратил свои аппетиты потом еще и на Запад, было неприятным сюрпризом для его спонсоров.

Дж. Б. Гервард является автором еще одной работы, названной «К современному положению», где он однозначно предлагает США сотрудничать с Германией в целях более активного продвижения на

восток. При этом разговор шел не только о российских просторах, но и обо всей Евразии. В докладе Дж. Б. Герварда было отмечено, что империализм Америки на первое время нашел бы достаточную «пищу» на собственном континенте. США были бы великой морской державой, которая при таком разделе мира (в документе говорилось о возможном разделе мира на три части) имела бы в Европе и Азии могущественных союзников и в то же время стала бы сильным союзником центральноевропейского, русского континентального блока.

Судя по серии конфиденциальных встреч, которые проводились между руководящими деятелями Германии и США в 1918–1919 гг., США довольно явно демонстрировали свою заинтересованность в такой комбинации геостратегических усилий. Поэтому сегодня можно с полным основанием утверждать, что знаменитый «Дранг нах Остен!» (Drang nach Osten!), с помощью которого А. Гитлер усыпил бдительность политических кругов Запада, разбудил алчность финансово-предпринимательских сил Запада и привлек их внимание к авантюрам на востоке. Безусловно, спонсоры не ожидали, что в ходе Второй мировой войны А. Гитлер отделается от них с маниакальной решительностью. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии вызвала панику в военно-милитаристских юнкерских кругах США и подтолкнула их к еще более активному поиску контактов с правыми силами этой страны.

Документы немецких аналитиков, опубликованные позже, свидетельствуют о том, что в этот период в руководящих кругах побежденной Германии старательно проводилась грань между победителями в этой войне – державами Антанты и США. Америка внимательно изучала немецкие инициативы. Накануне Парижской мирной конференции, 26 января 1919 г., состоялась поездка видных общественных деятелей США в Германию. Цель визита состояла в том, чтобы изучить позиции Германии и по возможности не дать державам Антанты предпринять по отношению к Германии меры, которые бы окончательно разрушили ее экономику. По результатам поездки США начали тайно поставлять Германии нефть, медь и хлопок, а также предоставлять ей крупные финансовые займы, которые в значительной степени помогли стране пережить сложные годы после Первой мировой войны.

Стратегия США по мобилизации союзников из бывших врагов продолжалась на всем протяжении XX в. Особенно очевидной она была после Второй мировой войны, когда, как уже отмечалось, США в целях создания единого фронта против СССР под лозунгом борьбы с коммунизмом предприняли энергичные усилия по восстановлению экономики побежденных Германии и Японии, стремясь превратить их в своих покорных союзников. Полученное таким образом благополучие в этих странах имело

дорогую цену. После Второй мировой войны Германия и Япония фактически вышли из системы международных отношений, не предложив миру ни одной внешнеполитической и дипломатической инициативы. Они верно следовали курсу США, повторяя их политические установки и направляя свою аргументацию на противостояние СССР как источнику коммунистической опасности для всего мира. В ходе биполярного противостояния эта борьба носила жесткий и бескомпромиссный характер. Прямому столкновению помешали соглашения, в том числе заключенные между союзниками по антигитлеровской коалиции (СССР, США, Великобритания) в Ялте в феврале и в Потсдаме в сентябре 1945 г.

Ситуация изменилась с началом перестройки в СССР. Поначалу на Западе не придали ей большого значения. США услышали лозунги М. С. Горбачёва о том, что перестройка предполагает больше демократии и больше социализма. Сама возможность обновления социально-экономической системы Советского Союза с повышением ее производительности уже представляла собой угрозу глобальным геополитическим интересам США. Поэтому президент Р. Рейган объявил СССР империей зла и начал жесткую политику ее сдерживания. Правда, когда перестроечные процессы в Советском Союзе начали буксовать и серьезные реформы были заменены непрерывной риторикой М. С. Горбачёва, американский президент пошел на контакт. К нему присоединились и европейские лидеры (Г. Коль, Ф. Миттеран, М. Тэтчер и др.). Общее снисходительное отношение к М. С. Горбачёву и его риторике в Вашингтоне сменилось паузой, которую взял вновь избранный президент Дж. Буш – старший для оценки результатов российско-американских отношений.

В декабре 1988 г. сразу после президентских выборов в США Р. Рейган в последний раз встретился с М. С. Горбачёвым. Дж. Буш – старший согласился присутствовать, однако отказался высказывать свое мнение по вопросам международной политики. Такой подход насторожил М. С. Горбачёва. В его окружении стали нервничать. Молчание США в значительной степени подрывало авторитет М. С. Горбачёва. За это время он успел создать в своем окружении впечатление человека, который может серьезным образом повлиять на американскую политику в мире в целом и в отношении Советского Союза в частности.

Мощнейшее землетрясение, случившееся в Армении в конце 1988 г., против ожидания, не вызвало сочувствия и особого внимания у США. Никто не спешил помочь армянам. Вновь избранный президент Дж. Буш – старший ограничился тем, что отправил своего сына Джеба в Армению для оценки масштабов катастрофы. Тот совершил подчеркнуто частный визит и избежал общения с руководителями Совет-

ского Союза. Все указывало на то, что президент Дж. Буш – старший решил серьезным образом затормозить советско-американские отношения и, как выражались его ближайшие советники М. Бешлосс и С. Тэлбот, «вывел их на край дороги, проявив при этом свою инстинктивную сдержанность и решил все тщательно продумать от начала до конца» [13, с. 109]. Пауза касалась только непосредственных контактов вновь избранного президента и советского лидера. На самом же деле в центре принятия решений в США проводилась интенсивная аналитическая работа по оценке ситуации в Советском Союзе и необходимости Америки уточнить ряд аспектов советско-американских отношений.

Длительным аналитическим запискам Дж. Буш – старший предпочитал устные беседы по анализу ситуации, но ЦРУ и другие государственные учреждения США представили ему ряд стратегических оценок по положению в Советском Союзе. Перед Америкой стояла задача поддержать начатые М. С. Горбачёвым реформы таким образом, чтобы сделать их необратимыми для Советского Союза. При этом американская политика не должна была претерпеть никаких изменений [14, р. 11–74]. Президенту настойчиво напоминали о том, что если реформы будут успешными, то Советский Союз станет конкурентоспособной сверхдержавой, а стремление М. С. Горбачёва избежать конфронтационных международных отношений является обоюдоострым мечом, который может серьезным образом нарушить единство в западном панатлантическом союзе [14, р. 44].

Сегодня трудно сказать, получали ли эту информацию секретные службы Советского Союза. В Кремле, в ЦК КПСС, в кабинетах ведущих государственных деятелей СССР продолжало царить приятное для всех убеждение, что США сдвинулись в своих отношениях с Советским государством с жесткого противостояния на дружественный уровень. В США думали иначе. В одном из докладов Дж. Бушу – старшему говорилось о том, что перестройка отвечает американским интересам и что М. С. Горбачёв дает возможность влиять на Советский Союз и его политику в объемах, которые даже невозможно было представить восемь лет назад. В связи с этим был сделан один из самых главных выводов: американская политика не должна помогать М. С. Горбачёву в реализации его замыслов, наоборот, следует направить Советский Союз на пути развития, которые будут отвечать американским интересам [14, р. 11–74].

Задача состояла только в том, чтобы институализировать советские реформы таким образом, чтобы их нельзя было отменить или обратить вспять после ухода М. С. Горбачёва [14, р. 11–74]. Во всяком случае следовало сделать все для избежания сценария, который американцы называли эпохой обледенения, имея в виду двухполярное противостояние в ходе

холодной войны. Данные установки стали постоянной темой бесчисленных политических записок, которые направлялись Дж. Бушу – старшему в ходе перестройки в СССР. Госсекретарь Дж. Бейкер говорил, что эти установки составили суть программы содействия перестройке. Но при этом поставленные Советским Союзом цели обновления свершены не будут, а демократические процессы вызовут эрозию политических структур, социальные протесты и противостояние, причиной которых станут увеличивающиеся экономические трудности как прямой результат перестроечных реформ, и явно укажут на ближайшую смену власти в Советском Союзе. Об этом Дж. Бейкер откровенно говорил в своей мемуарной книге «Политика дипломатии» [14, р. 11–74].

Примечательно, что воспоминания американского госсекретаря пронизаны пренебрежением и к его советскому коллеге Э. А. Шеварднадзе, и к М. С. Горбачёву. Весь текст отличается самодовольством автора, бахвальством о том, как удачно ему удавалось вынуждать советских лидеров идти по пути, предложенному США. Если судить по воспоминаниям Дж. Бейкера и другим источникам этого периода, Америка ни разу не уклонилась от цели по сдерживанию Советского Союза и приданию перестроечным процессам, к тому времени уже явно разрушительным, непоправимый характер.

В мемуарах и других публикациях Дж. Бейкер даже хвастливо говорит о том, что это ему принадлежала идея нерасширения НАТО в случае согласия СССР на воссоединение Германии. Однако данная идея была отвергнута Дж. Бушем – старшим, произнесшим исторически значимую фразу: «Мы не дадим советским руководителям возможность вырвать победу из “челюстей поражения”» [15, р. 61–64, 153–157, 396–456]. В связи с этим и по ряду других причин, в основном мотивированных политической борьбой за власть между М. С. Горбачёвым и Б. Н. Ельциным, нарушавшим все возможные этические и политические нормы, в СССР стали происходить необратимые процессы, приведшие к развалу страны.

После подписания Беловежского соглашения (сговора) Дж. Буш – старший провозгласил будущей американской политикой США становление нового мирового порядка, в котором США сыграют роль лидера. Из обтекаемости формулировок было ясно, что роль лидера означает роль мирового гегемона. Для реализации новой американской стратегии мир должен быть построен на основе единоцентризма. США должны выступать инициатором практически всех международных инициатив, а страны панатлантического сообщества будут оказывать этой стратегии всемерную поддержку.

В конце XX – начале XXI в. реализация указанной стратегии стала основным направлением американской внешней политики. США стремились окон-

чательно подчинить мир своему влиянию. Однако такая глобальная стратегия стала наталкиваться на значительные препятствия со стороны мировых сил. К этому времени Россия серьезного влияния на мировую ситуацию оказать уже не могла. Однако ряд других государств в условиях распада биполярного противостояния обрели возможность реализовать свои национальные интересы и цели.

В США и Европе стали появляться исследования, в которых говорилось о том, что национальная политика великих мировых держав (были названы в первую очередь Индия, Бразилия и Китай) вызывает беспокойство. О России речь уже почти не велась [16, р. 135–295]. Огромный объем аналитической литературы, увидевшей свет в ту эпоху, еще ожидает своего изучения. И он таит в себе немало сенсационных открытий.

Основания для беспокойства у геополитических стратегов США и Западной Европы были весьма существенными. Определенное пробуждение наблюдалось и в развивающихся странах. Они начали вести речь о возможности нового глобального объединения народов и государств на иных основаниях и принципах. Логика мирового развития толкала к идее об одной глобальной цивилизации, обладающей общими признаками. Их суть состояла в том, что экономические и научно-технические модели развития производительных сил пришли преимущественно из Запада. Поскольку решающей геополитической тенденцией в этих условиях являлась вестернизация производственно-экономических процессов, постольку государствам следовало, сохраняя свою индивидуальную идентичность и независимость, стремиться к созданию новой глобальной цивилизации. Исследователь из Сингапура И. Махубани писал, что совпадение уровня доходов и моделей развития является главной экономической темой современности [17, р. 3–5]. Правда, говоря о создании новой мировой цивилизации, он подчеркивал, что для этого необходимо отказаться от войн как средства решения конфликтов, принять новые нормы международной жизни и создать новую правовую систему, которая определит логику сближения государств друг с другом на долгие времена [17, р. 13–51]. В качестве условия становления нового мирового порядка И. Махубани называл семь глобальных противоречий, которые, правда, даже не перечислил [17, р. 100–152]. Однако он обозначил, что историческое сотрудничество, необходимое для формирования такого порядка, займет предельно долгое время.

Ряд других авторов из развивающихся стран, разделяя взгляды сингапурского ученого, отмечали, что одним из наиболее очевидных результатов великого исторического движения является снижение роли Запада как лидера глобального мира [18, р. 12–74, 162–169].

В панатлантическом сообществе заметно обеспокоились по поводу обозначившегося противостояния между панатлантистами, составляющими меньшинство государств, и мировым большинством. Появился ряд публикаций о невозможности сближения Запада и Востока, о том, что после более 20 столетий войн и противостояния человечество не готово к объединению [19, р. 327–413]. Главной причиной этой неготовности было названо колоссальное несоответствие уровней развития стран Запада и Востока. В ответ из США и западноевропейских стран последовали «мантры» об особой ответственности белого человека, о задачах Запада по выведению государств всего мира из состояния нищеты, гражданских войн и взаимного недоверия. Однако эта риторика обеспокоенности не скрывала намерения стран Запада продолжить стратегию единоцентризма, согласно которой панатлантисты признавали за Америкой право на лидерство, но полагали, что в новом управлении миром они получали возможность улучшить свое экономическое положение за счет более интенсивной эксплуатации чужих ресурсов.

В ответ на стремление государств к жизни на новых началах из Запада стали слышны призывы к более тесному объединению стран панатлантического сообщества и к продолжению строительства единоцентричного мира, в котором панамериканизм является главной направляющей и подчиняющей идеей [20–22].

В числе великих государств мира, выдвигавшихся на передовую линию международных отношений, конечно, оказался Китай. США сохранили верность стратегии превращения бывших врагов в союзников за счет подчинения экономических и политических процессов своим геополитическим устремлениям и целям. Так, в 1972 г. в ходе визита президента Р. Никсона в Пекин Америка совершила исторический прорыв: Китайская Народная Республика была принята если не в число ее друзей, то в число государств, с которыми она намерена была поддерживать дружеские отношения и которым готова была помогать в модернизации и решении экономических проблем. В ходе визита Р. Никсона в Китай старый и больной Мао Цзэдун сумел убедить американского лидера в том, что Китайская Народная Республика не представляет геостратегической опасности для США и что главным противником обоих государств является Советский Союз. Р. Никсон с удовольствием проглотил эту наживку, и с его подачи началась интенсивная модернизация Китая за счет иностранного капитала, который поступал из стран панатлантического сообщества.

В данном контексте имеет смысл рассмотреть политические технологии участия западных стран в китайской модернизации. Первой страной, которой было поручено проверить намерения и способности Китая, стала Япония, которая начала интенсивную модернизацию устаревшей инфраструктуры

Китая (дорог, коммуникаций, промышленных предприятий). За ними потянулись владельцы капиталов из всех стран панатлантического сообщества. В 1990-х гг. Китай совершил мощный модернизационный рывок, преобразовав свои производительные силы (в том числе благодаря содействию США) и вторгшись на основные мировые рынки с товарами потребления, которые в огромных количествах и по довольно высоким стандартам качества стала производить китайская промышленность. Однако главная задача – подчинение Китая геостратегическим императивам единоцентризма – ускользала от бдительных западных кураторов китайской эволюции. Они видели, что Китай, с удовольствием принимая и умело используя инвестиции частного капитала, не думает менять свою политическую структуру и не собирается содействовать торжеству целей американской гегемонии.

Мощные социальные протесты в Китае, в частности на площади Тяньаньмэнь, были беспощадно подавлены властями. Это вынудило госсекретаря США Дж. Бейкера предупредить китайское руководство о том, что американская политика всесторонней поддержки будет продолжена только в том случае, если Китай пойдет по пути, предложенному США, не проявляя никаких стремлений к самостоятельной оценке предлагаемых инициатив. Дж. Бейкер писал: «В начале 1989 г. китайско-американские отношения прошли свой пик постнормализации. Довольно широкие дипломатические, экономические, военные и культурные обмены и контакты процветали... Реформы Дэн Сяопина давали положительные результаты, и торговля США с Китаем развивалась очень активно» [15, р. 101]. Одновременно Дж. Бейкер выражал откровенную обеспокоенность тем, что Китай зорко следит за тем, чтобы западные идеи и ценности не охватывали слишком широкие слои населения и чтобы американский гегемонизм не становился источником определения главных направлений китайской внешней политики. Забота Китая о своей внутривластной эволюции все чаще давала о себе знать американскому руководству. Последнее опасалось консервативности китайской политической структуры – однопартийной системы власти, которая не спешила ориентироваться на политические критерии государственного управления в западных странах.

Ускоренное развитие Китая, безусловно, настораживало «глубинное государство» США. Китаю были сделаны недвусмысленные предупреждения о том, что он должен следовать обозначенному для него курсу западной стратегии единоцентризма. В противном случае страну ожидают довольно неприятные меры, касающиеся ее политической структуры.

Кампания давления на Китай была начата президентом Д. Трампом и столь же интенсивно продолжена президентом Дж. Байденом. Такая стратегия приобрела долгосрочный и многосторонний характер.

Западные стратеги делают однозначные намеки на то, что Китай, будучи одним из самых интенсивных потребителей энергетического сырья, закупая в мире все (от природного газа до дерева и металла), пытается определить для себя пути развития, которые не совпадают с императивами единого центра и вызывают необходимость политических шагов противостояния. Аргументация, используемая в этом случае, является неизменно агрессивной и даже наглой. В данном ключе будут уместны тезисы Б. Расселла о том, что нет сомнения в том, что цивилизация, созданная белой расой, остается господствующей. Правда, из тезисов Б. Расселла аккуратно изъято упоминание о том, что сервильное усвоение этой цивилизации и следование ей делают народы стерильными и неспособными к собственному развитию, а это рано или поздно приводит к глубоким кризисам. Б. Расселл с беспокойством отмечал, что глобальное общественное мнение склоняется к тому, чтобы роль США в мире несколько сократилась, и сразу же предупреждал, что такая ситуация вызовет мировое неравновесие и растущий хаос [20–22]. Опечаленный такой расстановкой сил, американский исследователь Дж. Каган произвольно толкует идеи Б. Расселла и спешит повторить идею о том, что дружба между Западной Европой и Америкой укрепляется и выступает краеугольным камнем стабильности как в мире, так и в американской политике единого центра.

Стратегическую роль США и их союзников Дж. Каган умело обосновывает тем, что если Америка и не способна существенным образом оздоровить обстановку в мире и ликвидировать мировую бедность, устранить опасность новых войн, то во всяком случае она способна затормозить развитие мира по худшим сценариям и создать трудности для государств-отступников. Исходя из этого Дж. Каган оправдывает и растущее американское военное присутствие во всем мире, и серию военных акций, которые США предприняли в мировом масштабе на стыке XIX – XX вв., а также в XXI в. Сам факт согласия государств на размещение военных баз и американского присутствия в мире, по убеждению исследователя, свидетельствует о том, что на самом деле глобальное распространение власти США не должно вызывать ужас и ненависть. Большая часть мира не только соглашается с этим, но и охотно предоставляет помощь Америке в реализации ее геополитического превосходства. И происходит это не потому, что люди любят Америку, а потому, что воспринимают ее как защиту от других, более опасных региональных держав и их амбиций [20–22]. Такое смещение акцентов с опасности американской стратегии гегемонизма на якобы угрозы, исходящие от держав по отношению друг к другу, закрепилось в общественной мысли Запада в качестве неприкасаемой научной догмы.

Значительные усилия на пути формирования указанной позиции западных аналитиков предпринял в свое время известный американский исследова-

тель З. Бжезинский. Будучи советником президента Дж. Картера, З. Бжезинский сделал немало для избрания поляка на папский престол, что привело к усилению русофобии не только в Польше, откуда он родом, но и в США. Большой опасностью для мира на стыке XX–XXI вв., по мнению З. Бжезинского, был глобальный хаос. Выход из этого хаоса он однозначно видел в реализации сценария мироустройства, который бы и дальше продвигал идеалы американской революции. В качестве последних он называет прежде всего демократию, право на свободное развитие народов и рас и торжество капиталистического способа производства. З. Бжезинский отмечает, что в конце XX в. начали проявлять себя глобальные политические процессы, которые смогли бы вывести мир из состояния неравновесия при условии, если бы Америка осталась в стороне [23, р. 45–84].

Такой подход З. Бжезинский называл политическим пробуждением в направлении понимания неизбежности западного доминирования над общественными процессами. Он писал, что «...отличительной чертой современного глобального политического пробуждения является то, что оно происходит в философском контексте, в котором этой тенденции не противопоставят никакие другие цели. За исключением исламского мира, где фундаментальные политические тенденции обозначают себя особенно ярко, глобальная политическая сцена управляется риторикой и ценностями, ориентированными в основном на потребление и подчеркивающими личное самодовольствие в качестве первичной цели политического действия. Влияние жизненного стиля западных государств, которое проецируется глобальным телевидением, играет особое значение в том смысле, что оно ориентирует на приобретение материальных благ и мгновенное удовлетворение других личных целей» [23, р. 53]. З. Бжезинский не осуждает эту ориентацию. Он считает ее глобальным устремлением человечества. Мешать данной ориентации невозможно, следует только поддерживать ее ход. Важными здесь являются, безусловно, западное лидерство и опасность кризиса американской сверхдержавы, в результате которого она может потерять это лидерство. Сама возможность такого кризиса является, по словам З. Бжезинского, одной из серьезнейших опасностей современной эпохи [24, с. 74–118].

По мнению политолога, катализаторами американского кризиса могут быть две геополитические перспективы. Первая перспектива состоит в опасности «возвращения» Азии. Характерно, однако, что З. Бжезинский, описывая такой сценарий, тут же смещает акценты угроз и лишь упоминает о возможности выдвижения стран Азии на ведущие роли. Вторая перспектива заключается в восстановлении экономического могущества и военной мощи России [24, с. 117]. Именно З. Бжезинскому принадлежит известный тезис о необходимости сдерживания

России, а также об отделении Украины от России, потому что вместе (о Беларуси он не упоминает) они были бы мощной державой. Без Украины Россия будет обычной европейской страной [24, с. 120].

Сам факт реализации новой стратегии политического гегемонизма США в условиях распада СССР однозначно связан с представлением о мире как об обществе, вступившем в неуправляемый хаос после окончания двуполярного противостояния. В тех регионах мира, где этот хаос не столь очевиден, стратегии США вызывают его искусственно, с помощью торгово-коммерческих, экономических, политических и иных технологий.

Известный американский исследователь современной политической ситуации, руководитель Совета по международным отношениям США Р. Хаас объясняет современное состояние хаоса и разброда тем, что функционирование мировых договорных обязательств, достигнутых государствами после Второй мировой войны (мировые финансовые соглашения в Бреттон-Вуде, создание ООН и других международных структур) серьезно нарушено вследствие распада СССР. Он даже скучает по тому состоянию стабильности, которое наблюдалось в период холодной войны. По убеждению Р. Хааса, опасность взаимного противостояния и ядерного столкновения тогда вполне уравнивалась рядом договорных соглашений, которые ограничивали рост вооружений, значительно снижали риск новой войны и сдерживали распространение оружия массового уничтожения. Сейчас влияние на мир, по его словам, переходит в множественные руки в отличие от ситуации биполярного противостояния, и потому мировая уравновешенность является призрачной. Исследователь говорит о нескольких критериях достижения мирового равновесия, в числе которых выделяет ощутимый уровень доверия между странами и решающую роль одного-двух ведущих государств. Выход Р. Хаас также видит в однополярности, поскольку она даст Америке возможность проецировать свою экономическую и военную мощь на весь мир и этим обеспечить мировое равновесие [25, р. 77–195, 209–215].

В противном случае нынешнее состояние мира может стать константой, которая послужит основанием для серии изнурительных конфликтов [26, р. 361]. Примечательно, что оценки кризисного состояния мира, высказанные другими американскими исследователями, достаточно резко контрастируют с решениями Генеральной Ассамблеи ООН 1999 г., которая была посвящена задачам будущего тысячелетия: ликвидации мировой бедности, борьбе с эпидемиями и климатическими изменениями, достижению единства и сотрудничества всех народов мира.

Крупный американский исследователь современной геополитики Дж. Миршаймер объясняет нынешнее кризисное состояние мира в основном тем, что

великие державы, победившие во Второй мировой войне, не смогли договориться о создании новых международных условий, способных предотвратить глобальные конфликты. Опять же он косвенно возлагает вину на СССР, который будто бы вынуждал западные государства «активно противостоять коммунизму» [26, р. 365]. Возможность ликвидации этих кризисных феноменов Дж. Миршаймер так же, как и Р. Хаас, видит в сотрудничестве мировых держав, подчеркивая при этом, что именно сотрудничество, а не соревнование по вопросам обеспечения безопасности является условием сохранения мира. После распада СССР это сотрудничество, по убеждению политолога, было достаточно краткосрочным, а теперь предстоит выстраивать новый миропорядок и великие державы должны выступить с новыми глобальными инициативами. Однако в числе этих инициатив, как и в числе мировых держав, которые должны управлять новым миропорядком, выделяются американские сценарии единого центра. И ведущей среди них выступает Америка. Что касается других стран, то присоединение к такой группе держав должно учитывать прежде всего интересы США.

В начале XXI в. критика была направлена уже против России как против одного из источников мирового дисбаланса. Такая позиция была аргументирована тем, что нельзя недооценивать стремление России к защите своего суверенитета. Рано или поздно Россия энергично начнет защищать свои интересы, как это и обнаружилось в конце второй декады XXI в. Пытаясь упредить действия России, США реализовали экспансию НАТО в Украине, что создало новые условия для роста международной напряженности в Европе и основания для возникновения новых региональных и даже мировых конфликтов.

Хотелось бы не терять надежду на то, что ведущие политики США увидят растущее сопротивление ведущих государств мира американским инициативам. Лидеры США предпочитают действовать испытанными способами и еще более энергично препятствовать попыткам суверенных государств идти по собственному пути развития. Как правило, все заканчивается военным вмешательством США и их союзников в решение международных проблем. Примерами подобной стратегии выступают агрессия США в Югославии в 1999 г., вторжение США в Ирак в 2003 г. (вопиющее нарушение Америкой международных правил привело к тому, что даже Германия, Франция и Италия, являющиеся ведущими членами НАТО, отказались участвовать в операции), военное вмешательство во внутренние дела Сирии. Геополитическое давление на Иран, колоссальное геостратегическое поражение США в Афганистане стали печальными вехами американского гегемонизма в XXI в. Однако пока ничто не указывает на смену губительного для всего мира курса США.

Библиографические ссылки / References

1. Stead WT. *The Americanization of the world*. New York: Markley; 1901. 460 p.
2. Schlesinger A. *The disuniting of America: reflections on a multeltur society*. New York: Whittle Books; 1991. 208 p.
3. Parenti M. *L'Horreur impériale: Les USA et l'hégémonie mondiale Broché*. Paris: Aden Belgique; 2004. 252 p.
4. Newhouse J. *Imperial America: the Bush assault on world order*. New York: Knopf; 2003. 194 p.
5. Zeigler J. *L'empire de la Honte*. Paris: Livre de Poche; 2007. 344 p.
6. Kissinger H. *Does America need a foreign policy? Toward a diplomacy for the 21st century*. New York: Simon & Schuster; 2001. 318 p.
7. Steil B. *The Marchall Plan: dawn of the cold war*. New York: Simon & Schuster; 2018. 624 p.
8. Ekbladh D. *The great American mission: modernization and the construction of an American world order*. Princeton: Princeton University Press; 2010. 386 p.
9. Gingrich N, Schellhas B, Gillespie E, editors. *Contract with America: the bold plan by Rep. Newt Ginrich, Rep. Dick Armeý and the House republicans to change the nation*. New York: Times Books; 1994. 196 p.
10. Toffler A, Toffler H. *Creating a new civilization: the politics of the third wave*. Atlanta: Turner Publishing; 1995. 112 p.
11. Kenworthy L. *Social democratic America*. New York: Oxford University Press; 2014. 238 p.
12. Schlesinger A. *The disuniting of America: reflections on a multicultural society*. New York: W. W. Norton & Company; 1998. 208 p.
13. Voslenskii M. *Tainye svyazi SShA i Germanii. Blok imperialistov protiv Oktyabrya. 1917–1919* [Secret ties between the USA and Germany. The imperialist bloc against October. 1917–1919]. Moscow: Nauka; 1968. 331 p. Russian.
14. Beschloss M, Talbott S. *At the highest levels: the inside story of the end of the cold war*. London: Little Brown & Co; 1993. 498 p.
15. Baker J. *The politics of diplomacy*. New York: Putnam Adult; 1995. 687 p.
16. Follath E. *Die neuen Großmächte*. München: Deutsche Verlags-Anstalt; 2013. 448 p.
17. Mahbubani K. *The great convergence: Asia, the West, and the logic of 48 one world*. New York: Public Affairs; 2014. 315 p.
18. Moyo D. *How the West was lost: fifty years of economic folly- and the stark choices ahead*. London: Penguin Books; 2011. 240 p.
19. Camous T. *Orients – Occidents, 25 siècles de guerres*. Paris: Princeton University de France; 2007. 438 p.
20. Kagan R. *Of paradise and power: America and Europe in the new world*. New York: Vintage Books; 2004. 157 p.
21. Kagan R. *The return of history and the end of dreams*. New York: Knopf; 2008. 116 p.
22. Kagan R. *The jungle grows back: America and our imperiled world*. New York: Knopf; 2018. 192 p.
23. Brzezinski Z. *Out of control: global turmoil on the eve of the twenty first century*. New York: Scribner; 1993. 240 p.
24. Brzezinski Z. *Eshche odin shans. Tri prezidenta i krizis amerikanskoi sverkhderzhavy* [One more chance. Three presidents and the crisis of the American superpower]. Firsov YuV, editor. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 2010. 192 p. Russian.
25. Haas R. *A world in disarray: American foreign policy and the crisis of the old order*. New York: Penguin Book; 2017. 352 p.
26. Mearsheimer J. *The tragedy of great power politics*. New York: Norton; 2001. 555 p.

Статья поступила в редколлегию 24.10.2024.
Received by editorial board 24.10.2024.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

С. А. МУДРОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Анализируются сильные и слабые стороны основных теорий европейской интеграции – неофункционализма, либерального межправительственного подхода и социального конструктивизма. Акцентируется внимание на необходимости отражения роли религии в процессе европейской интеграции. Наиболее последовательной и убедительной теорией в данном контексте может показаться либеральный межправительственный подход. Однако в связи с расширением Европейского союза в 2004 и 2007 гг. первостепенное значение приобрел социальный конструктивизм, в рамках которого роль неэкономических факторов и конструирования идентичности оказалась особенно важной. Невзирая на то что социальные конструктивисты привнесли в анализ европейской интеграции понятия идентичности и негосударственных акторов, они в целом проигнорировали важный вклад церквей в данный процесс. Отмечается, что социальный конструктивизм обладает богатым теоретическим инструментарием для анализа роли религиозных институтов в европейской интеграции, при этом разработка отдельного религиозного подхода к интеграции способна внести существенный вклад в понимание объединительных процессов в Европе.

Ключевые слова: европейская интеграция; религия; неофункционализм; либеральный межправительственный подход; социальный конструктивизм.

THE RELIGIOUS FACTOR IN THE CONTEXT OF THE THEORIES OF EUROPEAN INTEGRATION

S. A. MUDROV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. This article analyses strong and weak aspects of the principal theories of European integration – neofunctionalism, liberal intergovernmentalism and social constructivism. The emphasis is on the need to reflect the role of religion in the process of European integration. The most consistent and convincing theory in this context may seem to be the liberal intergovernmentalism. However, in connection with the enlargement of the European Union in 2004 and 2007, social constructivism acquired primary importance, when the role of non-economic factors and the construction of identity turned out to be especially important. At the same time, although social constructivists brought the notions of identity and non-state actors into the analysis of European integration, they have largely ignored the important contribution of churches to this process. It is noted that social constructivism can, in principle, be used to create a theoretical framework for the analysis of the role of religious institutions in European integration, at the same time the introduction of a separate, religious approach to integration would add an important dimension to the understanding of unification processes in Europe.

Keywords: European integration; religion; neofunctionalism; liberal intergovernmentalism; social constructivism.

Образец цитирования:

Мудров СА. Религиозный фактор в контексте теорий европейской интеграции. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2024;4:59–67 (на англ.). EDN: XCEIXK

For citation:

Mudrov SA. The religious factor in the context of the theories of European integration. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2024;4:59–67. EDN: XCEIXK

Автор:

Сергей Александрович Мудров – кандидат социологических наук, доцент; докторант кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Sergei A. Mudrov, PhD (sociology), docent; postdoctoral research fellow at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
s.mudrov@gmail.com

Introduction

The process of European integration has often been described as a purely secular project, with very few references to religion or religious organisations. The artificiality of this approach became especially evident in the early 21st century, when the religious factors and actors became quite noticeable in the European Union (EU) unification process. This was evident in the discussions over the key EU documents, including the European Constitution and, later on, the Lisbon Treaty. The very fact that the Lisbon Treaty contained references to religion and envisaged regular and transparent dialogue between religious organisations and EU institutions was a reflection of the significant religious presence in the EU life.

However, one needs to note that in the theoretical studies of European integration there was a lack of specific attention to this important fact. This article aims at filling this gap, analysing the main theories of European integration – neofunctionalism, liberal intergovernmentalism and social constructivism¹. Each theory brings its own important and distinct perspective to the understanding of EU unification. None of the three theories, however, gives any adequate consideration to religion. This oversight – or even ignorance – of the role that religion plays in European integration is an important drawback in the current theoretical approaches, which will be addressed in this article.

Neofunctionalism: an obsolescent theory or unfortunate story?

The story of neofunctionalism is somewhat unfortunate. Indeed, it was badly wounded by its own inventor – E. B. Haas, an American scholar who proclaimed his own theory obsolescent. In spite of this, the theory miraculously survived and, after a period of recovery, continued to inspire those scholars who could see merit in its approach. As B. Rosamond emphasised, «neofunctionalism has displayed impressive qualities of obstinacy and revitalisation in recent years» [1, p. 50]. However, the theory has not remained unchanged. Over the course of its long history, neofunctionalism has experienced numerous modifications, which have allowed it to evolve.

When assessing neofunctionalism, its inception should be kept in mind. This theory of integration germinated during the early stages of European integration, when this uneasy postwar child of the Six was still in the crib. Naturally, the hopes and expectation of the early 1950s were not the same as in years – or even decades – later. On the one hand, this evolving thinking can explain why E. B. Haas chose to change his theory, rather than to defend his previous findings, as the evidence of his objectivity. On the other hand, it could be viewed as a weakness of his theoretical approaches, which were often overtaken by changes and developments in the European integration process. Some may argue though that these were major changes; therefore modifications to the theory were inevitable.

Haas's opus «The uniting of Europe. Political, social, and economic forces. 1950–1957», first published in 1958, is a sincere and profound attempt to provide a critical assessment of European developments in 1950–1957, and it contains a number of important points:

- E. B. Haas rejected a purely federalist explanation of European unification, which was quite popular at that time. Speaking about the interests and values of the main groups which were involved in the integration process, he said that they are «far too complex to be described

in such simple terms as “the desire for Franco-German peace” or the “will to a united Europe”»;

- E. B. Haas was bold enough to propose (or predict) the possible emergence of a single state;

- in a further development of his theoretical framework, E. B. Haas asserted that the process of integration would inevitably involve changes of values as well as the redefinition of interests «in terms of a regional rather than a purely national orientation» [2, p. 13].

His reasoning can be summarised as follows. A shift of loyalty – to a supranational body occurs, but this does not necessarily «imply the immediate repudiation of the national state or government» [2, p. 14]. Furthermore, national groups and individuals may even turn to supranational agencies and procedures, in order to achieve their aims which might otherwise be blocked or constrained on the national level. Thus, as it follows from Haas's theorising, a supranational body, especially one that attracts an adequate degree of loyalty from national groups, may well manage to pursue a policy of its own, largely independent from the national governments.

Haas's ideas were enriched by his disciple L. N. Lindberg, who published his seminal work, «The political dynamics of European economic integration», five years after the work «The uniting of Europe. Political, social, and economic forces. 1950–1957» became known to the readers. The emphasis which Lindberg made in the preface of his book – that it was his teacher who «presided over this manuscript from germination to publication» [3, p. VIII] – suggests that the content of the work «The political dynamics of European economic integration» is just a reflection of Haas's ideas. Indeed, L. N. Lindberg takes Haas's thoughts as his starting point, but he also makes neofunctionalism more colourful and diverse. L. N. Lindberg embellishes Haas's famous concept of spill-over, which E. B. Haas had used to demonstrate that integration of one sector causes the integration of other sectors. L. N. Lindberg develops the definition

¹Some scholars include postfunctionalism in the three grand theories of European integration. (Hooghe L., Marks G. Grand theories of European integration in the twenty-first century // J. of Eur. Public Policy. 2019. No. 26. Vol. 8. P. 1113–1133.)

of spill-over in his own way: «We shall formulate it as follows: the initial task and grant of power to central institutions creates a situation or series of situations that can be dealt with only by further expanding the task and the grant of power. Spill-over implies that a situation has developed in which the ability of a member state to achieve a policy goal may depend upon the attainment by another member state of one of its policy goals» [3, p. 10].

As a genuine neofunctionalist, L. N. Lindberg contributes to the analysis of supranational institutions' activities, which he calls central institutions. Here he echoes E. B. Haas, stating that «the central institutions are... endowed with a potentially far-reaching legislative power that can be exercised without the necessity of obtaining ratification from national parliaments» [3, p. 284].

The third, but no less important point worth mentioning, is the discussion about economic interest groups which, on the one hand, are affected by integration but, on the other hand, try to use it for their own purposes. These groups, as L. N. Lindberg posits, may form associations, and may even act independently of their respective national governments at the pan-European level. L. N. Lindberg states that «the commission has encouraged the development of these groups, actively fostering it», probably as a reflection of desire to generate an efficient and strong instrument, which would be effective in influencing national governments [3, p. 98]. This suggestion is quite plausible; especially if the role attributed to supranational (or central, to use Lindberg's definition) institutions in neofunctionalism is taken into account.

Thus, within a few years, due to the combined efforts of E. B. Haas and L. N. Lindberg, neofunctionalism gained the reputation of a well-established and coherent theory which was able to explain European integration adequately and precisely. However, in the 1968 preface to the reissued publication of the work «The uniting of Europe. Political, social, and economic forces. 1950–1957», E. B. Haas was already questioning his previous conclusions: «The ECSC (European Coal and Steel Community. – S. M.) experience has spawned a theory of international integration by indirection, by trial and error, by miscalculation on the part of the actors desiring integration, by manipulation of elite social forces on the part of small groups of pragmatic administrators and politicians in the setting of a vague but permissive public opinion. Functionalism and incrementalism rather than federalism and comprehensive planning are the key terms used in describing this theory. Have events in Western Europe since 1958 validated or weakened that theory?» [2, p. VII].

E. B. Haas decided that the «weakened» was the correct answer. He declared that the theory, which he had confidently presented ten years earlier, suffered from a number of serious shortcomings. Firstly, he recognised

that it was erroneous to neglect «new aspirations and expectations that develop after the initial experience» [2, p. XIV]. Secondly, E. B. Haas asserted that it was premature to speak about «the end of ideology» [2, p. XIV]. Thirdly, he believed that the external environment had not been given sufficient attention in his earlier work. Finally, «the functionalist theory here developed failed to spell out the massive transformations of European society and political style that occurred contemporaneously with, but *autonomously* of, the integration process» [2, p. XV]. Most importantly of all, the logic of spill-over – the key to his original theory, had been demolished. As J. Pinder pointed out, «de Gaulle destroyed any illusions about automatic spill-over» [4, p. 43]. E. B. Haas therefore sought to find a new explanation – and it was found by modifying the role of pragmatic interests in integration. E. B. Haas suggested that pragmatic interests (mainly economic concerns) should not be regarded as irreversible driving forces towards integration. As he stressed, «pragmatic interests, because they are pragmatic and not reinforced with deep ideological or philosophical commitment, are ephemeral» [2, p. XXVIII]. However, this clear and frank admission did not result in any further dissemination of the ideological and philosophical dimensions of his theory. Instead, E. B. Haas postulated that actors in Western Europe are quite indifferent to such doctrines as «Marxism, existentialism, Christian personalism, cultural nationalism, or laissez-faire liberalism» [2, p. XXVIII].

E. B. Haas persistently continued to make non-ideal modifications to the theory of neofunctionalism. In a further attempt to rescue his theory, the California-based academic introduced the concepts of «turbulent fields» and «fragmented issue linkage». According to E. B. Haas, «...a turbulent field... is a policy space in which this type of confusion (among actors pursuing a variety of mutually incompatible objectives. – S. M.) dominates discussion and negotiation. It can be sub-national, national, regional, inter-regional, and global – and all at the same time» [5, p. 179]. The fragmented issue linkage was explained in this way: «We must imagine... a structure which reflects the reality and which performs more adequately than the present institutions in successfully linking the issues which preoccupy modern man» [5, p. 207]. These modifications and innovations were designed to salvage theory of neofunctionalism. They might have succeeded, had E. B. Haas himself not wrecked his own theory by speculating about the likely outcome of the European integration process in the short to medium term. Indeed, his predictions were in sharp contrast to what happened in reality, since E. B. Haas insisted that «there will be no European federation, no political union of even the confederal type, and no economic and monetary union which looks like the federal governance of the customs union» [2, p. 207]. It is quite obvious that Haas's approaches misled him in terms of empirical conclusions, leaving inadequate room

for philosophical manoeuvre. In that respect, J. Pinder identified the following shortcomings of neofunctionalism: «One was that the neo-functionalists' model was based on contemporary behavioural views of industrial society and welfarism which were an unsound basis for their political predictions. A second criticised their unrealistic belief that a body such as the commission, without an electoral or parliamentary base, could give the political leadership required to overcome resistance to the integration process, particularly from the member states. The other side of this coin was the neo-functionalists' underestimation of the state» [4, p. 44].

In spite of these problems, neofunctionalism remains a valid theory today. It continues to be developed in new forms and versions, being ascribed new dimensions. Although many academics may not consider themselves as advocates of neofunctionalism, a number of scholars do seem to align to neofunctionalist rhetoric. However, all neofunctionalist scholars display a degree of uncer-

tainty similar to the lack of consistency, which was evident in Haas's initial theorising. Even the introduction of neo-neofunctionalism, launched by Ph. Schmitter, does not change much in that respect [6]. Up to now, when discussing the interest associations and social movements which contribute to integration, neofunctionalists tend to overemphasise the role of economic groups, unfairly excluding religious or religion-based and ideological associations. Therefore their approaches appear to be not adequately comprehensive, since the global and regional interests of various actors are confined not only to economic benefits.

However, this unfortunate story of neofunctionalism inspired another scholar who – in contrast to the neo-functionalists – offers a very consistent theory, which, as he claims, is able to explain almost the whole history of European integration – from Messina to Maastricht. This theory – liberal intergovernmentalism – is the sole invention of a prominent American scholar, A. Moravcsik.

Liberal intergovernmentalism: a consistent theory

Liberal intergovernmentalism is clearly connected to the theory of intergovernmentalism, which dominated political discourse in the 1970s and 1980s, when the integration process in Europe had slowed down. Intergovernmentalists maintained that states were the main actors of integration and that they retained control over the integration process, without conceding their sovereignty [7, p. 168]. This was a rival theory to neofunctionalism, and this theory downgraded the role of supranational institutions. In spite of its recognised roots, liberal intergovernmentalism, as F. Schimmelfennig points out, is regarded as a theory with one author (A. Moravcsik) and no disciples [8, p. 75]. A. Moravcsik, who published in 1998 a huge volume entitled «The choice for Europe. Social purpose and state power from Messina to Maastricht» is a scholar who pursues his ideas fiercely and with a high degree of self-confidence. His attempt to explain European integration seems to be clear and convincing, with a good deal of empirical information to support his claims. A. Moravcsik explains the key message of his theory in the following way: «European integration resulted from a series of rational choices made by national leaders who consistently pursued economic interests – primarily the commercial interests of powerful economic producers and secondarily the macroeconomic preferences of ruling governmental coalitions – that evolved slowly in response to structural incentives in the global economy» [9, p. 3].

Although economic interests are not the only focus of Moravcsik's theorising, they do effectively subordinate other factors which might, in principle, be regarded as meaningful for the European integration process. A. Moravcsik rejects neofunctionalism, criticising the neofunctionalist model of supranational institutions, which, as that model alleges, forced the integration pro-

cess. On the contrary, he claims that «the integration process did not supersede or circumvent the political will of national leaders; it reflected their will» [9, p. 4]. A high degree of consistency, evident in Moravcsik's work, is vividly shown in his evaluation of the main steps of European integration. First step, the Treaty of Rome is assessed in the following way: «Whereas the bulk of the literature on the Treaty of Rome negotiations suggests that geopolitical considerations, supranational entrepreneurship, and technocratic or ideological motives for institution-building were crucial, I hold that the preponderance of hard evidence demonstrates the greater importance of commercial interest <...> Existing scholarship (particularly on Britain) greatly underestimates the extent to which national policies were driven by the desire to promote exports» [9, p. 87].

Second step, A. Moravcsik argues that behaviour of the members of the European Economic Community, regarding agricultural policy «further confirms the symbolic rather than serious nature of geopolitical proposals; they were modified as necessary to gain domestic political support and to press for economic goals» [9, p. 213]. The third step he considers is the origin of the Single European Act (SEA). A. Moravcsik dismisses «a conventional wisdom», which «emerged about the origins of the SEA» and was derived «from supranational bargaining theory» [9, p. 316]. For him, the opinion expressed by A. Cockfield («where you have a forceful and visionary president... backed by a strong and effective commission, the community makes progress») is undoubtedly less plausible than his own liberal intergovernmentalist explanation: «The SEA assembled a set of liberalised measures demanded by business, widely viewed as inevitable, and, to a large extent, already being implemented unilaterally and bilaterally. National leaders were also motivated by geopolitical ideologies, but

economic interests remained primary in the sense that no major government... was willing to sacrifice a major economic interest for the sake of ideologically desirable integration» [9, p. 317].

Finally, A. Moravcsik openly challenges the conventional analysis of the Treaty on European Union (the Maastricht Treaty). He admits that «German reunification, agenda-setting by supranational officials, and federalist ideology form the core of most existing interpretations of the Maastricht negotiations», and although none is «wholly incorrect», each «requires substantial revision in light of the available historical evidence» [9, p. 381]. A. Moravcsik maintains that national preferences were driven primarily by the enduring structural economic interests of strong- and weak-currency countries [9, p. 381]. He also believes that negotiations at Maastricht «witnessed a resurgence of the intergovernmental negotiating style», while «supranational and transnational entrepreneurship tended to be ineffective» [9, p. 386]. A. Moravcsik assumes that the Maastricht Treaty negotiations serve to confirm intergovernmental bargaining theory and, in addition, to dispute supranational theory.

Moravcsik's proposition that economic interests form the basis of the integration process raises a number of questions.

1. Should we assume that these interests subsume all others and in every case?

2. Is their dominance comprehensive?

3. How can the 2004 and 2007 enlargements, as well as the Brexit², be explained in purely economic terms, if they showed that political and ideological factors do play a role in European integration? Finally, if it is accepted that the integration process cannot be described in purely economic terms, what space, if any, should be given to non-economic factors?

Whatever the difficulty of these questions on liberal intergovernmentalism, they do not necessarily undermine completely this theory. Nor do the other criticisms, concerning different points of Moravcsik's theory. He is criticised for having a tight focus on British, French and German politics, for depending on evidence which is not reliable enough, and for deliberately selecting specific case studies which confirm his hypotheses [10]. He is also accused of not dealing properly with ideology or doctrine – a point which is probably more relevant than the others: «Over the period of EU evolution more of a tussle has occurred between competing economic doctrines than A. Moravcsik acknowledges. In their turn the

common agricultural policy... the single market and the single currency have been achieved as a particular political-economic doctrine gained a kind of transnational ascendancy at a particular moment» [10, p. 159].

However, even this criticism does not harm liberal intergovernmentalism much. Indeed, its author, elaborating the significance of economic factors, remains flexible. In a 1999 article, A. Moravcsik concedes that «it is always prudent to remember that the world contains more complexity than any single theory can encompass» [11, p. 672]. In addition, he explicitly recognises the importance of the world of ideas, although, of course, he insists that it is not as influential as the world of banknotes, factories and pipelines: «This (liberal intergovernmentalist. – S. M.) explanation does not deny that individuals and governments have ideas in their heads or that we should observe them espousing ideas consistent with rational interests and strategies. It denies *only* that *exogenous* variations in other sources of those ideas decisively affect ideas and therefore policy. In sum, in the LI account of integration, ideas are present but not causally central. They may be irrelevant and random, or, more likely, they are important transmission belts for interests» [11, p. 674–675].

If we consider the strictness of this theory, it is quite a concession for A. Moravcsik to make such an acknowledgement. This is a meaningful sign, since it allows us to move more easily to the world where ideas, norms and values prevail over the world of impassive economic and technocratic mechanisms, shadowing human beings. This is a logical move, because these are the human beings who stand behind the numerous and diverse aspects of European integration. Moreover, as Th. Risse and A. Wiener assert «our understanding of our material interests are only our ideas about our material interests (even if these ideas are social facts and sticky over centuries)» [12, p. 779]. To forget them means to move further away from reality. Therefore the arrival of a new, more human-oriented theory is useful and desirable enterprise. In that respect, even A. Moravcsik was willing to admit that «even the most materialist explanations of European integration... concede an important secondary role for ideas» [11, p. 678]. On our part, we are willing to claim that the less materialist explanations may logically envisage an important primary role for ideas. Therefore, not rejecting completely liberal intergovernmentalism, we need to give way to the elaborations of social constructivism.

Social constructivism: theory of ideational factors

The advent of social constructivism as a recognised theory in the field of European integration studies was marked by the publication in 1999 of a special issue of

the Journal of European Public Policy. It had become increasingly clear that conventional explanations of European integration overlooked some important features of

²This refers to the exit of the United Kingdom from the EU, following the 2016 referendum, in which most Britons supported this idea. It is suggested that the issues of identity and national sovereignty were the primary ones for the Britons's rejection of further EU membership.

this process, which became more visible from the early 1990s. The EU, which is often referred to as an emerging polity, could hardly be constrained to the world of supranational institutions or economically-driven national governments. We can still see the relevance of neofunctionalism if we move back several decades, and we recognise the strength of liberal intergovernmentalism if we do not consider the EU enlargements in 2004 and 2007 and the constitutional disputes in the union. Both theories still retain their topicality and are able to explain most of the steps in the integration process. The problem, however, is that their explanation remains incomplete and omits several important factors in European unification.

Having said that, it should be noted that most scholars do not recognise social constructivism as another theory. Indeed, Th. Christiansen, K. E. Jørgensen and A. Wiener, who promoted social constructivism in the field of integration studies, speak about «a social constructivist perspective to the study of European integration» [13, p. 527]. In their theorising, they «seek to go beyond explaining variation within a fixed setting», also believing that «neglecting the constructive force of the process itself, i. e. pushing intersubjective phenomena, and social context aside, lays the ground for missing out on a crucial part of the process» [13, p. 527]. Unlike some other theorists, who adamantly dismiss the outdated findings of their peers, constructivists have a more modest claim: simply to present constructivism as being «particularly well suited for research on European integration» [13, p. 527]. As the authors state in that respect: «A significant amount of evidence suggests that, as a process. European integration has a transformative impact on the European state system and its constituent units. European integration itself has changed over the years, and it is reasonable to assume that in the process agents' identity and subsequently their interests and behaviour have equally changed. While this aspect of change can be theorised within constructivist perspectives, it will remain largely invisible in approaches that neglect processes of identity formation and (or) assume interests to be given exogenously» [13, p. 529].

Social constructivism exists in a variety of forms and approaches, distancing itself from a unified theory version, as evident even in the introductory 1999 journal on constructivism. As Th. Risse and A. Wiener assert, «the special issue assembles quite a variety of different theoretical orientation» [12, p. 776]. Consequently, this makes it almost impossible to develop a coherent picture of a single social constructivist approach to European integration. It is, however, possible to identify certain trends and developments, without finding a standard and rigid way of theorising. This is both the weakness and the strength of social constructivism, since it allows, on the one hand, more flexibility, but, on the other, makes it more vulnerable to criticism. Certainly, most constructivists will subscribe to the key

definition of constructivism, offered by J. Ruggie and cited by Th. Christiansen, K. E. Jørgensen and A. Wiener: «Constructivists hold the view that the building blocks of international reality are ideational as well as material; that ideational factors have normative as well as instrumental dimensions; that they express not only individual but also collective intentionality; and that the meaning and significance of ideational factors are not independent of time and place» [13, p. 530].

Scholars of social constructivism emphasise different areas which they believe to be the most important aspects for studies of European integration. In most cases they only attempt to use the constructivist approach within certain areas, rather than to elaborate it further, and this is evident (with few exceptions) in the special issue. One of these exceptions is J. Checkel's attempt to provide a more vigorously developed theoretical argument. J. Checkel, who positions himself as a modernist social constructivist, claims that there is little knowledge «about its (European project. – S. M.) socialisation and identity-shaping effects on national agents» [14, p. 545]. As he suggests: «The great majority of contemporary work on European integration views institutions, at best, as intervening variables. Missing is a thick institutional argument, derived from sociology, that demonstrates how European institutions can construct, through a process of interaction, the identities and interests of member states and groups within them» [14, p. 548].

J. Checkel considers two areas where social constructivism could make a useful contribution to the discourse. These are learning and socialisation processes at the European level; and the soft or normative side of Europeanisation at the national level. He defines social learning as a «process whereby actors, through interaction with broader institutional contexts (norms or discursive structures), acquire new interests and preferences – in the absence of obvious material incentives» [14, p. 548]. To confirm his hypothesis, J. Checkel describes his interviews in Strasbourg (with members of the Committee of Experts on Nationality of the Council of Europe), which allowed him to uncover how, through the process of persuasion and learning, members of the committee altered their perspectives on a number of important issues. As he claims, «over time, particular individuals clearly shifted from what they viewed as a strategic bargaining game to a process where basic preferences were rethought» [14, p. 551]. Theorising on the emergence of norms, J. Checkel states that «well-placed individuals with entrepreneurial skills can often turn their individual beliefs into broader, shared understanding» [14, p. 551]. This usually happens if some other conditions apply; namely if a larger group faces a puzzle or problem which is new and has no clear answer, and if a process of social learning and socialisation occurs at the appropriate level. J. Checkel then explains that new European norms diffuse to national settings via two

pathways: societal mobilisation and societal learning [14, p. 552]. In the first case, non-state actors and policy networks are united in their support for norms; they then mobilise and coerce decision-makers to change state policy, while, in the second case, agents – typically elite decision-makers – adopt prescriptions embodied in norms; they then become internalised and constitute a set of shared intersubjective understandings that make behavioural claims [14, p. 553]. Although J. Checkel admits that the process of European integration has largely been about market integration, where national and transnational business interests have played key roles and that these groups are, of course, quite different in structure and goals from the actors of civil society – domestic non-governmental organisations, churches, he eventually makes the following emphasis: «If the institutional (enhanced role of European Parliament) and substantive (third pillar of justice and home affairs) innovations of Maastricht and Amsterdam continue to evolve, new actors and policy issues are increasingly likely to make themselves felt. Moreover, the current interest in Brussels, London and elsewhere in moving the EU away from a strict regulatory role to one emphasising standard-setting and so-called “soft law” plays to the strength of social actors like NGOs (non-governmental organisations. – S. M.): it is precisely the promotion of such informal practices and norms where they are most influential» [14, p. 554–555].

Only few other constructivist scholars undertake such pure theorising as J. Checkel. For example, Th. Diez includes a discourse analysis «in the canon of approaches in European studies», trying to «make case for the importance of language in the process of European integration» [15, p. 599, 610]. Discussing the British bid for membership of the European Economic Community, Th. Diez believes that «the language of a free trade area in the British case facilitated the move towards the articulation of an economic community that would otherwise have been much harder, if not impossible» [15, p. 608]. R. Koslowski attempts to use constructivism to analyse federal theories of the EU, stating that «by refocusing attention on political practices, intersubjective meanings and informal norms, constructivism may be useful in developing federal theories for the EU» [16, p. 561]. His approach can be summarised by the following extract: «Federalism provides an important perspective on European integration, even if that has yet to be acknowledged in mainstream IR theory. Constructivism helps to retool federal theories for more persuasive analysis of the EU by refocusing attention on political practices, intersubjective meanings and informal norms» [16, p. 576].

J. Shaw endeavours to «re-examine the challenges of and to the concepts of constitution and constitutionalism» in the EU from a constructivist perspective [17, p. 579]. She believes that constructivism might be more appropriate for studying constitutionalism in

the EU postnational format: «There exists also a dimension to postnationalism which relates to the nature and structure of communities» [17, p. 588].

The creators of a constructivist perspective were attempting to produce a coherent model, drawn from various contributions. It was quite a difficult task: to unite something very diverse and potentially not suitable for uniting. Th. Christiansen, K. E. Jørgensen and A. Wiener claim that «one of the major contributions of constructivist approaches is to include the impact of norms and ideas on the construction of identities and behaviour» [13, p. 532]. They also assert that constructivism may have an impact on the studies of European integration by means of development of theories, construction of frameworks of analysis, and meta-theorising. The authors mention the following aspects of European integration developments, which should be brought into the constructivist framework. Firstly, «there is a need to come to grips with the nature of European polity as an increasingly rule-bounded arena for social interaction» [13, p. 539]. Secondly, the great importance of constructivism for research on identity formation needs to be taken into account. This could possibly constitute: «...[first], research into the nature of a potential European identity; second, research into the reconstruction of national identities under the influence of the integration process; and, third, informed by the results of both the above, there is the question of the plurality of national identities and cultures, and the extent to which a European political identity or political culture can be founded upon such difference» [13, p. 540].

Finally, constructivism is useful for making enquiries into the role of language, discourse and ideas [13, p. 541–542]. However, due to the mixed and rather diverse nature of social constructivism, it is open to much criticism, ranging from the mild and friendly to the strong and harsh. S. Smith exemplifies the former, while A. Moravcsik represents the latter. S. Smith, while admitting that «social constructivism has enormous potential for the study of the EU», asserts that «there is no one social constructivism» [18, p. 690]. He claims that «the articles (in the special issue. – S. M.) reveal approaches based on a wide range of assumptions, and some of these seem to be mutually exclusive» [18, p. 689]. A. Moravcsik accuses constructivist scholars of poor scholarship and of lacking the desire to understand rival theories: «Constructivists... have contributed far less to our empirical and theoretical understanding of European integration than their meta-theoretical assertions might suggest – certainly far less than existing alternatives» [11, p. 670].

To be fair, there is certainly a grain of truth in Moravcsik's criticism. Constructivism, by and large, remains in the shadow of neofunctionalism and liberal intergovernmentalism, although it gradually increases its significance. Its contribution has already helped to break the *circulus vitiosus* of meta-theoretical debates,

which were leaving little room for the manifestation of anything apart from supranational institutions and economically-driven national governments. Indeed, in the EU of the 21st century there is so much talk about identity, culture and non-governmental organisations that any pretence to ignore or underestimate these areas should be regarded as superficial. The advent of social constructivism saved a cohort of theories of European integration from an otherwise inevitable decline of relevance. However, one needs to say that constructivist scholars should have been more open and inclusive. They spent much time and effort writing about identity formation in the EU and the role of non-governmental organisations in European integration, yet omitted two

important points: religion and churches. This appears to be superficial, since religion cannot be excluded from the process of identity formation in Europe – not only because of the European past, but also because it remains an important part of the everyday life of many people at present. In addition, it is important to remember that churches remain influential and powerful non-governmental actors, whose ability to influence the decision-making process is often far greater than that of many other non-governmental organisations. Thus, the disregard for religion and churches is an obvious shortcoming of social constructivist thought, which jeopardises the credibility of an otherwise trustworthy and interesting theory.

Conclusion

The range of theories of European integration is constantly becoming more complex and diverse. Each theory, analysing the integration process from its own perspective, has something important to offer for the better understanding of this intricate process, which has gripped the European continent for over half a century. Approaches and conclusions are often contested and criticised by rival theories, giving way to new, at times intriguing, or even strange ideas. Despite declared contradictions and mutual exclusions among the three main theories – neofunctionalism, liberal intergovernmentalism and social constructivism (as well as numerous other minor theories) they still have much in common. Each considers the role of supranational institutions, economic forces, non-state actors and ideas in the course of the integration process, each with a different emphasis, but bearing in mind that European integration is based on a number of inter-related factors.

Given the plethora of approaches, it is surprising that the theories' authors have avoided any explicit reference to religion and Christian churches in their analysis of the process of European integration. If «Latin Christendom... has become interchangeable with the idea of Europe» and if «Christianity... is... the under-

current of contemporary European culture» [19, p. 188], then why is religion missing from the volumes of integration theory? If churches are recognised as social, political and even economic actors, then why are they not given consideration, comparable to the other similar contributors to the integration process? Finally, when considering the concept of identity and the notion of ideas with regard to studies of European integration, churches should certainly be included in their role of powerful identity formers and generators of ideas. Yet, this lack of acknowledgement is evident in the current theoretical space of European integration.

There is one more thing here to note. Since the world of integration theories encompasses such diverse theories as the feminist approach, integration through law, etc., it is worth asking why nobody has offered a religious approach to European integration. At this stage, the elaboration of this approach appears to be pertinent. This would actually complement and enrich the existing theories, arming them with more objectivity and strength. This is a pressing task and the one which is increasingly important in the current era, when the religious factor is highly visible within the diverse nations that comprise the EU.

References

1. Rosamond B. *Theories of European integration*. New York: Palgrave; 2000. 232 p.
2. Haas EB. *The uniting of Europe. Political, social, and economic forces. 1950–1957*. Stanford: Stanford University Press; 1968. 552 p.
3. Lindberg LN. *The political dynamics of European economic integration*. Stanford: Stanford University Press; 1963. 367 p.
4. Pinder J. European community and nation-state: a case for neo-federalism? *International Affairs*. 1986;62(1):41–54.
5. Haas EB. Turbulent fields and the theory of regional integration. *International Organization*. 1976;30:173–212. DOI: 10.1017/S0020818300018245.
6. Schmitter Ph. Neo-neofunctionalism. In: Wiener A, Diez Th, editors. *European integration theory*. Oxford: Oxford University Press; 2004. p. 45–74.
7. Leustean L. What is the European Union? Religion between neofunctionalism and intergovernmentalism. *International Journal for the Study of the Christian Church*. 2009;9(3):165–176. DOI: 10.1080/14742250903168149.
8. Schimmelfennig F. Liberal intergovernmentalism. In: Wiener A, Diez Th, editors. *European integration theory*. Oxford: Oxford University Press; 2004. p. 75–94.
9. Moravcsik A. *The choice for Europe. Social purpose and state power from Messina to Maastricht*. New York: Cornell University Press; 1998. 514 p.

10. Wallace H, Caporaso JA, Schampf FW, Moravcsik A. Review section symposium: the choice for Europe: social purpose and state power from Messina to Maastricht. *Journal of European Public Policy*. 1999;6(1):155–179.
11. Moravcsik A. Is something rotten in the state of Denmark? Constructivism and European integration. *Journal of European Public Policy*. 1999;6(4):669–681.
12. Risse Th, Wiener A. «Something rotten» and the social construction of social constructivism: a comment on comments. *Journal of European Public Policy*. 1999;6(5):775–782. DOI: 10.1080/135017699343379.
13. Christiansen Th, Jørgensen KE, Wiener A. The social construction of Europe. *Journal of European Public Policy*. 1999;6(4):528–544. DOI: 10.1080/135017699343450.
14. Checkel J. Social construction and integration. *Journal of European Public Policy*. 1999;6(4):545–560.
15. Diez Th. Speaking Europe: the politics of integration discourse. *Journal of European Public Policy*. 1999;6(4):598–613. DOI: 10.1080/135017699343496.
16. Koslowski R. A constructivist approach to understanding the European Union as a federal polity. *Journal of European Public Policy*. 1999;6(4):561–578. DOI: 10.1080/135017699343478.
17. Shaw J. Postnational constitutionalism in the European Union. *Journal of European Public Policy*. 1999;6(4):579–597. DOI: 10.1080/135017699343487.
18. Smith S. Social constructivism and European studies: a reflectivist critique. *Journal of European Public Policy*. 1999;6(4):682–691. DOI: 10.1080/135017699343540.
19. Haltern U. Integration through law. In: Wiener A, Diez Th, editors. *European integration theory*. Oxford: Oxford University Press; 2004. p. 177–196.

Received by editorial board 29.09.2024.

УДК 327.8

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ В ОТНОШЕНИИ БЕЛАРУСИ: ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ

В. В. ШИМОВ¹⁾

¹⁾Институт Европы РАН, ул. Моховая, 11, корп. 3в, 125009, г. Москва, Россия

Аннотация. Анализируется эволюция политики Польши и Литвы в отношении Беларуси. Показывается, что отношение польских политических деятелей к белорусскому национальному движению и самой идее белорусской государственности существенно менялось от активного неприятия к готовности использования в своих интересах. Показывается, что современные внешнеполитические подходы Польши в отношении Беларуси основаны на доктрине Гедройца-Мерошевского и предполагают установление мягкого идеологического, политического, культурного и экономического доминирования на бывших землях Речи Посполитой без формального изменения существующих границ. Отмечается, что эффективность методов польской внешней политики в отношении Беларуси является достаточно низкой в силу особенностей белорусской политической системы. Подчеркивается, что политика Литвы в отношении Беларуси во многом повторяет действия Польши, однако Вильнюс при этом выступает скорее конкурентом Варшавы и стремится использовать свое влияние на Беларусь для создания геополитического противовеса польскому доминированию в Восточной Европе.

Ключевые слова: Польша; Литва; Беларусь; Восточная Европа; внешняя политика; национализм.

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (научно-исследовательская работа «Системный анализ хозяйственно-политических рисков и возможностей Балтийско-Скандинавского макрорегиона», № гос. регистрации FMZS-2024-0013).

EVOLUTION OF THE POLICY OF POLAND AND LITHUANIA TOWARDS BELARUS: REASONS AND PREREQUISITES

V. V. SHIMOV^a

^aInstitute of Europe, Russian Academy of Sciences,
11 Mokhovaya Street, 3v building, Moscow 125009, Russia

Abstract. The article analyses the evolution of foreign policy approaches of Poland and Lithuania towards Belarus. It is shown that the attitude of Polish politicians towards the Belarusian national movement and the very idea of Belarusian statehood has changed significantly from active rejection to willingness to use it to their advantage. The article shows that Poland's modern foreign policy approaches to Belarus are based on the Giedroyc-Mieroszewski doctrine and imply the establishment of soft ideological, political, cultural and economic dominance of Poland in the former lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth without formally changing the existing borders. It is noted that the effectiveness of methods of Polish foreign policy towards Belarus turns out to be quite low due to the peculiarities of the Belarusian political system.

Образец цитирования:

Шимов ВВ. Эволюция политики Польши и Литвы в отношении Беларуси: причины и предпосылки. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;4:68–74.
EDN: FUMAEO

For citation:

Shimov VV. Evolution of the policy of Poland and Lithuania towards Belarus: reasons and prerequisites. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;4:68–74. Russian.
EDN: FUMAEO

Автор:

Всеволод Владимирович Шимов – кандидат политических наук, доцент; старший научный сотрудник центра белорусских исследований отдела социальных и политических исследований.

Author:

Vsevolod V. Shimov, PhD (political sciences), docent; senior researcher at the center for Belarusian studies, department of social and political studies.
vs.shimoff@gmail.com

It is shown that Lithuania's policy towards Belarus largely repeats Poland's actions, but Vilnius acts more as a competitor to Warsaw and seeks to use its influence on Belarus to create a geopolitical counterweight to Polish dominance in Eastern Europe.

Keywords: Poland; Lithuania; Belarus; Eastern Europe; foreign policy; nationalism.

Acknowledgements. The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (research work «System analysis of economic and political risks and opportunities of the Baltic-Scandinavian microregion», state registration No. FMZS-2024-0013).

Введение

После 2020 г. Польша и Литва стали проводниками недружественной и даже агрессивной политики в отношении Беларуси. Очевидно, подобное поведение западных соседей Беларуси является неслучайным и имеет глубокие корни в политической культуре этих стран. Следует отметить, что белорусско-польские и белорусско-литовские отношения

не отличались теплотой на протяжении всего постсоветского периода. В данной статье предпринимается попытка проследить особенности политической культуры Польши и Литвы, обуславливающие недружественное отношение к Беларуси, а также определить наличие взаимосвязи в действиях обеих стран на белорусском направлении.

Польша как геополитический лидер Восточной Европы

События последнего времени наглядно демонстрируют возросшие геополитические амбиции Польши, которая стремится к региональному лидерству в Восточной Европе. Политика Варшавы опирается на исторические традиции польской государственности, существование и развитие которой было связано с многовековой экспансией на восток [1].

В фокусе внимания польской геополитики остаются бывшие земли Речи Посполитой. На этих территориях Польша сталкивалась с Россией. Новый подъем польского геополитического экспансионизма также имеет выраженный антироссийский ресентимент. Именно поэтому геополитические притязания Варшавы должны быть объектом пристального внимания. Угрозы, исходящие от современной Польши, не следует недооценивать. Она является достаточно

крупным европейским государством с населением чуть менее 40 млн человек и развитой экономикой.

Представления о дотационности польской экономики и ее зависимости от европейских субсидий не должны вводить исследователей в заблуждение. Польша использует получаемые из европейского бюджета дотации весьма эффективно, совершенствуя социально-экономическую инфраструктуру и создавая привлекательный образ для восточных соседей.

Обладая безусловной политической субъектностью, Польша использует все имеющиеся у нее возможности, включая европейские дотации и покровительство США, для усиления собственных международных позиций и расширения влияния в восточноевропейском регионе.

Беларусь на ментальных картах Польши

В польской политической мысли XIX в. сложилось представление о Беларуси как об исконном достоянии Польши. Этнографические отличия белорусского населения от поляков осознавались, но воспринимались как несущественные. Беларусь и белорусы рассматривались с точки зрения польской цивилизаторской миссии. Так, полонизация белорусского населения воспринималась как благо, приобщение к более высокой цивилизации. Подобные взгляды, в частности, отражены в книге белорусского дворянина А. Рыпинского¹. Распространенности подобных представлений способствовало то обстоятельство, что поляки представляли господствующую в социально-экономическом и культурном плане группу, хоть и составляли меньшинство населения на территории белорусско-литовских губерний. Аристокра-

тия края оставалась польской по культуре и языку и католической по вероисповеданию.

В то же время польское влияние в Беларуси испытывало всевозрастающую конкуренцию со стороны России. В Российской империи постепенно утверждались представления о белорусских землях как об исконно русских территориях, оказавшихся под многовековым польско-литовским гнетом. Предпринимались меры по ослаблению польского влияния и восстановлению русских начал в крае. В 1839 г. в белорусско-литовских губерниях была ликвидирована униатская церковь, что способствовало радикальной перемене не только конфессионального, но и общего культурного фона. Однако более последовательные меры по восстановлению русских начал предпринимались после подавления

¹Борисёнок Ю. Александр Рыпинский прорубил для Беларуси окно в Париж // СБ-Беларусь сегодня : сайт. URL: <https://www.sb.by/articles/marsh-entuziasta44.html> (дата обращения: 13.09.2020).

польского восстания 1863 г. генерал-губернатором М. Н. Муравьевым и его преемниками [2]. Они способствовали дальнейшему укреплению позиций не только православной церкви, но и русского языка и культуры в целом. В официальном нарративе Российской империи белорусы рассматривались как одна из русских народностей наравне с великороссами и малороссами.

Соответственно, задачей польской политической мысли становилось противодействие нарастающей русской конкуренции. В ходе антироссийской агитации поляки начали использовать сельские белорусские диалекты, чтобы легче донести свои мысли до крестьянского населения. Некоторые романтически настроенные польские авторы предпринимали попытки литературной обработки белорусских говоров еще в первой половине XIX в. Во время восстания 1863 г. получила распространение политическая пропаганда на белорусском языке, переданном польским шрифтом. Самый известный пример – агитационные листки «Мужицкая правда», авторство которых приписывается одному из лидеров восстания в Литве К. Калиновскому. Основная цель этой пропаганды заключалась в том, чтобы настроить сельское белорусское население против российских властей и мобилизовать его на поддержку польского восстания.

Подобного рода политическая пропаганда появлялась и после подавления восстания 1863 г. В частности, изданием пропагандистских очерков и стихов занимался Ф. Богушевич, один из основоположников белорусской литературы. По воспоминаниям современников, поэт признавал, что к опытам на белорусском языке его подтолкнуло стремление не допустить русификации края [3, с. 37].

Таким образом, по мере усиления русского влияния в Беларуси польские политические деятели постепенно осознали, что вернуть весь регион, особенно его восточную часть, в пространство польской культуры и идентичности вряд ли получится и одним из инструментов противодействия России может стать поддержка движения, направленного на обособление белорусов от русских. В связи с этим в российском обществе получило распространение убеждение, что сам по себе белорусский национализм, проявившийся в начале XX в. и в ходе революционных событий 1917–1918 гг., был продуктом так называемой польской интриги. О сильном влиянии Польши на белорусский национализм и его политические устремления уже в 1921 г. писал этнограф Е. Ф. Карский, рассматривавший белорусов как русскую народность: «Белорусское движение с самого своего зарождения (Богушевич), как это отчасти заметно и у некоторых старых белорусских писателей... из поляков, в известном круге своих представителей (обыкновенно католиков) питало сепаратистские тенденции» [4, с. 646].

Вместе с тем подобный взгляд представляется верным лишь отчасти. Поляки действительно были готовы использовать белорусский национализм как инструмент в своей борьбе против России. Однако в польской среде проявлялось и откровенно неприязненное отношение к новому национальному движению. В частности, именно в таком духе выдержаны воспоминания польского общественно-политического деятеля из Вильно А. Шкленника о периоде немецкой оккупации 1915–1917 гг. [5, с. 549, 562; 6]. А. Шкленник крайне нелестно отзывался о деятелях белорусского движения (братьях И. И. Луцкевиче и А. И. Луцкевиче, В. Ластовском), обвиняя их в пронемецкой ориентации. Кроме того, он указывал на слабость белорусского движения, отсутствие у него социальной базы, а также на пророссийскую ориентацию большинства белорусских крестьян.

В межвоенный период Польша контролировала территории западной Украины и западной Беларуси и проводила на них жесткую политику полонизации, противодействовала местным национальным движениям [7]. При этом такой подход предполагал как прямые репрессии, так и попытки противопоставления и сраживания разных национальных течений и устремлений в восточнославянской среде. Так, на территории Полесского воеводства (территория нынешней Брестской области) польские власти пытались создать отдельную национальность – полешуков, которая была бы противопоставлена как украинцам, так и белорусам [8], а на Лемковщине поляки даже ограниченно поддерживали местных москвофилов (сторонников идеи триединого русского народа), видя в них противовес украинскому движению [9].

После Второй мировой войны польская государственность была радикально реформирована. Польша геополитически сдвинулась на запад за счет утраты «кресов всходних» и присоединения отторгнутых от Германии территорий. В этническом плане Польша стала одной из самых однородных стран Европы, а польское присутствие в Беларуси достигло своего исторического минимума едва ли не со времен Люблинской унии. Доля людей, идентифицирующих себя как поляки, на территории Беларуси сокращалась весь послевоенный период и продолжает сокращаться до сих пор. В новых обстоятельствах мечта поляков о «кресах всходних» не исчезла, но была вынуждена адаптироваться к новой действительности.

В 1950-х гг. в среде польской эмиграции появилась доктрина, впоследствии ставшая известной как концепция Гедройца-Мерошевского. В соответствии с ней Польша должна была отказаться от территориальных притязаний на так называемый регион ULB (Украина, Литва, Беларусь), т. е. на восточные земли бывшей Речи Посполитой, и признать субъектность образующих его государств. Вместе с тем Польша

должна выступить оператором демократизации Украины, Литвы и Беларуси, а также их переориентации на Запад [10; 11].

Данная концепция, несмотря на свой внешний антиимпериалистический пафос, де-факто лишь предлагала отход от жесткого и откровенного польского империализма в пользу системы мягкого эко-

номического, идеологического и культурного доминирования Варшавы на землях бывшей Речи Посполитой. После распада социалистического лагеря эта доктрина была фактически взята за основу восточной политики Польши, которая под ширмой борьбы за демократию начала наращивать свое присутствие в регионе ULB.

Польская политика в Беларуси в постсоветский период

Возможности Польши влиять на внутреннюю политику Беларуси оказались сильно ограниченными из-за особенностей развития белорусской политической системы после прихода к власти А. Г. Лукашенко. Белорусский президент не соответствовал двум основным критериям доктрины Гедройца-Мерошевского – он не был демократическим лидером в польском понимании этого слова и не стремился обрывать политико-экономические и культурные связи с Россией.

В данных обстоятельствах польско-белорусские отношения оставались натянутыми весь постсоветский период. Работа польских некоммерческих организаций в Беларуси также оказалась затруднена, за исключением недолгого периода 2014–2020 гг. По сравнению с Украиной продвижение пропольских нарративов в Беларуси происходило труднее и медленнее. Основными контрагентами Польши стали представители белорусской националистической оппозиции, которые, однако, практически не имели влияния на политику государства.

Примерно с 2009 г. (особенно после 2014 г.) Польша получила более широкие возможности по воздействию на белорусское общество и элиту. В этот период Минск предпринимал попытки сближения с Западом в рамках так называемой политики многовекторности, что привело к относительной либерализации политического и информационного поля и усилению влияния прозападных сил.

Следует отметить, что белорусское общественное мнение, особенно в кругах прозападной интеллигенции, оказалось в определенной степени восприимчивым к пропольским нарративам. Несмотря на

то что в период второй Речи Посполитой польское государство подавляло белорусское национальное движение точно так же, как и украинское, здесь не возникло кровавых эксцессов, подобных Волынской резне, память о которой до сих пор омрачает польско-украинские отношения. Сама структура белорусского националистического мифа, опирающегося на романтизацию Великого княжества Литовского, позволяет вбрасывать в общественное сознание образ Речи Посполитой как равноправного союза двух народов и общего отечества белорусов и поляков, что, естественно, становится идеологическим обоснованием его возможного возрождения.

Уроженцами территории современной Беларуси были многие видные деятели польской культуры – Т. Костюшко, А. Мицкевич, М. Огинский и др. Почитание их как белорусско-польских героев также стало довольно распространенной практикой, формирующей представления об общности судеб Беларуси и Польши.

Таким образом, поддержка пропольского национального мифа и романтизированного образа Речи Посполитой как общего отечества белорусов и поляков является важным инструментом мягкой силы Польши в рамках доктрины Гедройца-Мерошевского.

После событий 2020 г. возможности Польши по мягкому воздействию на Беларусь снова оказались ограниченными, а контакты с официальным Минском были сведены к минимуму. В настоящее время Польша вынуждена работать исключительно с белорусской политической эмиграцией в расчете на то, что при благоприятных обстоятельствах эти силы рано или поздно окажутся у власти в Минске.

Литовский «мессианизм» в Беларуси

Литву можно назвать вторым после Польши активным европейским игроком в Беларуси. Идеологически литовское присутствие является весьма схожим с польским. Как и Польша, Литва позиционирует себя в качестве «оператора» демократических перемен в Беларуси.

Литва всегда активно поддерживала тесные связи с белорусской националистической оппозицией, и сегодня Вильнюс стал одним из основных центров ее базирования. Сюда перебрались многие общественные, научно-исследовательские и образова-

тельные организации, которые в силу своей оппозиционной направленности прекратили работу в Беларуси. В качестве примеров таких организаций можно привести Европейский гуманитарный университет, который был одним из крупнейших негосударственных вузов Беларуси (был закрыт в середине 2000-х гг.), а также Независимый институт социально-экономических и политических исследований, пытавшийся проводить в Беларуси неконтролируемые государством социологические исследования. Значительная часть белорусской политической эмиграции,

покинувшей страну после событий 2020 г., уехала в Литву. Наконец, именно здесь обосновался так называемый офис С. Г. Тихановской.

В 2020–2022 гг. Литва занималась активным переманиванием рабочей силы из Беларуси, в первую очередь специалистов в сфере информационных технологий. Многие компании, базировавшиеся в нашей стране, стали закрывать свои офисы и релоцировать их в другие страны.

В настоящее время численность граждан Беларуси, постоянно проживающих в Литве, оценивается в 60 тыс. человек. При этом общее население Литвы составляет 2,8 млн человек.

В 2019 г. в Вильнюсе состоялось важное символическое событие – торжественные похороны предполагаемых останков К. Калиновского, одного из руководителей польского восстания 1863 г. в Литве. В церемонии участвовали представители Литвы, Польши, белорусской оппозиции. Присутствовала на мероприятии и официальная делегация Беларуси.

Следует отметить, что фигура К. Калиновского крайне мифологизирована. Еще в советское время был создан образ революционера как национального героя и крестьянского вождя. В постсоветский период его образ использовался в основном националистической оппозицией как символ противостояния России [12]. В 2020 г. К. Калиновский стал одним из символов неудавшейся «цветной революции», а для белорусской политической эмиграции его могила в Вильнюсе превратилась в место паломничества. Ее неоднократно посещала С. Г. Тихановская.

Несмотря на то что политическая активность Литвы и Польши в Беларуси очень похожа, Вильнюс и Варшава выступают здесь скорее конкурентами, чем союзниками. Можно предположить, что своей активностью в Беларуси Литва пытается перекрыть геополитические притязания Польши на доминирование на землях бывшей Речи Посполитой [13]. Очевидно, в этом контексте и сама Литва выступает как объект польских притязаний. Между Литвой и Польшей существует давняя напряженность из-за проживающих в Виленском крае поляков – крупнейшего национального меньшинства Литвы.

В вопросе «демократизации» Беларуси Литва выступает скорее соперником Польши и, очевидно, рассчитывает создать с будущими прозападными белорусскими властями некий неформальный альянс,

своего рода новое Великое княжество Литовское, которое будет негласным противовесом Варшаве. Таким образом, можно говорить об определенных попытках Литвы использовать представления о ВКЛ как о некоем пространстве общей судьбы литовцев и белорусов для продвижения своего влияния в Беларуси.

В то же время в Литве сохраняется и определенная настороженность по отношению к Беларуси и белорусам, даже прозападному их сегменту. Польша достаточно охотно принимает белорусских граждан, рассчитывая на их скорую ассимиляцию. Литва же себе этого позволить не может. Литовцы – небольшой реликтовый балтский этнос, озабоченный вопросами своей «чистоты». Как и во всей Прибалтике, в Литве существует сильное предубеждение против русскоязычного славянского населения, поэтому появление крупной белорусской диаспоры выступает для Литвы вызовом и проблемой. Так, литовские власти публично выразили озабоченность распространением литвинизма (идеологии, присваивающей историческое наследие ВКЛ) среди белорусской диаспоры. Дошло до того, что С. Г. Тихановская была вынуждена оправдываться перед своими покровителями и даже осуждать данную идеологию.

Литовские власти инициировали проверку около 18 тыс. граждан Беларуси, ранее получивших литовский вид на жительство, и угрожают лишить их этого статуса в случае обнаружения негативной информации. Под последней подразумеваются данные, свидетельствующие о работе в белорусских силовых структурах, причем в эту категорию могут попасть и те, кто проходил срочную службу в белорусской армии.

Таким образом, политика Литвы в отношении Беларуси отличается двойственностью. С одной стороны, Вильнюс пытается держать покровительственный тон, выступая в роли «демократизатора» Беларуси. Расчет делается на то, что после прозападного разворота Беларуси Литва сможет влиять на политику Минска и образует с ним своего рода геополитическую связку, в том числе для сдерживания геополитических притязаний Польши. В то же время конкуренция за историческое наследие ВКЛ и общий высокий уровень ксенофобии литовского общества ограничивают возможности литовского «мессианизма» в отношении восточного соседа.

Заключение

Политика Польши в отношении Беларуси имеет глубокие культурно-исторические корни. Она основана на геополитических и идеологических притязаниях Варшавы на роль лидера в Восточной Европе и Балто-Черноморском регионе. Одним из измерений этой политики является представление о бывших восточных землях Речи Посполитой как

о зоне естественных геополитических интересов Польши. С этой точки зрения Варшава рассматривает Беларусь как сферу своего геополитического и идеологического влияния.

Современная политика Польши в отношении Беларуси опирается на доктрину Гедройца-Мерошевского, которая не подразумевает пересмотра суще-

ствующим границ, но предполагает усиление польского влияния на Беларусь при помощи инструментов «мягкой силы»: информационного воздействия, распространения пропольских исторических нарративов, основанных на романтизации Речи Посполитой как пространства общей судьбы белорусов и поляков. В то же время реальные возможности воздействия Польши на Беларусь являются ограниченными из-за особенностей белорусской политической системы и ее несоответствия польским ожиданиям.

Что касается Литвы, то она в своей политике в отношении Беларуси во многом копирует польские подходы. Причем Вильнюс выступает скорее конкурентом Варшавы. Дело в том, что Литва также явля-

ется объектом польского геополитического «мессианизма» и пытается от него дистанцироваться. С этой точки зрения попытки Литвы укрепить свое влияние в Беларуси могут рассматриваться как стремление создать некий геополитический противовес Польше, в том числе основанный на общей памяти о ВКЛ. Вместе с тем литовское влияние в Беларуси столкнулось с теми же проблемами, что и польское влияние, а именно с недемократичностью белорусской политической системы в западном понимании и, как следствие, ее невосприимчивостью к продвигаемым Литвой нарративам, которые основаны на антироссийском ресентименте и некритическом восприятии политического опыта Европы и Запада в целом.

Библиографические ссылки

1. Евстафьев ДГ, Межевич НМ. Новое вино в старые мехи. Проект «Междуморье» как очередной виток европейской истории. *Россия в глобальной политике*. 2023;21(5):178–190. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-178-190.
2. Бендин АЮ. *Михаил Муравьев-Виленский. Усмиритель и реформатор Северо-Западного края Российской империи*. Москва: Книжный мир; 2019. 416 с.
3. Moroz M. «Krynica». *Ideologia i przywódcy białoruskiego katolicyzmu*. Białystok: Białoruskie towarzystwo historyczne; 2001. 230 s.
4. Карский ЕФ. *Белорусы. Том 3. Книга 2, Очерки словесности белорусского племени*. Минск: Беларуская энцыклапедыя; 2007. 701 с.
5. Szklennik A. «Wspomnienia o wydarzeniach w Wilnie i w kraju». *Dziennik. Część II*. Gierowska-Kałuż J, edytor. Warszawa: Instytut historii PAN; 2019. 1067 s.
6. Киселев А. Деятели белорусского национального движения на страницах дневника Александра Шкленика (1915–1917). *Наука. Вера. Культура* [Интернет]. 2023 [процитировано 25 сентября 2023 г.]. Доступно по: <https://naukaverakuljtura.com/деятели-белорусского-национального/>.
7. Шевченко КВ. «Картина варварства...». Белорусское и украинское меньшинство в Польше в межвоенный период. Часть 1. *Наука. Вера. Культура* [Интернет]. 2023 [процитировано 25 сентября 2023 г.]. Доступно по: <https://naukaverakuljtura.com/картина-варварства-белорусское-и/>.
8. Шевченко КВ. «Хитер наш полешук». Русская пресса белорусского Полесья в составе межвоенной Польши как индикатор этнической идентичности. *Западная Русь* [Интернет]. 2020 [процитировано 25 сентября 2023 г.]. Доступно по: <https://zapadrus.su/zaprus/istbl/2130-khiter-nash-poleshuk-russkaya-pressa-belorusskogo-polesya-v-sostave-mezhvoennoj-polshi-kak-indikator-etnicheskoj-identichnosti.html>.
9. Шевченко КВ. Забытая трагедия на западных рубежах русского мира. Операция «Висла» 1947 г.: как русинов-лемков лишили родины. Часть 1. *Наука. Вера. Культура* [Интернет]. 2023 [процитировано 25 сентября 2023 г.]. Доступно по: <https://naukaverakuljtura.com/забытая-трагедия-на-западных-рубежах/>.
10. Mieroszewski J. Rosyjski «kompleks Polski» i obszar ULB. *Kultura*. 1974;9:3–14.
11. Waingertner P. Jerzego Giedroycia idea ULB – geneza, założenia, próby realizacji. Zarys problematyki. *Studia z Historii Społeczno-Gospodarczej XIX i XX Wieku*. 2015;15:143–159. DOI: 10.18778/2080-8313.15.09.
12. Гронский АД. Кастусь Калиновский: конструирование героя. *Беларуская думка*. 2008;2:82–87.
13. Шимов ВВ. Белоруссия как объект польской внешней политики. *Современная Европа*. 2023;5:26–37. DOI: 10.31857/S0201708323060037.

References

1. Evstaf'ev DG, Mezhevich NM. [New wine in old bottles. The Intermountain Project as another round of European history]. *Russia in Global Affairs*. 2023;21(5):178–190. Russian. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-178-190.
2. Bendin AYU. *Mikhail Murav'ev-Vilenskii. Usmiritel' i reformator Severo-Zapadnogo kraya Rossiiskoi imperii* [Mikhail Murav'ev-Vilenskii. Pacifier and reformer of the Northwestern region of the Russian Empire]. Moscow: Knizhnyi mir; 2019. 416 p. Russian.
3. Moroz M. «Krynica». *Ideologia i przywódcy białoruskiego katolicyzmu*. Białystok: Białoruskie towarzystwo historyczne; 2001. 230 s.
4. Karskii EF. *Belorusy. Tom 3. Kniga 2, Ocherki slovesnosti belorusskogo pelmeni* [Belarusians. Volume 3. Book 2, Essays on the literature of the Belarusian tribe]. Minsk: Belaruskaja jencyklapedyja; 701 p. Russian.
5. Szklennik A. «Wspomnienia o wydarzeniach w Wilnie i w kraju». *Dziennik. Część II*. Gierowska-Kałuż J, edytor. Warszawa: Instytut historii PAN; 2019. 1067 s.
6. Kiselev A. [Figures of the Belarusian national movement on the pages of the diary of Alexander Shklennik (1915–1917)]. *Nauka. VERA. Kul'tura* [Internet]. 2023 [cited 2023 September 25]. Available from: <https://naukaverakuljtura.com/деятели-белорусского-национального/>. Russian.

7. Shevchenko KV. [«The picture of barbarism...». The Belarusian and Ukrainian minorities in Poland during the interwar period. Part 1]. *Nauka. Vera. Kul'tura* [Internet]. 2023 [cited 2023 September 25]. Available from: <https://naukaverakuljtura.com/картина-варварства-белорусское-и/>. Russian.
8. Shevchenko KV. [«Our poleshuk is cunning». The Russian press of the Belarusian Polesie as part of interwar Poland as an indicator of ethnic identity]. *Zapadnaya Rus'*. [Internet]. 2020 [cited 2023 September 25]. Available from: <https://zapadrus.su/zaprus/istbl/2130-khiter-nash-poleshuk-russkaya-pressa-belorusskogo-polesya-v-sostave-mezhvoennoj-polshi-kak-indikator-etnicheskoj-identichnosti.html>.
9. Shevchenko KV. [A forgotten tragedy on the western borders of the Russian world. Operation Vistula 1947: how the Rusyns-Lemk were deprived of their homeland. Part 1]. *Nauka. Vera. Kul'tura* [Internet]. 2023 [cited 2023 September 25]. Available from: <https://naukaverakuljtura.com/забытая-трагедия-на-западных-рубежах/>. Russian.
10. Mieroszewski J. Rosyjski «kompleks Polski» i obszar ULB. *Kultura*. 1974;9:3–14.
11. Waingertner P. Jerzego Giedroycia idea ULB – geneza, założenia, próby realizacji. Zarys problematyki. *Studia z Historii Społeczno-Gospodarczej XIX i XX Wieku*. 2015;15:143–159. DOI: 10.18778/2080-8313.15.09.
12. Gronsii AD. [Kastus Kalinouski: constructing a hero]. *Belaruskaya dumka*. 2008;2:82–87. Russian.
13. Shimov VV. Belarus as an object of Poland's foreign policy. *Contemporary Europe*. 2023;5:26–37. Russian. DOI: 10.31857/S0201708323060037.

Статья поступила в редколлегию 19.09.2024.
Received by editorial board 19.09.2024.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

УДК 321.01 + 316.334.3:32

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

И. В. ЛАШУК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются основные теоретико-методологические подходы к изучению феномена политической системы в социогуманитарном знании, в частности теории, предложенные Т. Парсонсом, Д. Истоном, Ф. М. Бурлацким, Г. Алмондом, П. Бурдьё, В. А. Трегубой и др. Делается вывод о том, что культурно-ориентированный подход имеет высокий эвристический потенциал для исследований, в том числе для изучения белорусской политической системы. Представляется авторская концептуальная модель исследования политической системы современного общества с опорой на такие методологические основания, как культуросоциологический подход и социоанализ П. Бурдьё. Отмечается, что изучение социокультурного поля является возможным по крайней мере на двух уровнях: на символическом уровне, где легитимизированные идеи, ценности и представления существуют в закодированном виде, и на поведенческом уровне, где они усваиваются в процессе социализации, а затем реализуются в поведенческих моделях. Политическое поле трактуется как место, где в конкурентной борьбе между агентами формируются политические программы, комментарии, концепции, события, которые и представляются на выбор обычным гражданам. Политическое поле при

Образец цитирования:

Лашук ИВ. Теоретико-методологические подходы к изучению политической системы современного общества. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;4:75–80.
EDN: GGSVBG

For citation:

Lashuk IV. Theoretical and methodological approaches to the study of the political system of modern society. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;4:75–80. Russian.
EDN: GGSVBG

Автор:

Ирина Валерьевна Лашук – кандидат социологических наук, доцент; заведующий кафедрой экономической социологии и психологии предпринимательской деятельности социально-экономического факультета, руководитель Центра социально-гуманитарных исследований.

Author:

Irina V. Lashuk, PhD (sociology), docent; head of the department of economic sociology and psychology of entrepreneurship, faculty of social and economics sciences, and head of the Center for Social and Humanitarian Studies.
lashuk@bseu.by
<https://orcid.org/0000-0003-3011-0561>

этом имеет социокультурную обусловленность и проявляется в конкретных поведенческих моделях его участников. Отмечается, что изучение политической системы современного общества возможно осуществить на основе анализа поведенческих моделей социальных групп в политическом поле. Данные модели поведения являются показателями того, в каких формах происходит воспроизводство ценностей, идеалов и норм конкретного общества в реальной повседневной деятельности. В совокупности с социокультурным компонентом эти поведенческие стратегии и выступают маркером политической системы современного социума.

Ключевые слова: политическая система; социогуманитарное знание; культурсоциологическая парадигма; концептуализация.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE POLITICAL SYSTEM OF MODERN SOCIETY

I. V. LASHUK^a

^aBelarus State Economic University, 26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

Abstract. The main theoretical and methodological approaches to the study of the phenomenon of political system in socio-humanitarian knowledge are considered, in particular, the theories proposed by T. Parsons, D. Easton, F. M. Burlatskii, G. Almond, P. Bourdieu, V. A. Tregub and other authors. It is concluded that the culturally oriented approach has a high heuristic potential for research, including when studying the Belarusian political system. The author's conceptual model for studying the political system of modern society is presented based on the following methodological foundations: the cultural sociological approach and the social analysis of P. Bourdieu. It is noted that study of the sociocultural field is possible at the symbolic level, where legitimised ideas, values, and perceptions are exist in a coded form, and at the behavioural level, where they are assimilated and then implemented in behavioural models. The political field is understood as a place where, in the competitive struggle between agents, political programmes, comments, concepts, events are born, from which ordinary citizens must choose. The political field has a sociocultural conditionality and is manifested in the specific behavioural models of its participants. It is notes that the study of the political system of modern society can be carried out through behavioural models of social groups in the political field. It is these behavior patterns that are indicators of the forms in which the values, ideals and norms of a particular society are reproduced in real everyday activities. In conjunction with the sociocultural component, these behavioural strategies will be the marker of the political system of modern society.

Keywords: political system; socio-humanitarian knowledge; cultural sociological paradigm; conceptualisation.

Научное изучение политической системы современного общества представляет собой актуальную задачу. В условиях развития белорусского государства данный вопрос обретает особую значимость. Рассмотрим концептуализации феномена политической системы в социогуманитарном знании.

Термин «система» в научный оборот ввел биолог Л. фон Берталанфи. Ученый разработал каркас динамической теории систем и дал его математическое обоснование при помощи дифференциальных уравнений. В рамках данного подхода система трактуется как совокупность элементов, находящихся в определенных отношениях друг с другом и со средой.

Среди представителей социальных наук наибольший вклад в развитие теории системы внес основоположник структурного функционализма Т. Парсонс. Феномен «система» он рассмотрел на примере общества и общественных отношений. В рамках предложенной им теории речь идет о системе действий, в которую входят следующие элементы: социальная подсистема (выполняет функцию интеграции), культурная подсистема (отвечает за воспроизводство

образца), личностная подсистема (обеспечивает целедостижение и адаптацию) [1, с. 16].

Основателем концептуализации термина «система» в политической науке является американский политолог Д. Истон. По его мнению, «сама идея политической системы предполагает, во-первых, отделение политической жизни от остальной части общественной деятельности, по крайней мере в аналитических целях, во-вторых, рассмотрение политической системы как автономного организма, окруженного, но четко отличимого от той сферы (обстановки), в которой она осуществляет свою деятельность» [2, с. 19]. Автор не ограничивается теоретическими рассуждениями и называет конкретные элементы политической системы, а именно политические действия и границы (реакции системы на процессы окружающей среды (биологической, физической, социальной и др.)) [2, с. 20–21].

Данную модель часто называют кибернетической, поскольку основной акцент в ней сделан на взаимосвязи политической системы с внешней средой (*вход – выход* в терминологии Д. Истона).

Известнейший политолог Ф. М. Бурлацкий дает следующее определение: «Политическая система представляет собой одну из подсистем общества (наряду с такими его подсистемами, как социально-экономическая, социально-культурная, личностная и др.) и играет основную роль в мобилизации ресурсов общества на достижение выдвигаемых им или его частью целей с помощью политической власти» [3, с. 76]. По мнению ученого, мобилизация социальных сил и средств в интересах достижения общих целей, которые навязываются и формулируются элитой, является специфической социальной функцией политической системы. Последняя наряду с другими социальными системами обеспечивает интеграцию общества, определение его целей и задач в решении экономических, культурных и иных проблем [3, с. 77]. Так, главная функция политической системы заключается в интеграции общества. Кроме того, политическая система, обладая властными полномочиями, способна принудительно интегрировать социум.

По мнению российских политологов, «политическая система может рассматриваться в качестве теоретико-практического конструкта, позволяющего с разных сторон подходить к постижению политических явлений, установлению причинно-следственных связей между событиями политической жизни, преобразованию и решению той или иной проблемной ситуации» [4, с. 8]. Специалисты приходят к выводу о том, что в условиях глобализации мирового пространства, с одной стороны, и наличия внешнего давления с деструктивными целями геополитических оппонентов, с другой стороны, российское общество нуждается в формировании наднациональной идентичности [4, с. 253].

Политолог Г. Алмонд выделил два уровня анализа политической системы: 1) институциональный, предполагающий исследование политических институтов и их функций, норм и механизмов формирования государственной политики; 2) ориентационный, выражающийся в особых формах ориентации населения на политические объекты [5, с. 119]. В рамках этого подхода обнаруживается социологический поворот в исследованиях политической системы, позволяющий на эмпирическом уровне изучать ориентиры населения. Акцент в данном контексте, в отличие от теории Ф. М. Бурлацкого, сделан не только на принуждении к интеграции через политическую власть, но и на изучении ценностных предпочтений населения. Данный аспект крайне важен для достижения целей интеграции общества. Развитие отмеченных идей привело к тому, что в работах Г. Алмонда появились не только социологические, но и культурные аргументы, синтез которых можно обозначить как культурсоциологические методологические основания. Во-первых, в публикациях ученого политическая система рассматривалась именно как

система деятельности. Во-вторых, она была проанализирована как система, имеющая некоторое равновесие. В-третьих, базовым элементом политической системы Г. Алмонд признавал ее социальную роль. В-четвертых, каждая политическая система, по мнению ученого, является осмысленной (как у М. Вебера) и имеет целевую установку [5, с. 122].

С опорой на культурсоциологический поворот политических взглядов Г. Алмонд разработал классификацию политических систем в зависимости от доминирования определенного типа политической культуры. Так, существуют следующие виды политических систем:

- англо-американская политическая система. Данная система реализуется в Великобритании и США. Она отличается «...приоритетом индивидуального над коллективным, развитостью рыночных экономических механизмов, высокой степенью стабильности социального и политического развития, гибкостью бюрократических институтов, независимостью граждан и невмешательством государства в private сферы, а также рядом других параметров. Политическая культура в такой системе характеризуется высокой степенью свободы мнений, активным участием граждан в общественной и политической жизни, индивидуализмом и в то же время верой в национальные идеалы» [6, с. 136];

- континентально-европейская политическая система. Она характерна для ФРГ, Италии и Франции. Ее отличительными чертами являются бюрократизированность органов государственного управления, государственное регулирование экономики, социально ориентированная политика и т. д.;

- доиндустриальная политическая система. Она реализуется в странах третьего мира и противопоставляется западным системам. Такому виду политической системы свойственны нестабильность, слабо развитая экономика, низкий уровень благосостояния населения [6, с. 136].

Идеи применения культурсоциологической парадигмы в исследованиях политического поля находят свое отражение и в работах С. Вербы. Совместно с Г. Алмондом он провел масштабные сравнительные исследования в Великобритании, Италии, Мексике, США и ФРГ. По их результатам был сконструирован эталонный тип политической культуры – гражданская культура.

В разработанной П. Бурдьё теории социальное пространство образуется рядом силовых полей – политическим, социальным, культурным, символическим и др. Каждое поле представляет собой определенный тип игры, имеющей свои правила. В каждом поле присутствуют свои козыри – виды капитала, находящиеся в объективном или инкорпорированном (внутреннем) состоянии. В зависимости от обладания этими капиталами группы имеют разную власть над тем или иным полем, причем

власть над полем означает власть над продуктом этого поля и над совокупностью средств его производства [7, с. 24]. Иными словами, политическое поле имеет свои капиталы, играющие по правилам этого поля. П. Бурдьё не употребляет термин «политическая система» в своем категориальном аппарате. При этом ученый задает методологическую рамку его изучения посредством введения политических позиций и отмечает их обусловленность культурным капиталом. Таким образом, социоанализ П. Бурдьё также можно квалифицировать как культурно-ориентированную версию политического анализа.

К ценностным основаниям трансформации политической системы в постсоветский период обращаются и отечественные политологи. Так, В. А. Трегуб отмечает, что «политические ценности связывают отдельную личность и политическую власть, так как они задают определенные правила отношениям между людьми» [8, с. 150]. Автор приходит к выводу о том, что дезорганизация с большой вероятностью может происходить в условиях невозможности определения ценностных векторов движения, что приводит к размыванию политического сознания граждан, особенно в периоды изменений политической системы [8, с. 150]. На наш взгляд, данный культурно-ориентированный подход имеет высокий эвристический потенциал для исследований, в том числе для изучения белорусской политической системы.

Изучение политической системы современного общества в данной работе имеет такие теоретико-методологические основания, как культурсоциологический подход и социоанализ П. Бурдьё. Исследование опирается на теоретические положения, разрабатываемые сегодня в рамках культурсоциологического подхода, основателем которого признан Дж. Александер. На фоне ряда социологических рассуждений о культуре исследовательский проект Дж. Александера выделяется тем, что он рассматривает культуру не как один из объектов анализа, а как наиболее важную характеристику социального, определяющую базовый модус рассуждения.

Что касается социоанализа П. Бурдьё, то для настоящего исследования важными являются два умозаключения ученого:

- социальная реальность рассматривается как многомерное пространство, включающее различные поля (политическое, экономическое, социальное, культурное и др.);
- следует отличать эмпирического индивида (наблюдаемого в обыденном опыте) от эпистемического индивида (сконструированного исследователем в целях анализа) [7, с. 69–70].

С учетом данных методологических оснований изучение политической системы возможно путем исследования взаимодействия социокультурного и политического полей.

Понятие «социокультурное» ввел в социогуманитарное знание П. А. Сорокин. В структуру социокультурного взаимодействия входят, по его мнению, три неразделимых элемента:

- личность как субъект взаимодействия;
- общество как совокупность контактирующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами;
- культура как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения [9, с. 214].

В структуре социокультурного поля представлены следующие составляющие:

- капиталы. Обладание ими неравномерно в рамках поля. Суть социального неравенства как раз и заключается в неравномерном распределении возможностей. Мы различаем формальный (не включенный в повседневную практику) капитал и реальный (включенный в повседневную практику) капитал. Примером формального капитала является наличие диплома о высшем образовании в условиях отсутствия реальной профессиональной деятельности. При определенных условиях этот ресурс может понадобиться. В таком случае потенциальный капитал перестанет быть формальным и, соответственно, его позиция в образовательном пространстве обретет реальный вид. Все поля (экономическое, политическое и др.) имеют определенный набор значимого. Однако все они имеют социокультурную (аксиологически деятельностьную) обусловленность, т. е. ценностные основания, и воспроизводятся в повторяющихся моделях поведения, проявляясь затем в конструировании собственной идентичности;

- культурная программа поля. Данная программа представляет собой совокупность ценностей, норм и обусловленных ими устойчивых повседневных практик. Культурная программа описывает логику смыслов, которыми руководствуются люди, принимающие ее, и задает смысловую систему координат. Культурная программа включает такие компоненты, как объяснительный (*почему это произошло?*), ценностный (*ради чего это делается?*) и нормативный (*как надо делать, чтобы добиться нужного результата?*);

- социально-коммуникативная система. В широком смысле процессы взаимодействия имеют текстуальный характер. Люди интерпретируют их как тексты и участвуют в них, зная, что сами превращаются в объект интерпретации. В соответствии с этим знанием индивид конструирует свои практики как тексты, обращенные к другим (*я веду себя как приличный человек*) [7, с. 72].

Таким образом, изучение социокультурного поля возможно по крайней мере на двух уровнях: на символическом уровне, где легитимизированные

идеи, ценности и представления существуют в закодированном виде, и на поведенческом уровне, где они усваиваются в процессе социализации, а затем реализуются в конкретных поведенческих моделях. Процесс раскодирования происходит только в ходе реальных действий социальных групп, после чего культурные ценности проявляются в жизненных стратегиях поведения индивида.

Каждое поле имеет свои приоритетные виды и формы капиталов, реальное обладание которыми дает преимущество в том или ином поле. Однако все поля зависят от выбора определенной стратегии поведения, которая ограничена культурной программой поля в процессе социального взаимодействия, имеющего текстуальный характер [7, с. 72–73].

Рассмотрим особенности концептуализации феномена политического поля. Российские ученые характеризуют политическое поле как идеально-типический конструкт, а именно как пространство отношений политических акторов, определяемое совокупностью постоянно (вос)производящихся правил, в соответствии с которыми осуществляются взаимодействия по поводу значимых проблем в рамках наличного и альтернативных проектов, целей и стратегических решений для общества [10, с. 43].

По мнению С. В. Патрушева и Л. Е. Филиппова, о формировании политического поля свидетельствуют следующие признаки: образование политических идентичностей (расколов) и их идеологическое оформление, расширение индивидуального и коллективного участия в политической деятельности, институционализация конфликта и диалога между гражданами, а также между гражданами и государством, правовая универсализация норм и процедур

взаимодействия внутри политического сообщества [11, с. 18].

Белорусские ученые определяют политическое поле как пространство, в котором происходит борьба за власть. Содержание политического поля является подвижным. Под влиянием событий как внутри, так и вне государства оно может подвергаться кардинальным трансформациям [12, с. 489]. Политическое поле способно существовать в реальном и виртуальном измерениях. Реальное политическое поле олицетворяют партии, институты, властные структуры, оппозиция и т. д. Главным для такого поля является то, как оно воспринимается электоратом. Виртуальное поле – это программа будущего выбора, поле электоральных предпочтений [12, с. 491].

Следуя за П. Бурдьё, мы рассматриваем политическое поле как место, где в конкурентной борьбе между агентами создаются политические программы, комментарии, концепции, события, из которых и должны выбирать обычные граждане¹. Политическое поле при этом имеет социокультурную обусловленность и проявляется в конкретных поведенческих моделях его участников.

Таким образом, изучение политической системы современного общества возможно осуществить путем анализа поведенческих моделей определенных социальных групп в политическом поле. Данные модели поведения являются показателями того, в каких формах происходит воспроизводство ценностей, идеалов и норм конкретного общества в реальной повседневной деятельности. В совокупности с социокультурным компонентом эти поведенческие стратегии выступают маркером политической системы современного социума.

Библиографические ссылки

1. Парсонс Т. *Система современных обществ*. Седов ЛА, Ковалёв АД, переводчики; Ковалёва М, редактор. Москва: Аспект Пресс; 1998. 270 с.
2. Истон Д. Подход к анализу политических систем. *Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки*. 2015;5:17–37.
3. Бурлацкий ФМ. *О политической науке: избранные произведения*. Москва: Издательство Московского университета; 2013. 328 с.
4. Атаманенко АА, Березнякова МД, Богомолова ЕВ, Бражников ДЮ. *Политическая система современной России*. Гаджиев ХА, редактор. Москва: МАКС Пресс; 2022. 276 с.
5. Подвойская НЛ. Политическая система в фокусе культурно-политического подхода. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2014;3(40):118–125.
6. Бунаков МЮ, Гуляев НС. Современные концепции политической культуры. *Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии*. 2013;1(45):135–150.
7. Лашук ИВ. *Социокультурная трансформация современного белорусского общества*. Минск: РИВШ; 2022. 243 с.
8. Трегуб ВА. Политические ценности в политической системе постсоветской России. *Вестник МДПУ імя І. П. Шамякіна*. 2009;1:150–153.
9. Сорокин ПА. *Человек. Цивилизация. Общество*. Согомонов АЮ, редактор. Москва: Политиздат; 1992. 543 с.
10. Недяк ИЛ, Павлова ТВ, Патрушев СВ, Филиппова ЛЕ. Политическое поле и зона власти: версии идеального типа и опыт эмпирической верификации. *Социологические исследования*. 2020;1:42–53. DOI: 10.31857/S013216250008323-8.
11. Патрушев СВ, Филиппова ЛЕ. Институциональные проблемы конституирования политического поля и политики в современной России. *Политическая наука*. 2018;2:14–33.
12. Данилов АН, Ротман ДГ. Особенности политического поля сильной и слабой власти: допустимые пределы. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2020;20(3):487–497. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-487-497.

¹Пьер Бурдьё. Политическое представление. Элементы теории политического поля // Гуманитарный портал : сайт. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3047> (дата обращения: 21.10.2024).

References

1. Parsons T. *The system of modern societies*. New Jersey: Prentice Hall; 1971. 152 p.
Russian edition: Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv*. Sedov LA, Kovalev AD, translators; Kovaleva M, editor. Moscow: Aspekt Press; 1998. 270 p.
2. Easton D. An approach to the analysis of political system. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12, Politicheskie nauki*. 2015;5:17–37. Russian.
3. Burlatskii FM. *O politicheskoi nauke: izbrannye proizvedeniya* [On political science: selected works]. Moscow: Moscow University Publishing House; 2013. 328 p. Russian.
4. Atamanenko AA, Berezhnyakova MD, Bogomolova EV, Brazhnikov DJu. *Politicheskaya sistema sovremennoi Rossii* [The political system of modern Russia]. Gadzhiev KhA, editor. Moscow: MAKS Press; 2022. 276 p. Russian.
5. Podvoiskaya NL. [Political system in focus of cultural-political approach]. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2014;3(40):118–125. Russian.
6. Bunakov MYu, Gulyaev NS. [Modern concepts of political culture]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii*. 2013;1(45):135–150. Russian.
7. Lashuk IV. *Sotsiokul'turnaya transformatsiya sovremennogo belorusskogo obshchestva* [Sociocultural transformation of modern Belarusian society]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2022. 243 p. Russian.
8. Tregub VA. [Political values in the political system of post-Soviet Russia]. *Vesnik Mozyrskaga dzyarzhavnaga universiteta imya I. P. Shamyakina*. 2009;1:150–153. Russian.
9. Sorokin PA. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilisation. Society]. Sogomonov AYu, editor. Moscow: Politizdat; 1992. 543 p. Russian.
10. Nedyak IL, Pavlova TV, Patrushev SV, Philippova LE. Political field and zone of power: ideal type varieties and an empirical verification. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020;1:42–53. Russian. DOI: 10.31857/S013216250008323-8.
11. Patrushev SV, Philippova LE. Institutional problems of the constitution of political field and politics in contemporary Russia. *Politicheskaya nauka*. 2018;2:14–33. Russian.
12. Danilov AN, Rotman DG. Features of the political field of strong and weak power: acceptable limits. *RUDN Journal of Sociology*. 2020;20(3):487–497. Russian. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-487-497.

Статья поступила в редколлегию 01.11.2024.
Received by editorial board 01.11.2024.

УПРАВЛЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ВОЛНАМИ

А. Г. ЗЛОТНИКОВ¹⁾

¹⁾Белорусский торгово-экономический университет
потребительской кооперации, пр. Октября, 50, 246029, г. Гомель, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются проблемы демографического развития Республики Беларусь. Исследуются причины современных демографических волн. Отмечаются перспективы демографического развития Беларуси. Называются основные направления государственной политики в преодолении депопуляции. Анализируется эффективность реализации демографической политики. Показывается значимость Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. Освещаются подходы белорусской демографической науки к преодолению депопуляции. Раскрывается роль освещения демографической информации в обеспечении национальной безопасности государства.

Ключевые слова: Республика Беларусь; демографические процессы; демографические волны; демографические ямы; демографическая политика; стимулирование рождаемости; демографическая безопасность; демографические перспективы; демографическая информация; демографическая наука.

MANAGING DEMOGRAPHIC WAVES

A. G. ZLOTNIKOV^a

^aBelarusian Trade and Economic University of Consumer Cooperation,
50 Kastychnika Avenue, Gomel 246029, Belarus

Abstract. The problems of demographic development of the Republic of Belarus are considered. The causes of the current demographic waves are being investigated. The prospects of demographic development of Belarus are noted. The main directions of state policy in overcoming depopulation are being identified. The effectiveness of the implementation of demographic policy is analysed. The importance of the National Security Concept of the Republic of Belarus is shown. The approaches of the Belarusian demographic science to overcoming depopulation are highlighted. The role of the coverage of demographic information in ensuring the national security of the state is revealed.

Keywords: Republic of Belarus; demographic processes; demographic waves; demographic pits; demographic policy; stimulating fertility; demographic security; demographic prospects; demographic information; demographic science.

Введение

С начала текущего десятилетия демографическая ситуация в Беларуси характеризуется беспрецедентным сокращением численности населения. Если за период между национальными переписями

(2009–2019) численность белорусов сократилась на 90,4 тыс. человек, то только за один 2021 г. снижение данного показателя составило 94,1 тыс. человек. За годы после последней переписи население

Образец цитирования:

Злотников А.Г. Управление демографическими волнами. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2024;4:81–87.
EDN: JNSKDX

For citation:

Zlotnikov AG. Managing demographic waves. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2024;4:81–87. Russian.
EDN: JNSKDX

Автор:

Анатолий Геннадьевич Злотников – кандидат экономических наук, доцент; профессор кафедры права и экономических теорий факультета экономики и управления.

Author:

Anatolii G. Zlotnikov, PhD (economics), docent; professor at the department of law and economic theory, faculty of economics and management.
zlot@tut.by
<https://orcid/0000-0002-8182-4970>

страны сократилось на 257,4 тыс. человек¹. Такого значительного сокращения численности белорусов не было за всю историю суверенного развития республики.

В течение почти полутора десятилетий нового столетия в Беларуси наблюдался рост рождаемости. В 2003 г. он составил 88 512 человек, а в 2015 г. – 119 028 человек. Одновременно происходило снижение уровня смертности. В 2002 г. данный показатель составил 146 655 человек, в 2019 г. – 120 470 человек. Резкое снижение уровня рождаемости фиксируется с 2016 г. Так, в 2016 г. на свет появились

117 779 младенцев, в 2017 г. – 102 558 младенцев, в 2018 г. – 94 042 младенца, в 2019 г. – 87 602 младенцев². В итоге только за четыре года (2015–2019) падение уровня рождаемости составило 35,9 %, что превышает рост рождаемости за предыдущий 12-летний период (см. таблицу).

Резкое снижение числа рождений нарушает пропорции воспроизводства населения и вносит неоправимые изменения в демографическую структуру населения. Беларусь входит в число государств с низким уровнем рождаемости и высоким уровнем отрицательного естественного прироста населения.

Динамика численности младенцев в 1948–2023 гг., чел.
Dynamics of the population of infants in 1948–2023, pers.

Год	Численность младенцев	Год	Численность младенцев
1948	185 300	1986	171 611
1949	212 400	1987	162 937
1950	197 164	1988	163 193
1951	198 200	1989	153 449
1952	191 100	1990	142 167
1953	176 200	1991	132 045
1954	193 100	1992	127 971
1955	194 345	1993	117 384
1956	199 500	1994	110 599
1957	200 800	1995	101 144
1958	207 700	1996	95 798
1959	204 600	1997	89 586
1960	200 218	1998	92 645
1961	194 239	1999	92 975
1962	185 302	2000	93 691
1963	173 889	2001	91 720
1964	161 794	2002	88 743
1965	153 865	2003	88 512
1966	153 414	2004	88 943
1967	147 501	2005	90 508
1968	146 095	2006	96 721
1969	142 652	2007	103 626
1970	146 676	2008	107 876
1971	149 135	2009	109 263
1972	147 813	2010	108 050
1973	144 729	2011	109 147
1974	146 876	2012	115 893
1975	146 517	2013	117 997

¹Демографический ежегодник Республики Беларусь : стат. сб. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2019. с. 237 ; Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели. 2020 : стат. сб. Т. 1. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2020. С. 66.
²Там же.

Окончание таблицы
Ending table

Год	Численность младенцев	Год	Численность младенцев
1976	147 912	2014	118 534
1977	148 963	2015	119 028
1978	151 053	2016	117 779
1979	151 800	2017	102 556
1980	154 432	2018	94 042
1981	157 899	2019	87 602
1982	159 364	2020	83 077
1983	173 510	2021	77 079
1984	168 749	2022	71 006
1985	165 034	2023	66 404

Пр и м е ч а н и е. Составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь. Показатели за 2020–2023 гг. рассчитаны автором.

Демографические волны в Беларуси

Демографическое развитие нашей республики характеризуется повторяющимися колебаниями численности родившихся. Данные перепады отражают изменения в возрастной структуре населения, репродуктивный потенциал которого является более низким по сравнению с репродуктивным потенциалом предшествующих поколений. Динамика возрастной структуры населения, ведущая к постепенному сглаживанию демографических волн, является объективным фактором изменения численности населения. В условиях мирного времени демографические волны могут усиливаться, приостанавливаться или сглаживаться под влиянием социальной политики.

Попытка управления демографическими волнами была предпринята властями Китая. В конце прошлого столетия китайская политика была направлена на замедление роста народонаселения. Она проводилась под лозунгом «Одна семья – один ребенок». В результате в стране было зафиксировано рекордное падение уровня рождаемости. При этом китайские семьи ориентировались преимущественно на рождение мальчиков. Сформировавшийся дефицит населения женского пола в Китае заставлял молодых мужчин искать себе невест в других юго-восточных странах, преимущественно в Таиланде и во Вьетнаме. Спустя время китайская демографическая политика изменилась, однако запущенный механизм, ориентированный на снижение рождаемости, продолжил работать уже без вмешательства государства. Данный пример свидетельствует о том, что демографические волны сложно контролировать.

В структуре демографических волн выделяются гребень и яма. Демографический гребень характеризуется высокой рождаемостью, а демографическая яма – низкой рождаемостью. В послевоенный период

в Беларуси зафиксировано несколько циклов демографических волн. Первая демографическая волна охватила 1948–1950 гг. – конец 1960-х гг. В данный период наблюдался постепенный спад рождаемости. Высокий демографический гребень (212 400 младенцев в 1949 г.) сменился демографической ямой (142 652 младенца в 1969 г.) (рис. 1). Данная волна характеризовалась переходом от высокого уровня послевоенной отложенной рождаемости к ее постепенному, в течение 20 лет, снижению. Этот цикл был выявлен и интерпретирован одним из первых лауреатов Нобелевской премии по экономике 1971 г. С. Кузнецом.

В указанной демографической волне следует выделить 10-летний период стабильного уровня рождаемости, продлившийся до 1958 г. Разница между количеством родившихся в 1949 и 1958 гг. составила 4,7 тыс. человек. Но за следующие 10 лет падение рождаемости в Беларуси достигло 65,0 тыс. человек. На наш взгляд, это стало непредсказуемым следствием изменения семейной политики в СССР. Так, в 1956 г. было введено государственное пенсионное обеспечение по старости. Благое социальное решение существенно отразилось на идеологии семейной политики. До этого большинство семей были многодетными. Население заботилось о своей старости. Такую демографическую стратегию семьи Ф. Энгельс охарактеризовал следующим образом: «...дети подобны деревьям, с избытком возмещающим произведенные на них расходы» [1, с. 566]. Государство, введя систему пенсионного обеспечения, взяло заботу о пожилых людях на себя. Но одновременно такое решение послужило толчком к падению рождаемости. В обществе закрепились тенденции к малодетности.

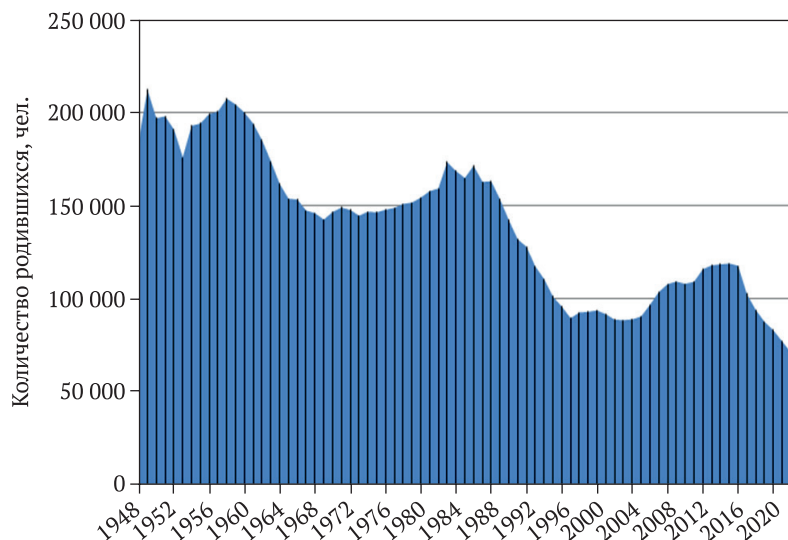

Рис. 1. Демографические волны в Беларуси в послевоенный период
(составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь)

Fig. 1. Demographic waves in Belarus in the post-war period
(compiled according to the data of the National Statistical Committee of the Republic of Belarus)

Следующая демографическая волна, отразившая структурные изменения в населении страны предыдущего 20-летия, охватывает 1970–1983 гг. и характеризуется ростом уровня рождаемости. Он был обусловлен вступлением в активный репродуктивный возраст населения, родившегося в 1950-х гг. Демографический гребень этой волны пришелся на 1983 г., когда родилось 173 510 младенцев, и соответствовал уровню рождаемости 1963 г., вписываясь в 20-летнее демографическое колебание. Однако данная волна, если сравнивать ее с предыдущей, охватывает около 15 лет.

После было зафиксировано самое значительное в истории Беларуси снижение численности рождений, составившее 85 тыс. младенцев. В 1983 г. родилось 173 510 человек, а уже в 2003 г. – 88 512 человек. Таким образом, демографическое падение происходило в течение 20 лет, а демографический рост охватил почти 15 лет. Данное обстоятельство, как и в предыдущем цикле, свидетельствует о существенной разнице лагов роста и падения рождаемости и, соответственно, о более быстром затухании волны роста родившихся.

Демографические процессы указанного периода протекали в сложных социальных, политических, экономических и экологических условиях. Экологическая катастрофа на Чернобыльской АЭС привела к резкому падению рождаемости в 1987 г. (более чем на 9 тыс. человек). Затем значительное снижение демографических показателей было обусловлено развалом СССР как единого демографического пространства. Бывшие советские республики столкнулись с рядом сложностей. Как результат, в 1990–1991 гг.

снижение рождаемости в Беларуси составило более чем 21 тыс. человек.

Первые годы становления суверенной Беларуси характеризуются негативными тенденциями в демографическом развитии. В 1992–1997 гг. рождаемость снизилась более чем на 42 тыс. человек. В 1994 г. в республике наблюдалось отрицательное сальдо естественного движения населения. Тенденция превышения смертности по сравнению с ее возмещением рождаемостью сохраняется и сегодня. Численность белорусского населения постоянно сокращается. В начале 1990-х гг. рост численности населения Беларуси частично обеспечивался за счет положительного сальдо миграции – переселения в нашу страну русскоязычного населения среднеазиатских, закавказских и прибалтийских регионов. Но со второй половины 1990-х гг. этот маятник миграции перестал быть положительным.

Последняя волна роста рождаемости приходится на 2004–2015 гг. Она характеризовалась почти 30-тысячным ростом количества родившихся (с 88 512 человек в 2003 г. до 119 028 человек в 2015 г.). Таким образом, демографический рост составил 34,5 %. Одновременно в этот период наблюдалось и снижение уровня смертности (с 146 655 человек в 2002 г. до 120 470 человек в 2019 г., т. е. на 21,7 %). На наш взгляд, позитивные демографические тенденции были связаны с реализацией мероприятий, определенных в Законе Республики Беларусь от 4 января 2002 г. № 80-3 «О демографической безопасности в Республике Беларусь»³. Кроме того, рост численности родившихся происходил на фоне глубокой демографической ямы и по сравнению с предыду-

³О демографической безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2002 г. №. 80-3 // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

щим циклом даже чуть превысил невысокий уровень предыдущего гребня.

Анализ численности населения Беларуси за 80-летний послевоенный период позволяет констатировать, что диапазоны демографических волн измеряются разными временными величинами. Различаются демографические волны рождаемости и демографические волны изменения численности населения. Волны снижения рождаемости охватывают более продолжительные временные циклы, а волны роста рождаемости сокращаются (в предыдущих циклах они охватывали до 15 лет, а в последнем цикле – уже 12 лет). При этом рост численности родившихся начинается из более глубокой демографической ямы, а вершина каждого последующего демографического гребня существенно снижается по сравнению с вершиной предыдущего цикла.

Перепад между гребнем предыдущей демографической волны и демографической ямой свидетельствует о невысоком уровне гребня и значительной глубине демографической ямы. В последние десятилетия демографические циклы *гребень – яма* имели следующее соотношение: первый цикл (1949–1969 гг.) – 1,49 : 1,00; второй цикл (1969–1983 гг.) – 1,00 : 1,22; третий цикл (1984–1997 гг.) – 1,96 : 1,00; четвертый цикл (1997–2015 гг.) – 1,00 : 1,34; пятый

цикл (продолжающийся с 2016 г.) – 1,79 : 1,00. Данная динамика демонстрирует увеличение разрыва процессов *гребень – яма* и снижение величины роста выхода из депопуляции.

Различия во временных лагах демографических волн рождаемости и изменения численности населения страны связаны с особенностями демографических процессов. Волны рождаемости отражают репродуктивные возможности женщин, обусловленные их возрастом (от 15 до 49 лет). В то же время средний возраст рождения женщиной первого ребенка постоянно снижается. Если в середине XX в. среднестатистическая белорусская женщина вступала в брак в возрасте около 20 лет и сразу включалась в процесс демовоспроизводства, то сегодня средний возраст невесты в первом браке увеличился до 25 лет. При этом средний возраст современной женщины при рождении первого ребенка составляет около 26 лет. Данные цифры свидетельствуют об изменении лага демографических волн. При этом менее чем за последнее десятилетие численность потенциальных матерей сократилась более чем на 25 тыс. человек. В связи с этим нетрудно представить, с какими еще более серьезными демографическими перепадами к середине текущего столетия может столкнуться Беларусь.

Важность управленческих решений в демографической сфере

Демографические волны, вызывавшие резкое сокращение численности белорусского населения, приходились на периоды глубоких социальных потрясений (Октябрьская революция, гражданская война, голод, репрессии, Великая Отечественная война, распад Советского Союза и т. д.). Факторами послевоенных демографических волн являлись структурные причины, например вхождение в активный репродуктивный возраст предыдущих, более малочисленных поколений или принятие определенных социальных и демографических мер.

По мнению В. В. Елизарова, руководителя Центра по изучению проблем народонаселения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, демографическая политика отражается прежде всего в социальных гарантиях, обеспечивающих стабильность условий, в которых население реализует свои демографические установки. Так, специалист отмечает, что принципиальная особенность демографической политики «...заключается в воздействии на воспроизводство населения, на динамику демографических процессов не прямо, а опосредованно, через демографическое поведение, через принятие решений в сфере брака, семьи, рождения детей, выбора профессии, сферы занятости,

места жительства. Меры политики народонаселения воздействуют как на формирование демографических потребностей, обуславливающих специфику демографического поведения, так и на создание условий для их реализации» [2, с. 52].

Высота демографических гребней и глубина демографических ям зависят не только от предыдущих циклов демографических волн, но и от политики государства. Решения, принимаемые властными структурами разных уровней, так или иначе отражаются на демографическом развитии общества [3]. Как уже отмечалось, опосредованное влияние на снижение показателей рождаемости в советский период оказало введение государственного пенсионного обеспечения.

Регулирование социально-экономической сферы в нашей стране осуществляется на основе ряда документов. Ключевым среди них, безусловно, выступает Конституция Республики Беларусь⁴. В документе закреплено, что брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства. Концептуальное наполнение данной нормы отражено в Кодексе Республики Беларусь о браке и семье⁵, Законе Республики Беларусь «О демографической безопасности Республики Беларусь» от

⁴Конституция Республики Беларусь // Официальный интернет-портал Президента Респ. Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 27.09.2024).

⁵Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 278-3 // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 1999.

4 января 2002 г. № 80-3⁶, Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г.⁷, а также в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь⁸.

В Кодексе Республики Беларусь о браке и семье определено, что государство проявляет заботу о семье путем создания условий для экономической самостоятельности и роста ее благосостояния, льготной налоговой политики, выплаты государственных пособий семьям, воспитывающих детей, льготного кредитования, создания и развития учреждений образования, организаций культуры, физической культуры и спорта, здравоохранения, создания условий для сочетания родителями трудовой деятельности с выполнением семейных обязанностей, развития инфраструктуры быта.

Важнейшим документом, повлиявшим на демографическое развитие государства в новом столетии, стал Закон Республики Беларусь «О демографической безопасности Республики Беларусь» от 4 января 2002 г. № 80-3. На его основе с 2003 г. была начата разработка национальных (под патронажем Президента Республики Беларусь), а затем государственных (под патронажем Совета Министров Республики Беларусь) программ по обеспечению демографической безопасности. Реализация мер, представленных в указанном законе и соответствующих программах, позволила повысить демографические показате-

тели. Так, за 2003–2015 гг. численность родившихся в стране увеличилась более чем на 30 тыс. человек (с 88 512 до 119 028 человек). Такие положительные тенденции, на наш взгляд, были связаны с тем, что демографические программы этого периода носили комплексный межведомственный характер и предусматривали ряд социальных мероприятий.

Последующие демографические программы носят более ведомственный характер и ориентированы в основном на поддержание здоровья населения. Они разработаны Министерством здравоохранения Республики Беларусь и предполагают проведение мероприятий лишь медицинского характера. Социальные решения в данных программах не предусмотрены.

С 2016 г. в Беларуси началось снижение рождаемости, а с 2020 г. и сокращение численности населения [4; 5]. Процесс депопуляции обусловлен рядом объективных и субъективных факторов. Преодоление демографического кризиса является сложной задачей. Немалую роль в этом вопросе играет освещение демографической информации. К сожалению, статистические данные о естественном и механическом движении населения в последние годы стали малодоступными, что затрудняет работу демографов. В то же время аналитическая деятельность специалистов в этой области способна повлиять на эффективность разрабатываемых государственных программ по обеспечению демографической и, соответственно, национальной безопасности Беларуси.

Угрозы, вызовы и риски демографической безопасности

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь является важнейшим документом, регулирующим демографическую политику государства. В ней представлены возможности для активного противодействия негативным демографическим тенденциям. Концепция предусматривает меры по антикризисному реагированию на риски, вызовы и угрозы национальной безопасности государства, в частности анализ и оценку демографической ситуации, прогнозирование ее развития и возможных негативных последствий, разработку предложений по совершенствованию социальной политики. Антикризисное реагирование на демографические угрозы должно осуществляться системно и комплексно, на межведомственном уровне.

Концепция предусматривает комплекс мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства. Важно отметить, что 5 из 20 индикаторов состояния национальной безопасности связаны с социальными показателями (объем ВВП на душу населения по паритету покупательной способно-

сти, индекс человеческого развития, коэффициент депопуляции, миграционный прирост и ожидаемая продолжительность жизни при рождении). В концепции сформулированы интересы национальной безопасности и определены источники ее угроз.

В концепции названы следующие национальные интересы государства в демографической сфере:

- стабилизация численности населения и создание предпосылок для его устойчивого роста на основе последовательного увеличения рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни, а также снижения смертности;
- повышение общего уровня здоровья населения, охрана здоровья матери и ребенка;
- укрепление института семьи как социального института, наиболее благоприятного для реализации потребности в детях, их воспитания, развитие системы поддержки семей с детьми и улучшение условий их жизни;
- оптимизация внешних миграционных потоков и обеспечение положительного сальдо миграции.

⁶О демографической безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2002 г. № 80-3 // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой ин-форм. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

⁷Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Эконом. бюл. НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. 2015. № 4. С. 2–99.

⁸Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : решение Все-белорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5 // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

Особое внимание в документе уделяется демографическим угрозам: депопуляции, демографическому старению, снижению уровня рождаемости, сокращению продолжительности жизни, разложению института традиционной семьи, активизации эмиграционных процессов и нерегулируемой

иммиграции в страну. При этом подчеркивается, что внешним источником угроз национальной безопасности страны является проведение иностранными государствами политики, направленной на стимулирование эмиграции населения Республики Беларусь.

Заключение

В последнее десятилетие демографические процессы в Беларуси характеризуются рядом негативных тенденций. Во-первых, страна столкнулась с невиданным для мирного времени сокращением численности населения, масштабы которого составили более четверти миллиона человек. Во-вторых, была зафиксирована новая демографическая яма. Ее гребень в 2015 г. оказался самым низким по сравнению с гребнями предыдущих волн. Демографическая яма с 2019 г. стала самой глубокой в истории страны. Данные обстоятельства представляют угрозу национальной безопасности Беларуси. Если в 2020 г. уровень рождаемости еще превышал показатель в 80 тыс. младенцев, то в 2023 г. его значение снизилось до 66 тыс. младенцев.

Важная роль в проведении адекватной сложившимся условиям демографической политики принадлежит социальным институтам. Важнейшим документом в регулировании демографической политики выступает Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. В ней отражена официальная позиция властных структур по вопросу обеспечения безопасности личности, общества и государства в противостоянии внешним и внутренним угрозам.

Так, концепция направлена на обеспечение политической, экономической, научно-технологической, социальной, демографической, биологической, информационной, военной, экологической безопасности, а также электорального суверенитета Республики Беларусь. В ней представлены возможности для активного противодействия негативным демографическим тенденциям. Концепция предусматривает меры по антикризисному реагированию на риски, вызовы и угрозы национальной безопасности государства, в частности анализ и оценку демографической ситуации, прогнозирование ее развития и возможных негативных последствий, разработку предложений по совершенствованию социальной политики.

Важная роль в антикризисном реагировании на депопуляцию принадлежит демографической науке. Для всестороннего изучения ситуации научное сообщество нуждается в объективных демографических данных. Аналитическая деятельность специалистов в этой области способна повлиять на эффективность разрабатываемых государственных программ по обеспечению демографической, а значит и национальной безопасности Беларуси.

Библиографические ссылки

1. Энгельс Ф. наброски к критике политической экономии. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 1*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. с. 544–571.
2. Елизаров ВВ. *Избранные труды*. Джанаева НГ, Затонских НА, Чудиновских ОС, редакторы. Москва: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; 2023. 229 с.
3. Рудый КВ, редактор. *Финансовая диета: реформы государственных финансов Беларуси*. Минск: Звезда; 2016. 464 с.
4. Злотников АГ. Объективные и субъективные факторы демографического развития Республики Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2024;1:14–20.
5. Злотников АГ. Экспертиза современной репродуктивной ситуации в Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;3:59–68.

References

1. Engels F. [Sketches to criticize political economy]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 1* [Essays. Volume 1]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. p. 544–571. Russian.
2. Elizarov VV. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Dzhanayeva NG, Zatonских NA, Chudinovskikh OS, editors. Moscow: Ekonomicheskii fakul'tet MGU imeni M. V. Lomonosova; 229 p. Russian.
3. Rudyi KV, editor. *Finansovaya dieta: reformy gosudarstvennykh finansov Belarusi* [Financial diet: reforms of public finances of Belarus]. Minsk: Zvyazda; 2016. 464 p. Russian.
4. Zlotnikov AG. Objective and subjective factors of demographic development of the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2024;1:14–20. Russian.
5. Zlotnikov AG. Expertise of the modern reproductive situation in Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;3:59–68. Russian.

Статья поступила в редколлегию 03.10.2024.
Received by editorial board 03.10.2024.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

С. В. КОСТЮКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Институт социологии НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Выделены ключевые факторы интеллектуализации современного общества, основными среди которых являются научно-технический прогресс и развитие инновационной экономики. Показано, что процесс интеллектуализации может происходить в двух направлениях: путем сокращения доли простого умственного труда и путем увеличения доли сложного умственного труда. Даны определения интеллектуала и ученого как лиц, занятых сложным умственным трудом. Отмечено, что процесс интеллектуализации общества связан с расширением доли умственного труда, прежде всего сложного умственного труда. Проведен теоретический анализ его развития в европейской истории. Обоснована научная актуальность изучения разрыва умственного труда и физического труда. Умственный труд, в отличие от физического труда, связан с престижным образованием, высоким статусом, социальной мобильностью, в том числе доступом в элиту, возможностью более высокого заработка и более позитивным восприятием данного типа труда. На основе результатов социологического опроса, проведенного в 2022 г. Институтом социологии НАН Беларуси, проанализировано восприятие умственного труда белорусским населением. Определены эмпирические индикаторы количественного измерения умственного труда. С использованием указанных индикаторов выявлена степень интеллектуализации современного белорусского общества. Отмечено, что в течение XX в. Беларуси удалось провести интеллектуализацию своего общества и достичь общеевропейских показателей по количеству образованных людей. Установлены факторы, влияющие на процесс интеллектуализации белорусского социума. Сделан вывод о том, что Международной организации труда необходимо фиксировать показатели как физического, так и умственного труда. Кроме того, данная организация должна видеть социальную проблему не только в эксплуатации физически работающих людей, но и в разрыве между долей умственного труда и долей физического труда, поскольку данная ситуация может создавать напряжение в обществе.

Ключевые слова: интеллектуализация общества; умственный труд; разрыв умственного труда и физического труда; эмпирические индикаторы количественного измерения умственного труда; факторы интеллектуализации общества.

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE INTELLECTUALISATION OF BELARUSIAN SOCIETY

S. V. KOSTYUKEVICH^a

^aInstitute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

Abstract. The key factors of intellectualisation of modern society are highlighted, the main among which are scientific and technological progress and the development of an innovative economy. It is shown that the process of intellectualisation can occur in two directions: by reducing the share of simple mental labour and by increasing the share of complex mental labour. Definitions of an intellectual and a scientist as persons engaged in complex mental work are given. It is noted that the

Образец цитирования:

Костюкевич СВ. Социологический анализ интеллектуализации белорусского общества. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;4:88–99. EDN: NLYXXR

For citation:

Kostyukevich SV. Sociological analysis of the intellectualisation of Belarusian society. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;4:88–99. Russian. EDN: NLYXXR

Автор:

Светлана Викторовна Костюкевич – кандидат социологических наук; ведущий научный сотрудник отдела социологии социальной сферы.

Author:

Svetlana V. Kostyukevich, PhD (sociology); leading researcher at the department of sociology of the social sphere. svkostus@yahoo.com
<https://orcid.org/0000-0002-0055-0630>

process of intellectualisation of society is associated with the expansion of the share of intellectual labour, primarily complex intellectual labour. A theoretical analysis of its development in European history is carried out. The scientific relevance of studying the gap between mental labour and physical labour is substantiated. Mental work, unlike physical work, is associated with prestigious education, high status, social mobility, access to the elite, the possibility of higher earnings and a more positive attitude to this type of work. Based on the data of a sociological survey conducted in 2022 by the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, the perception of mental labour by the Belarusian population was analysed. Empirical indicators of quantitative measurement of mental labour have been identified. Using these indicators, the degree of intellectualisation of modern Belarusian society has been revealed. It is noted that during the 20th century, Belarus managed to intellectualise its society and achieve pan-European indicators for the number of educated people. The factors influencing the process of intellectualisation of the Belarusian society have been identified. It is concluded that the International Labour Organisation needs to record indicators of both physical and mental work. In addition, this organisation should see a social problem not only in the exploitation of physically working people, but also in the gap between the share of mental labour and the share of physical labour, since this situation can create tension in society.

Keywords: intellectualisation of society; mental labour; the gap between mental labour and physical labour; empirical indicators of quantitative measurement of mental labour; factors of intellectualisation of society.

Введение. Понятие интеллектуализации в социологии

С конца XVIII – начала XIX в. общество характеризуется научно-техническим прогрессом. Со второй половины XIX в. наблюдается развитие инновационной экономики. Научно-технические достижения используются не только для создания вооружений, но и для производства технологий и продуктов в целях получения экономической прибыли¹. В данных условиях стандартами эволюции общества стали, во-первых, увеличение доли населения, занимающегося умственным трудом, во-вторых, развитие образования, науки и хай-тека (сегодня данная сфера представлена информационными технологиями).

Возникновение понятия «интеллектуализация» связано с описанием современного общества, в котором идет гонка за усовершенствование искусственного интеллекта (как в XX в. шла гонка за создание атомной бомбы). В социологической науке феномен интеллектуализации сопряжен с изучением социальных процессов, институтов и фигур, поддерживающих научно-техническое развитие общества. Последнее маркируется сегодня такими понятиями, как «общество знания», «цифровое общество», «инновационная экономика», «техногенная цивилизация» и т. д. Характеристики, фиксирующие высокий уровень технологического развития социума, рассматриваются в качестве гарантов национальной

безопасности государства². В связи с этим актуальность приобретает феномен технологического суверенитета.

Немецкий социолог М. Вебер пишет: «Теперь все делается с помощью технических средств и расчета. Вот это и есть интеллектуализация» [1, с. 714]. Опираясь в своей работе понятиями «рационализация» и «интеллектуализация», автор не указывает на их различие. Однако, исходя из контекста исследования М. Вебера, можно предположить, что рационализацию он связывает с «расколдовыванием» (секуляризацией) мира, а интеллектуализацию – с технологическим прогрессом и капиталистической экономикой (данные характеристики отличают современный социум от средневекового общества). Учитывая данное предположение, логично описывать процесс интеллектуализации общества, опираясь не только на показатели развития образования и увеличения доли работников умственного труда, но и на показатели развития науки и информационных технологий.

Таким образом, интеллектуализация – это увеличение доли умственного труда, прежде всего доли сложного умственного труда³. Описать процесс интеллектуализации общества позволит анализ функционирования таких социальных институтов, как

¹ СССР, в отличие от западных стран, прежде всего США, не рассматривал экономическое развитие и материальное богатство как факторы лидерства. Соответственно, в советской экономике не было предпринимателей, заинтересованных в коммерциализации научно-технического творчества в целях получения прибыли. В итоге в Советском Союзе не сформировался тренд на коммерциализацию инновационных продуктов, который был описан в концепции инновационной экономики, предложенной известным австрийско-американским экономистом Й. Шумпетером. Сегодня проблема коммерциализации научно-технических изобретений все еще остается актуальной для постсоветских стран, которые стремятся к развитию инновационной экономики.

² В данном контексте следует отметить важность разработанного в Республике Беларусь проекта «Наука и технологии: 2018–2040», ориентированного на интеллектуализацию белорусского общества.

³ Данное определение является актуальным в рамках социологии. Другие научные дисциплины используют понятие «интеллектуализация» в ином контексте. Например, в психологии оно применяется для описания механизма психологической защиты, когда человек стремится снизить зависимость собственного поведения от эмоций и с этой целью рассуждает о них на понятийном уровне. В лингвистике интеллектуализация означает способ трансформации оригинального текста, когда переводчик вносит уточняющие дополнения в материал, чтобы сделать переработанный вариант более точным.

образование, наука, а также сфера высоких технологий. При этом большое значение имеет доля лиц, занятых умственным трудом. Среди них следует выделить такие социальные фигуры, как интеллектуал и ученый⁴. В европейской традиции не разделяют умственный труд человека, получившего образование в университете, и интеллектуальный труд. Так, человека, получившего образование в университете и занимающегося умственным трудом, принято считать интеллектуалом. Некоторое затруднение вызывает лишь тот факт, что образованный человек не демонстрирует способность к абстрактному мышлению и не прибегает к научным абстракциям и логическому обоснованию. Однако в русской (и в советской) традиции человека, получившего образование в университете, принято называть не интеллектуалом, а интеллигентом.

В советское время, как пишет Е. С. Самойлова, «возникновение интеллигенции основоположники научного коммунизма связывали с разделением общественного труда на умственный и физический... интеллигенция не является самостоятельным классом, а представляет собой особый социальный слой общества, профессионально занятый преимуще-

ственно умственным трудом и имеющий специальную подготовку» [2, с. 60]. Советский интеллигент, как и западный интеллектуал, являлся работником умственного труда, имеющим специальную подготовку. Несмотря на то что чаще всего советских и российских интеллигентов и западных интеллектуалов склонны отождествлять, некоторые специалисты указывают на существенное различие между представителями этих категорий [3].

Процесс интеллектуализации современного общества может происходить в двух направлениях: путем передачи простых умственных операций машинам, т. е. алгоритмизации простого умственного труда, а также путем увеличения доли сложного умственного труда, требующего наличия исследовательских навыков и творческого подхода (машины не способны к творчеству). Сегодня востребованы работники с высоким уровнем образования – интеллектуалы и ученые.

Интеллектуала характеризуют развитый интеллект (развитое мышление) и фундаментальная научная подготовка. Интеллектуал – это тот, кто получил образование в университете и занимается умственным трудом.

Умственный труд: фундаментальная ценность

Фундаментальная ценность умственного труда обусловлена двумя факторами. Во-первых, умственный труд является сложным видом деятельности, во-вторых, он обеспечивает развитие общества. В данном контексте уместно привести цитату известного историка В. О. Ключевского: «Умственный труд и нравственный подвиг всегда останутся лучшими строителями общества и самыми мощными двигателями человеческого развития» (цит. по [4, с. 342]).

Также сошлемся на мнение одного из авторов белорусского проекта «ИТ-страна», директора компании «Белхард» И. В. Мамоненко: «...в Европе в ближайшее десятилетие ожидается нехватка аййтишников (до 3 млн), и мы способны их дать. Почему она сама не закрывает кадровую дыру, когда там много безработных? Пробовала – не получается. Умственный труд самый тяжелый, и не каждый дальнобойщик сможет перестроить свое мышление. Плюс безработных устраивает пособие, на которое они живут. Да и разница в зарплатах между ИТ-специалистами и не ИТ там незначительная. Поэтому мотивации напрягаться у людей нет» [5].

И. В. Мамоненко уверен, что Беларусь обладает потенциалом для подготовки такого большого количества специалистов в сфере информационных технологий. В качестве благоприятствующих факторов он отмечает высокую долю образованных людей,

большое количество педагогов (около 220 тыс. человек), способных подготовить кадры для цифровой экономики [5].

По мнению И. В. Мамоненко, умственный труд является самым тяжелым. Необходимыми условиями для занятия умственным трудом выступают грамотность и образованность. Таким образом, умственный труд тесно связан со школьным образованием.

В основе развития гомо сапиенс лежал физический труд. Российский антрополог С. В. Дробышевский пишет: «Древние люди стали делать орудия труда более 2,6 млн лет назад. Из-за этого стала меняться форма рук: пошел отбор на трудовую кисть» [6]. Далее он объясняет, что развитие мозга, речи и мышления тесно связано с движением рук: «Область коры головного мозга отвечает за двигательную активность пальцев рук. Она находится рядом с речевым центром. <...> Развитие мелкой моторики стимулирует развитие всех мозговых структур»⁵ [6].

Длительное время мозг человека и его мышление развивались посредством совместной работы руки и головы, т. е. физический и умственный труд были тесно связаны. Но в истории Древней Греции случилось экстраординарное событие: произошел разрыв умственного и физического труда. Это положило начало процессу, в ходе которого основой развития человека стал считаться умственный труд.

⁴Ученые – это тоже интеллектуалы, но их следует рассматривать обособленно от последних, поскольку наука в современном мире представляет собой отдельную институцию и отдельную сферу профессиональной деятельности.

⁵Неудивительно, что размахивание руками иногда помогает человеку лучше выразить свою мысль.

Разрыв умственного и физического труда ознаменовал появление в древнегреческом обществе такой социальной фигуры, как интеллектуал, и, соответственно, формирование интеллектуальной культуры как сферы его деятельности. Развитие в Древней Греции интеллектуальной политики (частью которой была демократия), теоретической науки (геометрия), философии, светского искусства (театр и музыка) и литературы значительно расширило мир человеческой культуры.

В результате указанного разрыва умственный труд и сферы его приложения (политика, философия, теоретическая наука, искусство и литература) стали отдельной сферой жизни человека и общества. Умственный труд обрел высокое социальное значение. В Древней Греции (а затем и в Древнем Риме) он стал атрибутом образа жизни социальной элиты.

Главной ценностью в греко-римском мире был умственный труд, но не в качестве работы на другого человека за вознаграждение или бесплатно (если эту работу выполнял раб), а в качестве свободного творчества. Таким умственным трудом занималась социальная элита, поэтому во многом именно благодаря ей сформировался культ личного творчества свободного гражданина. Данный культ стал фундаментом греческой (а затем и римской) культуры, а впоследствии возродился в Европе в эпоху Ренессанса.

Разрыв умственного и физического труда обусловил появление светского школьного образования. Школа стала самостоятельным социальным институтом. Создание школы в Древней Греции свидетельствовало о том, что занятие умственным трудом требует серьезной подготовки. В древнегреческом обществе данную подготовку обеспечивали интеллектуальное образование и гражданское воспитание. Именно их получение давало социальной элите возможность осуществлять политическое и идеологическое управление городами-полисами. Древние греки сформулировали классические ценности образования, согласно которым образование воспитывает и развивает человека (в том числе интеллектуально).

Система школьного образования, созданная в Древней Греции для обслуживания образа жизни социальной элиты, а именно для ее подготовки к выполнению властных функций, обусловила восприятие феномена интеллектуала последующими поколениями. Известный норвежский математик и социолог Й. Галтунг отмечает, что интеллектуалу свойственны воля к власти, поиск истины и абстрактное мышление [7]. Подобное сочетание характеристик обусловлено тем, что фигура интеллектуала появилась в рамках аристократической культуры Древней Греции. Древнегреческий аристократ активно занимался политикой, наукой и войной. Школьное образование готовит человека к занятию умственным трудом, что, в свою очередь,

способствует процессу интеллектуализации общества.

Таким образом, умственный труд – это, во-первых, труд человека, который работает скорее головой, чем руками, во-вторых, это труд человека, имеющего университетское образование, обладающего развитым интеллектом и выполняющего сложную работу. Последняя подразумевает принятие сложных исследовательских решений и проявление творчества.

Как уже отмечалось, проблема конституирования умственного труда уходит корнями в древность и связана с разрывом умственного и физического труда. Древнегреческие аристократы занимались интеллектуальным трудом и творчеством и тем самым дистанцировали себя от народных масс. Они позиционировали себя как культурный, образованный слой, и в их среде сформировалось пренебрежительное отношение к физическому труду (наиболее отчетливо данная точка зрения сформулирована великим философом Платоном, который являлся аристократом по рождению).

Важно отметить, что социальная элита формировала свою идентичность через противопоставление себя людям физического труда. Данное противопоставление, выраженное в форме высокомерия и презрения со стороны интеллектуалов, было и остается уязвимым местом элиты.

Образование, необходимое для занятия интеллектуальным трудом и творчеством, стало привилегией социальной элиты. В отличие от народных масс представители элиты не были вынуждены зарабатывать на пропитание, поэтому располагали большим количеством свободного времени, которое могли потратить на обучение. Впоследствии, уже в Средние века, университетское образование стало своеобразным социальным лифтом. Представители социальных низов, обретая доступ к классическому университетскому образованию, получали возможность попасть в элитные группы общества.

Лишь в середине XX в., когда был запущен тренд на массовизацию высшего образования и профессионализацию классических университетов, университетское образование утратило статус привилегии верхушки общества и стало демократическим правом личности. Умственным трудом могли заниматься представители всех социальных слоев. Но поскольку народ по-прежнему был озабочен прежде всего пропитанием, то естественно, что умственный труд начали связывать с заработком, а образование и знание стали рассматривать главным образом как товар и капитал, способные приносить доход. Это не могло не ограничить ценностное поле категорий «умственный труд» и «образование». Между тем для социальной элиты образование не было капиталом или товаром – оно было атрибутом ее образа жизни и частью ее воспитания.

Пренебрежение к физическому труду в аристократической среде обусловило такое же отношение к занятию ремеслом. Одержавшая победу христианская идеология, которая сменила либеральную идеологию древнегреческих аристократов, боролась с презрительным восприятием ручного труда и даже способствовала тому, чтобы к ремесленнику стали относиться с уважением. Но, несмотря на старания христианской церкви, европейские аристократы унаследовали манеры своих античных предшественников: ручной труд, как и любой оплачиваемый труд, они считали презренным занятием.

Лишь с наступлением буржуазных порядков в Европе вопрос о разрыве умственного и физического труда потерял свою остроту. Научно-технический прогресс и промышленная революция в европейских странах обеспечили доступ широких масс населения к получению образования⁶.

В Советском Союзе коммунистическая идеология, центральной фигурой которой был пролетариат, декларировала лозунг о ликвидации разрыва умственного и физического труда. Один из советских авторов пишет: «Народное образование должно способствовать формированию всесторонне развитых членов общества, решению одной из главнейших социальных проблем – устранению существенных различий между умственным и физическим трудом» [2, с. 27]. Однако решение данной проблемы было довольно формальным: работникам физического труда открыли доступ к образованию, включая высшее.

Особенностью развития советского общества являлся «...рост образования работников, занятых преимущественно физическим трудом. В 1939 г. на 1000 работников, занятых физическим трудом, только 44 человека имели высшее и среднее (полное и неполное) образование, а в 1977 г. – 700 человек. Уровень образования этой группы трудящихся вырос в 15 раз. Причем темпы роста образования данной категории работников в расчете на 1000 человек значительно выше, чем у работников умственного труда» [2, с. 51–52].

После распада СССР проблема разрыва умственного и физического труда утратила свою социальную актуальность в условиях формирования новой идеологии. Однако научную актуальность данный вопрос не потерял.

В странах, которые стремятся к научно-техническому развитию, работники умственного труда становятся все более востребованными. В то же время в экономиках этих государств доля физического труда, хотя он уже в значительной степени стал механизированным, все еще высока.

Сегодня при наличии в экономике умственного и физического труда актуальными социальными проблемами остаются равный доступ к качественному образованию и соблюдение принципа справедливости в материальном вознаграждении труда. При этом не теряют остроты вопросы об отношении к физическому и умственному труду, ценности образования и науки в общественном сознании, социальной мобильности⁷, которую обеспечивает образование (прежде всего высшее), и т. д.

Сохранение научной актуальности вопроса о разрыве умственного и физического труда обусловлено тем, что умственный труд, в отличие от физического труда, связан с престижным образованием, социальной мобильностью (включая доступ в элиту), высоким статусом, возможностью высокого заработка и более позитивным отношением к данному типу труда. Разрыв умственного и физического труда может создавать напряжение в обществе и обострять социальное неравенство. Возможно, для работников физического труда несправедливым является тот факт, что социальная элита всегда представлена образованными людьми. Между тем среди народных масс всегда есть харизматичные лидеры (в терминологии М. Вебера), претендующие на власть.

Тот факт, что социальная элита по-прежнему формирует свою идентичность через противопоставление себя работникам физического труда, таит опасность. Так, американец российского происхождения А. Зубатов пишет о том, что высокомерие интеллектуалов по отношению к работникам физического труда до сих пор может приводить к противостоянию в обществе. Причем такая ситуация является более опасной, чем, например, неравномерное распределение материальных благ, поскольку народ больше не голодает (он сыт, обут, одет и даже может путешествовать) и хочет, чтобы на него не смотрели свысока и уважали его физический труд [9]. Столкновение не богатых и бедных, а интеллектуально образованных и малообразованных становится разделительной линией в политике. За этим столкновением стоят непонимание друг друга и неумение гармонично сосуществовать.

По мнению А. Зубатова, «...почти во всех сферах жизни одна и та же разделительная линия проводится на песке, а затем укрепляется башнями из слоновой кости, отделяя тех, у кого есть образование, опыт и репутация, от тех, у кого, казалось бы, их нет... Трамп провозгласил, что он любит малообразованных. Это была большая пощечина всем тем интересам истеблишмента, приверженным этой разделительной линии, посильнее, чем любая риторика Берни Сандерса о классе миллиардеров. <...> Я бы

⁶Процесс повышения грамотности народа был запущен с началом протестантского движения в XVI в., т. е. примерно за два столетия до научно-технического прогресса и промышленной революции.

⁷Известный американский социолог Н. Смелзер отмечает: «...считается, что получение образования – главный способ обеспечить восходящую социальную мобильность» [8, с. 436]. Ученый также указывает на то, что «превосходство в промышленном развитии тесно связано с более высоким уровнем образования» [8, с. 436].

добавил, что отчасти проблема заключается в том, что мы потеряли уважение к честному ручному труду. Мы думаем о творческой работе как о ряде абстрактных умственных операций, выполняемых в офисе, желательно с помощью компьютеров, а не как о производстве еды, жилья и других предметов первой необходимости» [9, с. 5].

Кстати, мировая литература свидетельствует о том, что подлинные интеллектуалы, представляющие социальную элиту, не демонстрируют ин-

теллектуальную спесь. Наоборот, своим моральным и интеллектуальным превосходством они вызывают у народа уважение. Но таких интеллектуалов не большинство, поэтому университетское образование и интеллектуальный труд все еще остаются фактором раздражения для работников физического труда, что нередко обусловлено недостойным поведением элиты. В свое время социальная элита сделала умственный труд ценностью, и сегодня она может уничтожить эту ценность.

Умственный труд в восприятии белорусов

В ноябре 2022 г. сотрудники Института социологии НАН Беларуси провели опрос, в ходе которого было исследовано восприятие умственного труда

белорусами. Объем выборочной совокупности составил 1848 человек. Установки респондентов в отношении умственного труда представлены в табл. 1.

Таблица 1

Согласие респондентов с утверждениями,
касающимися умственного труда, %

Table 1

Respondents' agreement with statements
regarding mental work, %

Утверждение	Доля респондентов, согласившихся с утверждением, %
Умственный труд заставляет человека интеллектуально развиваться	79,9
Умственный труд является таким же тяжелым, как и физический труд	75,7
Умственный труд необходим для успешного развития общества	70,4
Умственный труд занимает все большую долю в экономиках развитых обществ	67,3
Умственный труд требует от человека отношения к труду как к творчеству и исследованию	65,4
Умственный труд дает человеку возможность иметь высокий социальный статус и обеспечивает ему престиж в обществе	64,6
Умственный труд делает человека более самостоятельным, помогая принимать правильные решения в личной и общественной жизни	64,2
Умственный труд дает возможность иметь высокооплачиваемую работу	59,3

Данные табл. 1 свидетельствуют о том, что большинство опрошенных солидарны с мнением упомянутого бизнесмена И. В. Мамоненко о том, что умственный труд – это сложный труд. Позицию известного историка В. О. Ключевского, согласно которой умственный труд является двигателем общественного развития, также разделяет преобладающее число респондентов. Есть основание полагать, что в белорусском социуме

связь между умственным трудом, социальным статусом, престижем и высокооплачиваемой работой не столь тесная, как, например, в американском обществе. Однако показатель в 64,6 % (табл. 1) все-таки достаточно высокий, чтобы утверждать вслед за известным социологом Н. Смелзером, что «получение образования – главный способ обеспечить восходящую социальную мобильность» [8, с. 436].

Эмпирические индикаторы измерения понятия «умственный труд»

Ключевым понятием в исследовании процесса интеллектуализации современного общества выступает «умственный труд». Можно выделить три уровня сложности умственного труда в зависимости от образования работника:

1) простой умственный труд, предполагающий наличие профессионально-технического, среднего специального и высшего образования (является противоположностью физическому труду, человек работает больше головой, чем руками);

2) сложный умственный труд, предполагающий наличие высшего или как минимум среднего специального образования (человек обладает развитым интеллектом и прошел специальную подготовку);

3) наиболее сложный умственный труд, предполагающий наличие высшего и послеуниверситетского образования (человек имеет наивысший уровень образования, что значительно повышает его способность продуцировать новые идеи и создавать новые технологии).

Международная организация труда⁸ (МОТ) не обязывает национальные статистические комитеты регистрировать долю умственного труда в обществе. Например, в ежегоднике Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2023 г. говорится только о регистрации численности работников физического труда, при этом фиксируется только доля особо тяжелого физического (немеханизированного) труда. Так, регистрируется «численность работников, занятых тяжелым физическим трудом, – численность работников, физическая нагрузка которых за смену превышает предельно допустимые нагрузки при подъеме, перемещении тяжестей вручную»⁹.

Особое внимание физическому труду уделено по той причине, что в прошлом веке работники именно физического труда выступали потенциальными зачинщиками бунтов. Революции в России и других европейских странах послужили поводом для создания МОТ. Организация была создана в 1919 г. на основании положений Версальского мира. МОТ была призвана содействовать установлению и поддержанию мира между разными слоями общества и способствовать разрешению возникающих социальных конфликтов мирным путем.

В 1919 г., в год создания МОТ, на территории современной Беларуси функционировали только четыре вуза:

1) Горы-горецкий земледельческий институт (сегодня – Белорусская государственная сельскохозяйственная академия);

2) Витебский педагогический институт (Витебский государственный университет имени П. М. Машерова);

3) Могилёвский педагогический институт (Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова);

4) Минский педагогический институт (Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка).

Сразу три педагогических института были открыты накануне революции 1917 г. по той причине,

что нужно было в короткие сроки ликвидировать неграмотность населения (на тот момент примерно четверть населения Беларуси были грамотными).

Создание белорусской системы высшего образования пришлось в основном на советский период. Об этом свидетельствуют следующие цифры: с 1840 по 1917 г. были открыты 4 вуза, с 1917 по 1990 г. – 29 вузов, с 1991 по 2023 г. – 18 вузов (10 государственных и 8 частных).

В XXI в. ситуация кардинально изменилась. Сегодня в Беларуси функционируют 170 учреждений профессионально-технического образования (60,5 тыс. учащихся), 221 учреждение среднего специального образования (108,9 тыс. учащихся), 50 учреждений высшего образования (228,0 тыс. студентов), 120 организаций, реализующих обучение в аспирантуре и адъюнктуре (4,414 тыс. обучающихся), 74 организации, реализующих обучение в докторантуре (703 обучающихся)¹⁰.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в течение XX в. и в начале XXI в. на территории современной Беларуси была сформирована институциональная основа для развития умственного труда и, соответственно, для интеллектуализации белорусского общества [10; 11].

Некоторое представление о доли работников умственного труда в современном белорусском обществе можно получить, исходя из данных таблицы «Занятое население по занятиям на основной работе», представленной в ежегоднике Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2023 г.¹¹ Сегодня в нашей стране доля руководителей составляет 8,3 %, доля специалистов-профессионалов – 22,7 %, доля специалистов – 10,0 %, доля квалифицированных работников сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства – 2,8 %, доля квалифицированных рабочих промышленности, строительства и рабочих подобных занятий – 16,0 %. Принимая во внимание, что умственный труд отличается от физического тем, что работник в большей степени работает головой, чем руками (физический труд в его деятельности представлен в меньшей степени), суммируем указанные позиции таблицы. Полученное значение – 59,8 % – можно рассматривать как долю работников умственного труда в белорусском обществе.

Если принимать в расчет не только уровень образования, но и применение исследовательских и творческих навыков в работе, имеются все основания причислять к работникам умственного труда также квалифицированных рабочих (осуществляющих, например, наладку сложных станков с программным

⁸Международная организация труда – специализированное учреждение ООН, занимающееся вопросами регулирования трудовых отношений.

⁹Статистический ежегодник. 2023. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2023. С. 53.

¹⁰Там же. С. 70–72.

¹¹Там же. С. 60.

управлением), поскольку они работают больше головой, чем руками.

В советской науке значительное внимание уделялось умственному труду и его соотношению с физическим трудом. Общеизвестно, что «к интеллигенции относят людей, профессионально занятых умственным трудом, работа которых требует специального образования» [2, с. 79]. Речь идет прежде всего об ученых, инженерах, педагогах, врачах. Их численность резко выросла в период СССР, причем самый большой прирост работников (более чем в три раза) наблюдался среди инженеров и техников [2, с. 80].

Е. С. Самойлова пишет: «В нашей стране количество ученых удваивается каждые 10 лет. В 1974 г. в СССР насчитывалось 1 млн 169,7 тыс. научных работников, что составляет $\frac{1}{4}$ часть всех научных работников мира» [2, с. 82]. Автор описывает также характеристики физического и умственного труда. Центр по изучению проблем народонаселения экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова использовал данные характеристики для составления социально-демографического портрета абитуриентов и студентов столичных вузов [2, с. 104–105].

Степень интеллектуализации белорусского общества

Проведем анализ интеллектуализации белорусского общества с использованием указанных эмпирических индикаторов умственного труда.

Простой умственный труд, предполагающий наличие профессионально-технического, среднего специального и высшего образования. Примером может выступать труд высококвалифицированных рабочих, а также работу специалистов в производственной и непроизводственной сферах.

В их деятельности физический труд представлен незначительно. Социальное положение респондентов в зависимости от уровня образования представлено в табл. 2. Данные показывают, что в белорусском обществе доля специалистов производственной сферы и доля специалистов непроизводственной сферы являются значительными. При этом среди специалистов обеих сфер преобладают лица, имеющие высшее образование.

Таблица 2

Социальное положение респондентов
в зависимости от уровня образования, %

Table 2

Social status of respondents,
depending on the level of education, %

Социальное положение респондентов	Образование				Всего
	Базовое	Общее среднее	Профессионально-техническое, среднее специальное	Высшее	
Руководитель высшего звена (директор, председатель и т. д.)	–	–	1,2	4,1	2,0
Руководитель среднего звена (начальник цеха, отдела и т. д.)	–	0,5	2,4	12,4	5,5
Руководитель низшего звена (мастер, бригадир и т. д.)	–	3,8	6,1	5,0	5,3
Предприниматель, фермер, самозанятый	4,5	5,2	5,2	5,9	5,4
Служащий, специалист производственной сферы (инженер, технолог и т. д.)	–	3,8	6,7	15,1	9,0
Служащий, специалист непроизводственной сферы (учитель, врач и т. д.)	4,5	4,8	15,2	39,6	21,8
Служащий, не имеющий специального образования (секретарь, регистратор и т. д.)	9,1	5,2	7,7	2,5	5,5
Рабочий в сфере промышленности, транспорта, строительства и т. д.	27,3	56,7	42,8	9,8	33,4
Крестьянин, работник сельского хозяйства	45,5	11,0	2,6	0,2	3,9
Военнослужащий, сотрудник правоохранительных органов	–	0,5	1,9	2,1	1,7
Другое	–	6,2	5,1	2,5	4,3
Нет ответа	9,1	2,4	3,2	0,9	2,4

Большинство специалистов имеют высшее образование, однако среди них есть и те, у кого базовое или среднее общее образование, что, видимо, не мешало им сделать карьеру специалиста и работать больше головой, чем руками.

К доле специалистов производственной и непроизводственной сфер нужно добавить долю руководителей высшего, среднего и низшего звена. Следует отметить, что высшее образование есть у 21,5 % руководителей. Объединив позиции специалистов и руководителей, мы получим значение 43,6 %. Можно рассматривать его как долю работников умственного труда в белорусском обществе. Высшее образование среди них имеют 76,2 % лиц.

К работникам умственного труда также могут быть причислены рабочие, имеющие высшее образование (9,8 %), но неизвестно, какую работу они выполняют и имеют ли они высшую квалификацию. Поэтому не стоит включать высококвалифицированных рабочих в долю работников умственного труда. Как не стоит включать и тех, кто занимается индивидуальной трудовой деятельностью, а также военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов (среди них и других есть лица, труд которых является умственным).

Будем считать, что долю работников умственного труда представляют только руководители высшего, среднего и низшего звена и специалисты производственной и непроизводственной сфер. Их доля составляет 43,6 %. Однако если допустить, что все лица с высшим образованием занимаются умственным трудом, можно добавить к значению 43,6 % долю тех, кто имеет высшее образование и представлен в группах «предприниматель, фермер, самозанятый», «рабочий в сфере промышленности, транспорта, строительства и т. д.», «крестьянин, работник сельского хозяйства», «военнослужащий, сотрудник правоохранительных органов». В результате

мы получим значение 61,6 % (43,6 % + 5,9 % + 9,8 % + 0,2 % + 2,1 %).

С учетом указанного допущения предположим, что доля работников умственного труда в белорусском обществе может достигать до 61,6 %. Данная цифра, кстати, сопоставима со значением 59,8 %, полученным в результате анализа таблицы «Занятое население по занятиям на основной работе», которая представлена в ежегоднике Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2023 г.¹² Напомним, в данной таблице учитывалась доля квалифицированных работников сельского и лесного хозяйства, рыболовства и рыболовства, а также квалифицированных рабочих промышленности, строительства и рабочих подобных занятий¹³.

Сложный умственный труд, предполагающий наличие высшего или как минимум среднего специального образования. Примером могут выступать специалисты, работающие в сфере образования и сфере информационных технологий (в этих сферах, с учетом их доли в экономике, наибольший процент лиц с высшим образованием). Среди работников умственного труда доля лиц с высшим образованием составляет 76,2 %. В современном мире для обозначения умственного труда важно не столько отделение его от физического труда, сколько указание на наличие высшего образования. Однако подчеркнем, что речь идет о современном обществе. В древних обществах умственный труд маркировался прежде всего его отделением от физического труда.

Распределение респондентов по сферам деятельности в зависимости от уровня их образования представлено в табл. 3. Отметим, что самая высокая доля тех, кто имеет высшее образование, зафиксирована в сфере образования (23,3 %). В сфере информационных технологий также высокая доля лиц с высшим образованием в сравнении с другими сферами, сопоставимыми с ней по числу опрошенных.

Таблица 3

Сфера профессиональной деятельности респондентов
в зависимости от уровня образования, %

Table 3

The field of professional activity of the respondents,
depending on the level of education, %

Сфера профессиональной деятельности респондентов	Образование				Всего
	Базовое	Среднее общее	Профессионально-техническое, среднее специальное	Высшее	
Промышленность	13,6	20,0	21,0	13,3	18,0
Образование	4,5	9,5	8,9	23,3	13,9
Торговля	18,2	13,3	14,2	8,7	12,2
Строительство	4,5	16,7	13,3	8,7	12,1

¹²Статистический ежегодник... С. 60.

¹³Там же.

Окончание табл. 3
Ending of the table 3

Сфера профессиональной деятельности респондентов	Образование				Всего
	Базовое	Среднее общее	Профессионально-техническое, среднее специальное	Высшее	
Медицина	–	4,8	8,7	8,0	7,6
Бытовое обслуживание и общественное питание	9,1	7,1	9,9	4,3	7,5
Сельское хозяйство	45,5	13,8	4,8	2,1	6,1
Культура, досуг	–	2,9	2,6	3,7	2,9
Информационные технологии	–	0,5	1,0	6,2	2,7
Милиция, армия, другие силовые структуры	–	1,4	2,0	3,2	2,3
Туризм и спорт	–	1,9	0,5	2,3	1,4
Финансово-банковская сфера	–	–	1,0	2,7	1,4
Государственное управление	–	–	0,2	3,0	1,1
Наука	–	–	0,5	1,1	0,6
Средства массовой информации	–	–	0,3	0,5	0,3

При установлении доли работников умственного труда мы рассматриваем такие позиции, как руководители высшего, среднего и низшего звена и специалисты производственной и непроизводственной сфер (43,6 %). При выяснении доли сложного умственного труда мы учитываем количество лиц, работающих в образовательной сфере (13,9 %) и в сфере информационных технологий (2,7 %).

Наиболее сложный умственный труд, предполагающий наличие высшего и послеуниверситетского образования. Примером может выступать труд ученого. Данный эмпирический индикатор выступает фактором лидерства и развития науки, что указывает на интеллектуализацию белорусского общества. Разумеется, предлагать новые идеи и технологии может не только ученый, но и человек с любым уровнем образования. В данном случае инициатива является собственным желанием человека. Ученый же занимается разработкой новых технологий и продуктов в силу своих профессиональных обязанностей.

Труд ученого – самый сложный вид умственного труда. Подготовка ученого требует длительного времени. Он должен пройти обучение в аспирантуре и докторантуре. Доля населения, занимающегося таким трудом, свидетельствует о довольно высоком уровне интеллектуализации общества. В Беларуси доля занятых в сфере науки составляет 0,6 % (среди

них есть и вспомогательный персонал, следовательно, реальная цифра еще ниже), при этом количество исследователей составляет 16 426 человек¹⁴.

Судя по результатам опроса, наука не является привлекательной сферой профессиональной деятельности в белорусском обществе. Данный вывод подтверждают и ответы на вопрос анкеты: «Какую профессию, специальность Вы бы хотели, чтобы получили Ваши дети, внуки?» Только 4 человека (0,2 %) выбрали вариант ответа «научный сотрудник». Для сравнения: 154 человека (8,3 %) назвали профессию врача, 112 (6,1 %) – профессию специалиста в сфере информационных технологий. Но так было не всегда. Например, в 1969 г. ценность профессии ученого была довольно высокой. В ходе исследования социально-психологических установок выпускников средних школ в Ленинграде и Ленинградской области выяснилось, что среди предложенных для оценки привлекательности 80 профессий самые высокие баллы получили профессии интеллигентного труда: научный работник в области физики, медицины, математики и биологии, радиотехник, инженер-радиотехник, летчик, инженер-геолог, инженер-химик. Самые низкие оценки получили профессии токаря, фрезеровщика, продавца, сельскохозяйственного работника, а также работника коммунального предприятия [2, с. 113–114].

Заключение

Таким образом, в Беларуси доля работников умственного труда зафиксирована на уровне 43,6 %. При этом доля населения, работающего в сфере образования, составляет 13,9 %, доля населения,

работающего в сфере информационных технологий, – 2,7 %, доля населения, работающего в сфере науки, – 0,6 %. Данные показатели не являются низкими для страны, в которой социальные институты

¹⁴Статистический ежегодник... С. 308.

образования и науки созданы не очень давно. Так, первый технический вуз (Белорусский национальный технический университет) учрежден в 1920 г., первый классический университет (Белорусский государственный университет) открыт в 1921 г., Национальная академия наук Беларуси основана в 1929 г.

Процесс интеллектуализации белорусского общества имеет противоречия. Скорость, с которой страна с преимущественно неграмотным населением провела интеллектуализацию своего общества, может вызвать противоположный эффект, так как ценность образования и науки не успевает укорениться в общественном сознании.

Негативным фактором процесса интеллектуализации стало и то, что постсоветские политические элиты не ориентировались на научно-технический прогресс, который выступал стратегической задачей советской власти. Так, советские коммунисты стремились ликвидировать неграмотность населения, сделать приоритетом научное и техническое образование, для чего даже были открыты элитные технические вузы. Именно научно-технический прогресс стал триггером, запустившим процесс интеллектуализации общества в СССР, включая БССР. Сегодня социум не испытывает потребности в таком количестве образованных людей, что может запустить обратный процесс.

В постсоветский период сфера образования в Беларуси развивалась в условиях снижения влияния науки. Интеллектуализация белорусского общества проходила не под флагом научно-технического прогресса, а под флагом глобальных трендов, запущенных в середине XX в., а именно массовизации сектора высшего образования и профессионализации университетского образования.

Сегодня уровень интеллектуализации белорусского общества повышается в количественном измерении, но ослабевает в качественном измерении. Доля работников, занимающихся сложным умственным трудом, сокращается. Число специалистов с определенными компетенциями увеличивается, а число интеллектуалов уменьшается. Такая тенденция характерна не только для Беларуси, но и для других стран, избравших сервисный подход к образованию.

Важно отметить, что МОТ необходимо фиксировать показатели как физического, так и умственного труда. Кроме того, она должна видеть социальную проблему не только в эксплуатации физически работающих людей, но и в разрыве между долей умственного труда и долей физического труда, поскольку данная ситуация может создавать напряжение в обществе и использоваться в политической борьбе властных элит.

Библиографические ссылки

1. Вебер М. *Избранные произведения*. Давыдова ЮН, составитель. Москва: Прогресс; 1990. 804 с.
2. Самойлова ЕС. *Население и образование*. Москва: Статистика; 1978. 143 с.
3. Бердяев НА. *Истоки и смысл русского коммунизма*. Москва: Наука; 1990. 224 с.
4. Федотов ГП. *Судьба и грехи России. Том 1*. Санкт-Петербург: София; 1991. 352 с.
5. Мамоненко И. Нам не нужно, чтобы агрогородки опустели. *Белхард* [Интернет]. 2021 [процитировано 10 октября 2023 г.]. Доступно по: <https://www.belhard.com/ru/2021/02/19/%D0%BD%D0%B0%D0%BC-%D0%BD%D0%B5-%D0%BD%D1%83%D0%B6%D0%BD%D0%BE-%D1%87%D1%82%D0%BE%D0%B1%D1%8B-%D0%B0%D0%B3%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BA%D0%B8-%D0%BE%D0%BF%D1%83%D1%81%D1%82/>.
6. Дробышевский С. *О том, как технологии XXI века превращают нас в «ждунов»*. [Интернет]. 2021 [процитировано 28 февраля 2023 г.]. Видео: 21:10 мин. Доступно по: https://www.youtube.com/watch?v=nWg_wwRbhBs.
7. Галтунг Й. О роли интеллектуалов – упражнения в самокритике. *Высшее образование в Европе*. 1976;1(6):25–30.
8. Смелзер Н. *Социология*. Москва: Феникс; 1994. 688 с.
9. Zubatov A. В чем ошибается высшее образование. *Вестник высшей школы*. 2022;11:4–9.
10. Леонидова ГВ. Интеллектуальный потенциал населения: теоретико-методологические основы исследования. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2014;1(31):52–71.
11. Гуревич ПС, Буева ЛП, Луков ВА. *Проблема интеллектуализации нации*. [Интернет]. 2010 [процитировано 5 сентября 2024 г.]. Доступно по: https://iphras.ru/uplfile/histan/kruglye_stoly_pdf/problema_intellektualizatsii_natsii_2010_N%4.pdf.

References

1. Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Davydova YuN, compiler. Moscow: Progress; 1990. 804 p. Russian.
2. Samoilova ES. *Naselenie i obrazovanie* [Population and education]. Moscow: Statistika; 1978. 143 p. Russian.
3. Berdyaev NA. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow: Nauka; 1990. 224 p. Russian.
4. Fedotov GP. *Sud'ba i grekhi Rossii. Tom 1* [The fate and sins of Russia. Volume 1]. Saint Petersburg: Sofia; 1991. 352 p. Russian.
5. Mamonenko I. [We don't need the agro-towns to be empty]. *Belhard* [Internet]. 2021 [cited 2023 October 10]. Available from: <https://www.belhard.com/ru/2021/02/19/%D0%BD%D0%B0%D0%BC-%D0%BD%D0%B5-%D0%BD%D1%83%D0%B6%D0%BD%D0%BE-%D1%87%D1%82%D0%BE%D0%B1%D1%8B-%D0%B0%D0%B3%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BA%D0%B8-%D0%BE%D0%BF%D1%83%D1%81%D1%82/>. Russian.

6. Drobyshevskii S. [How 21st century technologies are turning us into «waiters». [Internet]. 2021 [cited 2023 February 28]. Video: 21:10 min. Available from: https://www.youtube.com/watch?v=nWg_wwRbhBs. Russian.
7. Galtung J. [On the role of intellectuals – exercises in self-criticism]. *Vysshee obrazovanie v Evrope*. 1976;1(6):25–30. Russian.
8. Smelser N. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow: Feniks; 1994. 688 p. Russian.
9. Zubatov A. Where higher education went wrong. *Vestnik vysshei shkoly*. 2022;11:4–9. Russian.
10. Leonidova GV. Intellectual potential of population: theoretical and methodological framework for research. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2014;1(31):52–71. Russian.
11. Gurevich PS, Bueva LP, Lukov VA. *Problema intellektualizatsii natsii* [The problem of intellectualisation of the nation] [Internet]. 2010 [cited 2024 September 5]. Available from: https://iphras.ru/uplfile/histan/kruglye_stoly_pdf/problema_intellektualizatsii_natsii_2010_N4.pdf. Russian.

Статья поступила в редколлегию 06.09.2024.
Received by editorial board 06.09.2024.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 316.344

АНАЛИЗ РЕПРОДУКТИВНОГО ЗДОРОВЬЯ КАЗАХСТАНСКИХ ЖЕНЩИН В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА: РИСКИ И МЕТОДЫ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

А. А. БАКЫТЖАНОВА^{1), 2)}, Г. Т. АЛИМБЕКОВА²⁾

¹⁾Казахский национальный университет им. Аль-Фараби,
пр. Аль-Фараби, 71, 050040, г. Алма-Ата, Казахстан

²⁾Центр изучения общественного мнения,
ул. Жибек Жолы, 54, 050002, г. Алма-Ата, Казахстан

Аннотация. Анализируется влияние социально-экономических факторов на репродуктивное поведение женщин в Казахстане. Выясняется зависимость репродуктивных установок женщин от финансовой стабильности, культурных и гендерных стереотипов, а также от возможностей доступа к медицинским услугам. В ходе исследования используются методы опроса и количественного анализа. Результаты проведенной работы показывают, что социально-экономический статус женщины оказывает значительное влияние на ее репродуктивные установки. Женщины с высоким уровнем дохода имеют лучший доступ к медицинским услугам и менее подвержены влиянию стереотипов, чем женщины с более низким уровнем дохода. Подчеркивается важность социокультурных аспектов в программах поддержки репродуктивного здоровья. Исследование имеет значительную научную и практическую ценность, поскольку его результаты могут быть использованы для разработки программ, направленных на повышение доступности услуг

Образец цитирования:

Бакытжанова АА, Алимбекова ГТ. Анализ репродуктивного здоровья казахстанских женщин в контексте социально-экономического неравенства: риски и методы его преодоления. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2024;4:100–109 (на англ.). EDN: AEMFVN

For citation:

Bakytzhanova AA, Alimbekova GT. Analysis of reproductive health of Kazakhstani women in the context of socio-economic inequality: risks and methods of overcoming it. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2024;4:100–109. EDN: AEMFVN

Авторы:

Айнур Айбынқызы Бакытжанова – кандидат социологических наук; докторант отделения социологии и социальной работы¹⁾; менеджер по проектам²⁾.

Гульжан Токтамысовна Алимбекова – кандидат социологических наук; директор.

Authors:

Ainur A. Bakytzhanova, PhD (sociology); doctoral student at the department of sociology and social work^a and project manager^b.

ainurb1997@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-9926-916X>

Gulzhan T. Alimbekova, PhD (sociology); director.

g.alimbekova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-6796-108X>

в сфере репродуктивного здоровья в Казахстане (адаптация соответствующих медицинских программ и создание образовательных инициатив, нацеленных на поддержку молодых женщин и экономически уязвимых групп населения).

Ключевые слова: репродуктивное поведение; социально-экономическое неравенство; Алма-Ата; гендерные стереотипы; финансовая стабильность; социокультурные факторы; социология медицины.

ANALYSIS OF REPRODUCTIVE HEALTH OF KAZAKHSTANI WOMEN IN THE CONTEXT OF SOCIO-ECONOMIC INEQUALITY: RISKS AND METHODS OF OVERCOMING IT

A. A. BAKYTZHANOVA^{a, b}, G. T. ALIMBEKOVA^b

^aAl-Farabi Kazakh National University, 71 Al-Farabi Avenue, Almaty 050040, Kazakhstan

^bPublic Opinion Research Center, 54 Zhibek Zholy Street, Almaty 050002, Kazakhstan

Corresponding author: A. A. Bakytzhanova (ainurb1997@gmail.com)

Abstract. The influence of socio-economic factors on the reproductive behaviour of women in Kazakhstan is analysed. The dependence of women's reproductive attitudes on financial stability, cultural and gender stereotypes, as well as on access to medical services is revealed. The study uses survey and quantitative analysis methods. The results of the work show that a woman's socio-economic status has a significant impact on her reproductive decisions. Women with high incomes have higher level of access to health services and are less influenced by stereotypes than women with lower incomes. The conclusion about the significant impact of socio-economic inequality on the reproductive behaviour of Kazakhstani women is substantiated. The importance of sociocultural aspect in reproductive health support programmes is emphasised. The study has significant scientific and practical value, since its results can be used to develop programmes aimed at increasing the availability of reproductive health services in Kazakhstan (adaptation of relevant medical programmes and development of educational initiatives aimed at supporting young women and economically vulnerable groups of the population).

Keywords: reproductive behaviour; socio-economic inequality; Almaty; gender stereotypes; financial stability; socio-cultural factors; sociology of medicine.

Introduction

The Sustainable Development Goals aim to reduce socio-economic inequalities in access to reproductive health services, as well as differences in access to these services, both within and between countries¹. In particular, the Sustainable Development Goals (goals 5 and 3) emphasise the need to ensure universal access to sexual and reproductive health and rights².

In Kazakhstan, especially in large cities such as Almaty and Astana, Shymkent, socio-economic inequality has a noticeable impact on access to reproductive services and the quality of medical care. The uneven distribution of resources in healthcare is manifested in limited access to qualified medical care for women with lower income levels. This is especially true in urban areas, where the cost of medical services is often higher than in rural areas. However, in large cities, access to information for qualified medical care is also more common.

The importance of this problem is supported by research data demonstrating that the socio-economic situation of the population is related to the level of use of reproductive health services. Women from more

affluent segments of the population in megacities such as Almaty have significantly greater access to private clinics and modern family planning methods. At the same time, residents of the Almaty region (using the example of residents of Talgar district), and women from less well off segments of the population face difficulties in obtaining necessary medical services, including prenatal care and qualified assistance during childbirth.

Currently, Kazakhstan is implementing national programmes and initiatives aimed at improving access to reproductive services. International organisations also provide support by providing financial and material resources for the development of healthcare [1]. However, in order to reduce inequality more successfully, an in-depth analysis of the socio-economic factors affecting the availability of medical care is required. Research shows that the effectiveness of inequality reduction programmes depends on their adaptation to the specific conditions of Kazakhstan. For example, the abolition or reduction of fees for certain types of medical services could help increase coverage for vulnerable groups [2].

¹Health in 2015: from MDGs, millennium development goals to SDGs, sustainable development goals // World Health Organisation : site. URL: https://www.who.int/docs/default-source/gho-documents/health-in-2015-mdgs-to-sdgs/health-in-2015-from-mdgs-to-sdgs.pdf?sfvrsn=8ba61059_2 (date of access: 04.08.2019).

²Transforming our world: the 2030 agenda for sustainable development // United Nations : site. URL: <https://sdgs.un.org/2030agenda> (date of access: 04.08.2019).

Such measures would also reduce the financial burden on low-income households by increasing access to health care and strengthening women's reproductive health.

However, significant differences in access and quality of services remain. Evidence suggests that improving reproductive health requires additional attention to the issue of equity in the distribution of services. Successful programmers aimed at reducing inequality should be based on evidence highlighting the impact of socio-economic factors on access to health care. The reproductive health and behaviour of women in Kazakhstan and other Central Asian countries are shaped by complex factors affecting socio-economic, sociocultural, ethnic and religious characteristics. In large cities such as Almaty, social inequality, cultural differences and economic instability pose unique challenges to ensuring equal access to health services, especially for women from vulnerable segments of society. Religious views, traditions and customs, mentality, and various taboo actions influence the perception of reproductive health, family planning decisions, and attitudes toward medical intervention, forming differences in reproductive behaviour among different population groups. This highlights the importance of a comprehensive approach to the study of reproductive behaviour among different population groups. This highlights the importance of an integrated approach to the study of reproductive

health, which takes into account the entire system of factors influencing women's choice and access to medical services.

The study of reproductive health and behaviour through the prism of these factors is of paramount importance, since it is this approach that allows us to identify barriers and needs of women. But we researchers focus on the study of reproductive health in the context of socio-economic inequality – one of the most relevant topics of modern sociology and the sociology of medicine, and medicine itself. Effective allocation of resources and equitable provision of women's access to reproductive health services are key tasks on which the health of not only individual women, but also the whole society depends. These studies can help not only improve the quality of women's lives, but also ensure the sustainable development of the region, because access to medical services is a fundamental part of the stability and security of society as a whole, and a stable and good state of a woman's reproductive health will be the basis for good health in general, as this also affects the life of our society.

This article aims to explore the relationship between socio-economic inequality and access to reproductive health services in Kazakhstan (using the example of the city of Almaty) in order to develop more effective and equitable strategies for the provision of medical care.

Literary review

The analysis of women's reproductive health in Kazakhstan is of great socio-economic importance for the accessibility and quality of medical care. The problems in this area are multifaceted and relate not only to medical aspect, but also to the social sphere, where the economic situation and cultural attitudes limit women's ability to effectively plan and control reproductive behaviour. Kazakhstan, despite the relative youth of the population and the high level of fertile age, is faced with women with demographic changes, among whom there is a tendency to delay childbearing. This phenomenon increases the risks of age-related infertility, which is especially important in conditions where knowledge about age-related changes in fertility and, possibly, assisted reproductive technologies remains limited.

The social situation causes these problems by limiting access to high-quality medical services for low-income women, as a result of which they have suffered or been affected by atmospheric phenomena. In addition, young people face barriers in obtaining sufficient information about reproductive health, which leads to unwanted pregnancies and sexually transmitted diseases. The lack of well thought out programmes aimed at reducing proportions exacerbates the imbalance, since more targeted, socially oriented measures can reduce the risks associated with data transmission.

Consideration of various aspects of the reproductive health of Kazakhstani women in all economic and social

barriers makes it possible to identify key challenges and propose solutions aimed at improving the quality of life and reducing the level of risk. Research conducted in this area indicates the need for comprehensive reforms in the health care system and the development of educational programmes for women, especially among socially vulnerable segments of the population.

Thus, the purpose of this literature review is a comprehensive analysis of the risks to the reproductive health of women in Kazakhstan in the context of socio-economic development, as well as a description of methods aimed at overcoming existing obstacles.

A literary review on the topic of analysing the reproductive health of Kazakhstani women in the context of socio-economic inequality is associated with many other problems and factors. But these challenges are directly related to the consequences of socio-economic factors and other factors that contribute to access to climatic conditions and can determine reproductive behaviour. In this article, we are doing a literary review on our topic from different aspects, but each time we will justify and show their effects with socio-economic aspects, and how this aspect affects women's reproductive health and behaviour.

Socio-economic aspect and their impact on reproductive health. One of the main problems is the decrease in the birth rate, which is associated with the postponement of the first pregnancy to a later age.

This postponement of fertility leads to the risk of age-related infertility, which is confirmed by statistics: in Kazakhstan, the average age of first childbirth increases from 23 years in 1990 to 28.5 years in 2017, which progresses with the level of Eastern European countries and differs markedly from other countries. Thus, an increase in the number of first births causes a risk of an increase in the frequency of infertility, which is especially problematic in conditions of conducting a sufficient number of studies in this area.

Another important social problem affecting demographic dynamics is a decrease in the birth rate associated with changes in reproductive preferences and increasing social expectations. In Kazakhstan, as in other Central Asian countries, against the background of economic and cultural transformations, there is a tendency to postpone the first birth to a later age. If in 1990 the average age of first births was 23 years, by 2017 it had grown to 28.5 years, which is already approaching the indicators of Eastern European countries and creates new risks [3].

This trend, dubbed delayed fertility, is accompanied by serious consequences. With age, natural fertility decreases, which increases the likelihood of age-related infertility and related problems. In addition, delayed pregnancy increases the burden on health systems, requiring more active monitoring of the health of women of older reproductive age, which also requires additional research and adaptation of medical approaches to this demographic group.

Against the background of this demographic shift, the issue of women's awareness of the factors affecting fertility, as well as the availability and quality of reproductive health services, is also acute. Given the diversity of ethnic groups in Kazakhstan and their cultural differences, educational programmes aimed at improving health literacy should take into account cultural characteristics and linguistic accessibility. For example, programmes to inform about the risks of late motherhood and infertility prevention could be distributed in several languages to reach different ethnic groups while maintaining respect for their cultural traditions.

These measures will not only prevent the growth of age-related infertility, but also strengthen cultural and social stability, ensuring that information is accessible to all segments of the population. Thus, the interaction between demographic changes and linguistic peculiarities in Kazakhstan requires an integrated approach to maintain the health and well-being of society.

These demographic shifts can be explained by the spread of contraceptives, which currently provide greater control over the reproductive cycle, as well as an increase in education and career education, which leads to later entry into motherhood [4]. However, the pro-

blem lies in women's low awareness of the impact on fertility, as well as in overestimated expectations of the effectiveness of assisted reproductive technologies such as in vitro fertilisation, the success of which decreases significantly with the age of the mother [5].

Problems of development and the impact of socio-economic impact. The socio-economic impact affects the reproductive health of the population. Young people in Kazakhstan need specialised support, since this particular group of the population is more likely to face a lack of information, the risk of HIV infection, unwanted pregnancy and restrictions during childbirth. However, some health programmes ignore socio-economic problems affecting the availability of medical services. For example, research shows that reproductive health programmes such as educational initiatives and beneficial services do not distinguish between outcomes with different income levels and specific status³.

The existence of such a disparity limits the access of young people from low-income families to quality services and information. Uneven distribution of resources leads to the fact that young people, moving to a lower social status, cannot receive qualified assistance, which ultimately negatively affects their reproductive health and general well-being⁴. In this case, it is necessary to carefully implement geosensitive and socially oriented programmes aimed at removing barriers for different segments of society.

Antenatal care and social reforms. Problems in the field of antenatal care are key issues in improving the reproductive health of Kazakhstani women. In Kazakhstan, 99.2 % of women turn to antenatal care specialists once, but the quality of services provided often does not meet the requirements of the International Agency for Antenatal Care. The introduction of international approaches in Kazakhstan, such as the «Safe motherhood project» in Zhezkazgan ensures a reduction in the number of hospitalisations and an improvement in the quality of medical care. However, significant social conditions still lead to access to quality services, especially among low-income women and patients with drastic changes [6].

It is important to note that after the start of the reform of antenatal care in Kazakhstan, mortality rates should decrease significantly; however, a number of studies show that the introduction of new methods takes into account the cultural and historical characteristics of the country. In addition, additional research is needed to be aimed at satisfaction with the quality of care received and at eliminating consequences for women in order to support further changes in this area [7].

The reproductive health of women in Kazakhstan requires an integrated approach that will take into account all aspects of a socio-economic nature. There is an obvious need for a more in-depth analysis of the

³The world's youth 2000 / Popul. Ref. Bureau. Washington : PRB, 2000. 24 p.

⁴Reaching young people worldwide: reproductive health communication activities to date, 1985–1995 // USAID : site. URL: https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/pnabz446.pdf (date of access: 15.10.2024).

birth rate, strengthening educational work on reproductive health and improving the quality of antenatal services.

The results of the study «Growing inequalities and reproductive health in transitional countries: Kazakhstan and Belarus» by N. Danilovich show that market-oriented reforms in Kazakhstan have led to a decrease in the availability of medical services for vulnerable groups of the population, especially for low-income women [8]. In Kazakhstan, where the healthcare system has undergone reforms with an emphasis on market mechanisms, medical services have become less accessible to economically disadvantaged women. Unlike in Belarus, where health care has a more centralised approach with a focus on accessibility for all, women face difficulties with restrictions due to income and education level. The results of this study show that market reforms aimed at improving efficiency and reducing budget expenditures can have negative consequences for access to basic economic services if there is no support for vulnerable groups of the population. This calls into question the universality and fairness of the health care system, which, when reformed becomes more costly and focused on a solvent society, which creates obstacles for low-income groups to access services including reproductive care.

Research by N. Danilovich also revealed the impact of education levels on access to reproductive care, especially in Kazakhstan, where women with low levels of education are more likely to receive medical services. This factor is not so significant in Belarus, where the socialist model of healthcare remains focused on the majority of the population and provides access to services regardless of the reasons. This observation suggests that systems that are not profit-oriented and do not determine the ability of patients to pay ensure more

equitable and equal access to healthcare. This opens up new opportunities to explore how market reforms and a focus on commercial efficiency can lead to social belonging and reinforce stigmas, especially in terms of rights with women's groups and reproductive rights.

In this case, a link has been established between household income and self-assessment of health, which confirms that the socio-economic factor directly affects women's perception of their health. In Belarus, such a relationship has not been found, which supports a centralised healthcare system with a lower degree of commercialisation, which provides a higher level of satisfaction and better enjoyment in the field of healthcare, regardless of the factor. These data raise the question of the need for reforms in Kazakhstan aimed at expanding the availability of services and removing obstacles for women with low income and education that arise from systemic difficulties in obtaining medical care. It also shows the importance of the role of the state in ensuring equal access to indicators of services and resources, and that not all market mechanisms can be effective and fair in the field of healthcare.

Thus, N. Danilovich's research provides a deeper understanding of how differences in health policy and approaches to reform affect reproductive health and access to basic services for women in Kazakhstan and Belarus. This study requires the need for a comprehensive analysis and further study of systemic factors affecting reproductive health in a socio-economic state. The comparison of Kazakhstan and Belarus in this quarter provides useful conclusions for countries with economies in transition considering the possibilities of market reforms in healthcare: the important consequences they can have for vulnerable groups, and focus not only on economic efficiency, but also on social efficiency.

Empirical relevance of the study

In recent years, Kazakhstan has seen an increase in indicators related to general and current health care costs. In 2018, total healthcare costs amounted to 1885.4 bln tenge which is 1.0 % higher than the level of the year (1759 bln tenge). However, despite the positive dynamics, this indicator is only 3.0 % of GDP, which is significantly lower than the level of the countries of the Organisation of Economic Cooperation and Development, where the average health expenditure is 8.8 % of GDP. According to the World Health Organisation, in order to ensure the quality of healthcare, the healthcare system needs to provide at least 6.0–8.0 % of GDP in the countries of the world and about 5.0 % of GDP in the world [9]. Thus, there is a shortage of scarce financing in Kazakhstan, which entails significant «pocket» expenses for the maintenance of the population and a small financial burden on the household, which especially strongly affects the reproductive health of women who are in conditions of socio-economic factors.

Current healthcare expenditures, not including capital expenditures, also increased growth: they reached 1765 bln tenge compared to 1656.1 bln tenge in 2017, which amounted to 2.9 % of GDP. Despite this, direct household payments accounted for the norm of the share of these expenses (33.0 %, or 585.05 bln tenge), which indicates a constant increase in the financial burden on the country. In dynamics, this indicator has almost doubled since 2013. Due to this, «pocket» payments force women, especially from low-income groups, to restrict access to expanded services, including reproductive health services, which is a significant provision that increases risks to their health [9].

One of the key factors influencing the growth of healthcare costs is the high cost of purchasing medicines. Thus, since 2010, household spending on medicines has more than tripled, from 108.7 to 353.7 bln tenge in 2018. The main reasons for this growth were inflation and the devaluation of the national currency.

In addition, the high cost of medicines and medical services at the outpatient and inpatient levels, which has increased by 6 and 2.6 times, forces the population to use their own funds, which leads to the risk of further cost increases.

The socio-economic phenomenon affects the availability of medical services. The high level of «pocket» expenses (accounting for 38.5 % of all current health-care expenses) creates additional obstacles to obtaining the necessary medical care. The main part of cur-

rent expenses is related to the purchase of medicines and medical devices (60.7 % in 2018) [9], which limits the limitation of financing and the lack of inclusion of a number of basic drugs in the list of guaranteed volume of necessary medical care. This is especially important for reproductive health, as many women, especially from vulnerable groups, cannot afford regular checkups, consultations and medication, which can lead to deterioration of their health and increase the risk of developing diseases during pregnancy and childbirth.

Research methodology

The present study was aimed at studying the social socio-economic factors of reproductive health and behaviour of women of reproductive age in the city of Almaty. It combines theoretical analysis and empirical research, which reveals important aspects that were not taken into account in previous studies. The research questions are designed to determine how socio-economic status affects access to favourable services and reproductive solutions for women.

Method. The main method used was a quantitative sociological study conducted using a stratified random sample based on the principle of profitability. The sample included 320 women from eight districts of Almaty, which makes it possible to analyse differences in reproductive behaviour and the level of access to preferential services among women with different socio-economic status. This approach makes it possible to assess the

representativeness of elections and identify significant dependencies between income level and reproductive health characteristics.

Research tools. A structured survey was used to collect data, which was conducted with the involvement of trainee sociologists from the Public Opinion Research Center. The questionnaire questions cover topics such as the availability and use of reproductive health services, family planning practices, marital status, number of children, and aspects of life.

The main hypotheses are presented as follows:

- the socio-economic situation has an impact on women's reproductive health, determining their access to favorable conditions and reproductive decisions;
- women from low-income households have more limited opportunities for family planning, which apparently depends on their reproductive strategies.

The results of the study

To expand coverage of the socio-economic and geographical composition of the city's population 320 women from eight districts of Almaty took part in the research.

Age. The majority of respondents are young women aged 18 to 25 years (58.4 %), which is due to the active reproductive phase. Women aged 26–35 years make up 15.0 %, those aged 36–45 years – 21.9 %, and participants over 45 years old make up only 2.8 %.

Marital status and having children. Among the participants, 29.4 % are married, 1.3 % are divorced, and 69.4 % are single. The majority of respondents (69.4 %) do not have children, 9.7 % have one child, 6.3 % have two children, 12.2 % have three children, and 2.5 % have four or more children.

Education and employment. Most of the participants have higher education without a degree (47.8 %) or an academic degree (28.7 %). According to the type of employment, the respondents were distributed as follows: 15.9 % are currently working, 26.0 % are in budget organisations, 8.1 % are employees, and 1.9 % are private entrepreneurs. Also, 28.7 % of students graduated which suggests the influence of the level of education and type of activity on reproductive behaviour.

Financial situation. Household income is increasing significantly, which affects access to modern con-

ditions and family planning opportunities. An analysis of the financial situation of households showed that 53.4 % of women believe that they have enough income for everything except large purchases such as a car or an apartment. However, 36.9 % noted that there are only enough funds for food and clothing, while durable goods are difficult for them. The most difficult situation is for 1.6 % of respondents, for whom even buying food is a financial difficulty. Another 1.6 % chose not to go to this question. These data show that in most households in Kazakhstan there are no reserve funds for medical or unforeseen expenses that can take into account the risks to women's health.

According to the goals and objectives of this study, we researchers identified the factors influencing the reproductive decision of Kazakh women (using the example of residents of Almaty), and we asked about various aspects that affect their attitudes and choices. The data obtained allow us to evaluate the effectiveness of various economic, cultural, sociocultural and social factors in our decisions regarding reproductive health. The analysis of responses helps to identify the main areas that require attention and provides information on the consequences of socio-economic impacts, accessibility of medical services, cultural services and, consequently, beliefs in scientific research in the field of reproductive health (fig. 1).

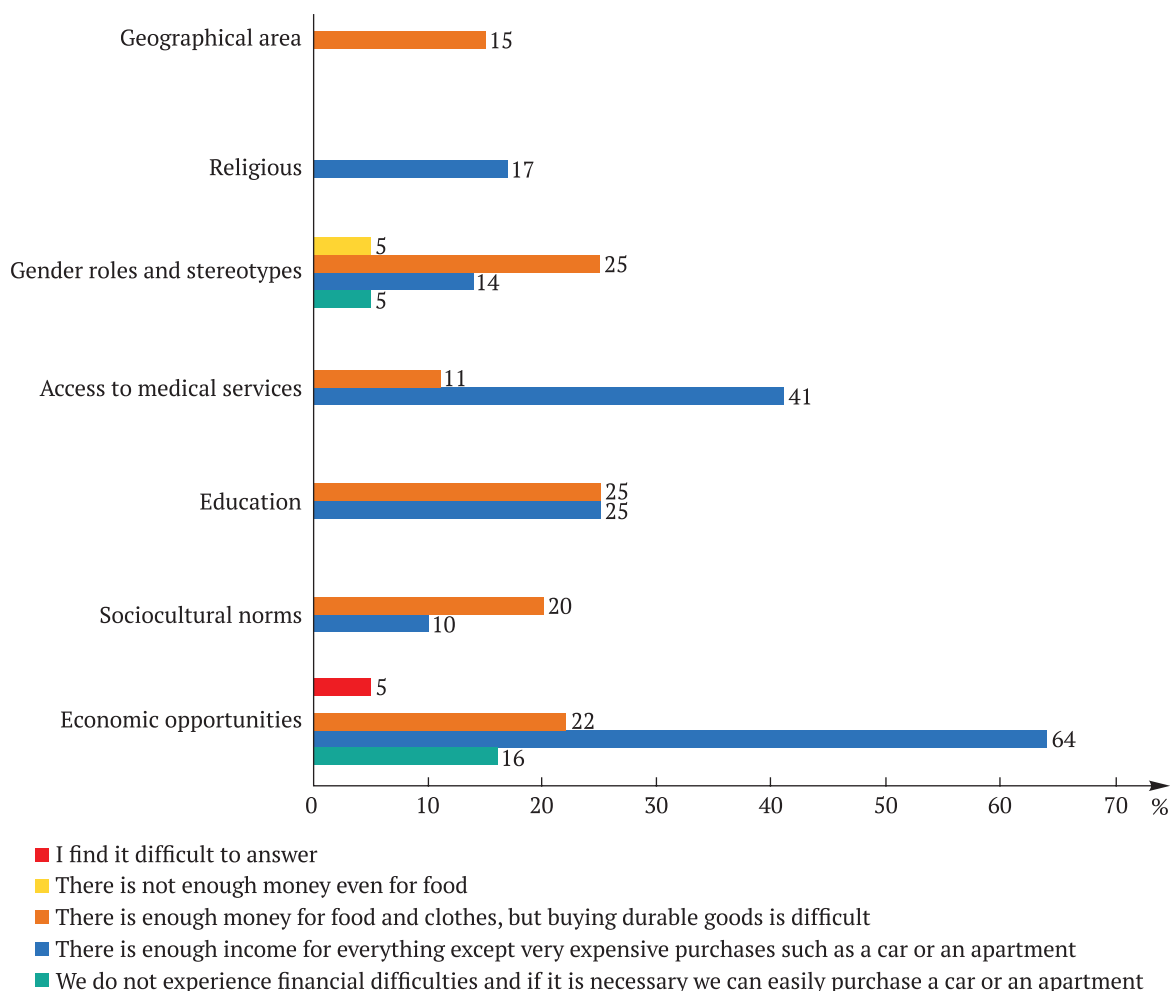

Fig. 1. Factors influencing the reproductive decisions of women in households (analysis of the relationship with the question of assessing the financial situation of Almaty women), $n = 320$

According to the results of our study of women assessing their financial condition as «We do not experience financial difficulties and if it is necessary we can easily buy a car or an apartment», the most important factor that affects women's reproductive decision was said to be gender roles and stereotypes most of all. Gender videos and stereotypes can contribute to solving the reproductive problems of women, even those who assess their financial situation as stable. In cultural and family contexts, women may find it difficult to overcome expectations – for example, to consider motherhood and family life their priority, despite career ambitions or personal plans. For some women, such stereotypes can become the main source of education during childbirth, just as expectations from family, society or a partner can dominate personal preferences. Thus, financially secure women can even make reproductive plans dependent on social and family norms, which plays the role of genetic stereotypes as an innovative influencing factor.

The participants of the study chose various factors as important factors for a reproductive decision such as sociocultural norms, education, access to medical services, religious factors and even the geographical loca-

tion of the place of residence affects the reproductive decision of women. According to the results that we see in fig. 1, economic factors also play an important role in reproductive decisions. The study showed that among women who receive income, 64 respondents, in fact, consider factors as a significant aspect. This suggests that even with financial stability, women may be afraid of the additional costs associated with children such as education and health care. While 22 women from the group where there is only enough money for food and clothing, given the decisions related to the fact that financial conditions affect reproductive function, respondents who are in a difficult financial condition are less willing to associate their financial condition with reproductive ones. This may indicate that in conditions of a limited budget, women may simply not consider the possibility of childbirth as relevant.

Other factors mentioned by participants such as sociocultural norms access to developed services, education, and developed beliefs, also influence women's reproductive decisions. For example, education and access to health services can enhance family planning opportunities and provide women with more informed

solutions. Geographical location can also determine the availability of high-quality medical care and support, which, in turn, affects the solution of the problem of childbirth. The relationship between material conditions and factors of existence indicates that financial resources can provide access to the formation and provision of conditions, create a vicious circle. Thus, women with good financial security have not only certain conditions, but also difficulties with expectations and norms that may limit their choice in the field of reproductive health.

Turning to the discussion of the results obtained on the question «Do financial aspects influence your decision to have children?», it is worth noting that this question directly links the socio-economic situation of respondents with their reproductive decisions. Financial stability or instability can significantly affect women's readiness for motherhood, determining both short-term and long-term family plans. The results show that many respondents recognise lower maternal conditions when making childbearing decisions, which provides a link between causes and reproductive health choices. The analysis provides a better understanding of how financial factors can shape women's attitudes towards motherhood and what conditions they consider as determining for starting a family.

The survey results presented in fig. 2 allow us to identify patterns in reproductive decisions of women from various socio-economic strata. They clearly demonstrate that financial situation has a significant impact on family planning decisions. In particular, women who do not experience financial difficulties and have the opportunity to purchase expensive goods such as a car or an apartment in most cases (16 out of 21) recognise the impact of their financial situation on their reproductive plans. These data emphasise that financial stability allows this group of women to feel confident in the future, which has a positive effect on their readiness for childbirth.

Women in the category where income is sufficient for everything except large purchases such as a car or apartment are also more likely to feel financial pressure on reproductive decisions (63 out of 171). In this case, it is important to note that, despite the relative stability, the lack of the possibility of large purchases can symbolise for many women limited prospects, which indirectly affects the perception of reproductive decisions. This group of women may be characterised by a sense of budget balance, where childbirth is perceived as a serious and partly financially risky responsibility.

The largest number of women who noted financial difficulties as a significant factor were among those who have enough money for basic needs such as food and clothing, but it is difficult to purchase durable goods. In this category, 67 women confirmed the impact of their financial situation on their reproductive decisions, which indicates significant concerns about the additional costs that childbirth will entail. This indicates a deep socio-economic difference, when financial instability creates additional stress and restrictions, making it more difficult to make a decision about childbirth.

Women experiencing serious financial difficulties and unable to provide for basic needs unanimously replied that their financial situation does not affect their decisions about having children. This phenomenon can be explained by the prevailing social and cultural norms in Kazakhstan, where traditional values and religious beliefs play a significant role. In conditions of limited access to material resources and income instability, some segments of the population may maintain the attitude of accepting having many children as an important part of identity. In such cases, the material side is considered as a temporary obstacle, and having children is considered as a natural and valuable continuation of life, regardless of financial condition.

The peculiarities of the perception of financial factors indicate important differences in reproductive attitudes among women in Kazakhstan. This analysis allows

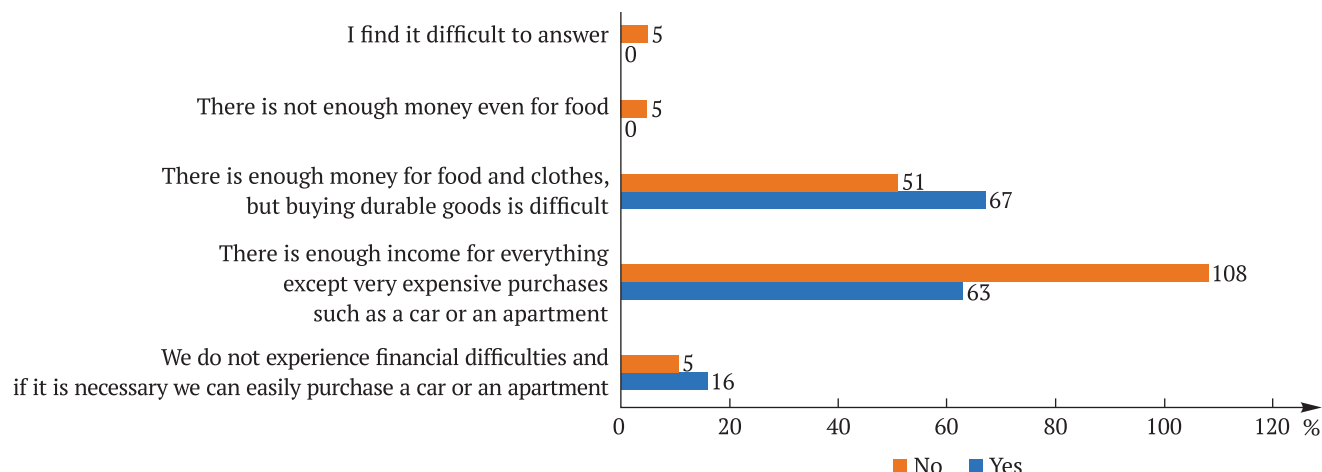

Fig. 2. Analysis of the relationship between the material well-being of the household and the respondents' opinion on their assessment of the impact of financial aspects on their decision to have children, $n = 320$

us to identify several aspects characterising the impact of socio-economic inequality on reproductive health and elections. Firstly, among the more affluent strata, there is a link between income stability and willingness to have children. This is due to access to the best conditions of education and medicine, which contributes to a confident perception of the future. Secondly, middle-income women are most affected by financial constraints, which indicates the need for government support and social security programmes aimed at supporting young families and creating affordable housing conditions.

Sociocultural and religious aspects also play a role in the perception of financial difficulties and childbirth. Traditional values in Kazakhstan, especially among Kazakhstani families, often emphasise the importance of family

and children, which in some cases can lead to a choice in favour of children, despite financial difficulties. Such views contribute to the formation of stable family traditions, which often influence individual decisions.

To overcome the risks associated with socio-economic inequality, it is advisable to develop programmes that will help improve conditions for women's reproductive health. These can be comprehensive measures, including support for young families through affordable housing programmes, preferential medical care for mothers and children, educational programmes on family planning, as well as parenting consultations. It is important that such initiatives be culturally sensitive and take into account regional peculiarities, mentality and traditions of Kazakhstanis.

Conclusions

The analysis of socio-economic factors influencing reproductive behaviour in Kazakhstan reveals for women a deep and multi-layered relationship between material well-being and opportunities for access to economic conditions. The results of the study show that financial stability expands access to reproductive services, making their quality and efficiency more accessible, while women with lower incomes face restrictions in this aspect. Such differences call for clarification of adapted measures aimed at ensuring equity in the field of health care, especially in cities with pronounced economic stratification such as Almaty.

The results of the study show that, in addition to economic factors, women's reproductive behaviour is influenced by sociocultural norms, gender stereotypes and mentality. For example, even among low-income women, social demands and family traditions may be more important than their personal preferences. This confirms the need for an integrated approach to the

study of reproductive health, which takes into account the cultural and social characteristics of different population groups.

In Kazakhstan, where demographic changes and their transformation entail changes in family values and expectations, it becomes especially necessary to increase the availability of educational programmes and medical support, especially for vulnerable groups. This will help not only improve reproductive health, but also strengthen the resilience of society as a whole. Thus, to achieve success in the field of reproductive health, it is necessary to attract both national and international resources based on an evidence-based approach and targeted support for all segments of the population.

An integrated approach, including socio-economic, cultural and educational measures, will contribute to ensuring reproductive health and improving the quality of life of women in Kazakhstan, which, in turn, will create conditions for the development of society.

Discussion

This study examines the impact of socio-economic factors on the reproductive health of women in Kazakhstan, especially in conditions of significant income inequality and access to medical services. The results highlight the relationship between income, social support and access to quality reproductive health services. The discussion of these results provides a deeper understanding of exactly which socio-economic barriers affect women's health and reproductive behaviour, as well as identify areas that can improve the situation in this area.

Compliance with existing research. Our results are consistent with studies conducted by World Health Organisation and the United Nations, which argue that inequality in access to reproductive services remains an urgent problem, especially in countries with economies in transition. In Kazakhstan, the socio-economic situation significantly affects access to quality medical ser-

vices, which is confirmed by statistics on the frequency of use of private clinics by high-income women. These results echo N. Danilovich's research showing that market reforms in Kazakhstan have limited access to health services for economically vulnerable groups [8]. Thus, the data obtained confirm the need to develop more inclusive programmes aimed at ensuring equitable access to health care for all population groups.

Unexpected results and their explanation. An unexpected result of the study was that women experiencing acute financial deficits are less likely to indicate financial difficulties as a factor influencing their reproductive decisions. This may indicate that in conditions of extremely low-income, childbearing is not considered as a possible option, since the availability of basic resources is limited. At the same time, women with more stable incomes perceive the potential costs of children such as education and medical care, as significant obs-

tacles. This highlights that the perception of financial risks varies depending on the economic situation, which requires a deeper understanding of financial preferences and attitudes of different social groups.

Practical significance. The results of our study highlight the need to adapt medical programmes to ensure access to reproductive services for women with different income levels. In particular, the abolition or reduction of fees for certain types of medical services can improve access to reproductive healthcare and reduce the financial burden on low-income households. Programmes such as educational initiatives for young women and specialised health services for vulnerable groups can also play an important role. In the context of urbanisation and economic instability in Kazakhstan, such measures can help to equalise socio-economic differences in access to reproductive health services.

Limitations of the study. Our study is limited to analysing data only for Kazakhstan, which makes it difficult to generalise the results to other Central Asian countries, where socio-economic conditions and access to medical services may differ significantly. In addition,

we have studied only quantitative aspects, without taking into account the deep cultural and religious attitudes that can influence the perception and behaviour of women in the reproductive sphere. In the future, such aspects could be investigated using qualitative methods such as interviews and focus groups to complement quantitative analysis.

Recommendations and prospects for further research. Based on the data obtained, it is possible to recommend the development of educational programmes that increase women's awareness of their rights and opportunities in the field of reproductive health, as well as the introduction of a system of subsidising medical services for economically vulnerable segments of the population. In the future, research may focus on comparing Kazakhstan with other Central Asian countries to identify common and specific factors affecting reproductive health. Research on the role of cultural and ethnic characteristics in access to health services can also contribute to a more accurate understanding of the barriers and needs of various groups of women in Kazakhstan and beyond.

References

1. Hsu J, Berman P, Mills A. Reproductive health priorities: evidence from a resource tracking analysis of official development assistance in 2009 and 2010. *The Lancet*. 2013;381(9879):177–282.
2. Ravit M, Audibert M, Ridde V, De Leonzien M, Scantz C, Dumont A. Do free caesarean section policies increase in Benin and Mali? *International Journal for Equity in Health*. 2018;17(1):71. DOI: 10.1186/s12939-018-0789-x.
3. Antonio S, Bapayeva G, Utepova G, Krstic J, Terzic S, Aimagambetova G, et al. Women's knowledge and awareness of the effect of age on fertility in Kazakhstan. *Sexes*. 2020;1:60–71.
4. Bailey MJ. More power to the pill: the impact of contraceptive freedom on women's life cycle labor supply. *The Quarterly Journal of Economics*. 2006;121:289–320. DOI: 10.1093/qje/121.1.289.
5. Leridon H. Can assisted reproduction technology compensate for the natural decline in fertility with age? A model assessment. *Human Reproduction*. 2004;19:1548–1553. DOI: 10.1093/humrep/deh304.
6. Kamiya Y. Women's autonomy and reproductive health care utilisation: empirical evidence from Tajikistan. *Health Policy*. 2011;102:304–313. DOI: 10.1016/j.healthpol.2011.04.001.
7. Dauletyarova M, Semenova Y, Kaylubaeva G, Manabaeva G, Khismetova Z, Akilzhanova Z, et al. Are women of East Kazakhstan satisfied with the quality of maternity care? Implementing the WHO tool to assess the quality of hospital services. *Iranian Journal of Public Health* [Internet]. 2016 [cited 2024 October 15];45:729–738.
8. Danilovich N. Growing inequalities and reproductive health in transitional countries: Kazakhstan and Belarus. *Journal of Public Health Policy* [Internet]. 2010 [cited 2024 October 15];31(1):30–50. DOI: 10.1057/jphp.2009.47.
9. Zagidullina GN, Omirbaeva BS. *Analiz chastnykh raskhodov na zdravookhraneniye v Kazakhstane i predlozheniya po ikh snizheniyu. Analiticheskii obzor dlya formirovaniya politiki* [Analysis of private healthcare costs in Kazakhstan and proposals to reduce them. Analytical review for policy formation]. Nur Sultan: Respublikanskii tsentr razvitiya zdravookhraneniya; 2019. 20 p. Russian.

Received by editorial board 04.11.2024.

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УНИВЕРСИТЕТОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

С. Е. АНДРЕЕВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуются перспективы наращивания инновационного потенциала белорусских университетов. Инновационный потенциал описывается как ключевой фактор развития образования, науки и экономики Республики Беларусь. Отмечается, что в условиях глобализации и ускоренного технологического прогресса важно не только анализировать текущие тренды общественного развития, но и прогнозировать его динамику. Рассматриваются перспективные направления деятельности университетов по наращиванию инновационного потенциала, в частности инвестирование в цифровизацию образовательного процесса, развитие практического обучения, налаживание сотрудничества с секторами национальной экономики. Принятие мер в указанных направлениях будет способствовать устойчивому развитию образовательной среды и подготовке высококвалифицированных специалистов, востребованных на рынке труда. Приводятся данные экспертного опроса на тему инновационного потенциала белорусских университетов. Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования системы управления в сфере университетского образования Республики Беларусь.

Ключевые слова: инновационный потенциал; высшее образование; университет; цифровизация высшего образования; инновация; национальная экономика.

INNOVATIVE POTENTIAL OF UNIVERSITIES OF THE REPUBLIC OF BELARUS

S. E. ANDREYEV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The prospects for increasing the innovative potential of Belarusian universities are being explored. The innovative potential is described as a key factor in the development of education, science and economy of the Republic of Belarus. It is noted that globalisation and accelerated technological progress, it is important not only to analyse account current trends in social development, but also to predict its dynamics. Perspective areas of the university's activities to build innovative potential are considered, in particular, investing in digitalisation, development of practical training and cooperation with sectors of the national economy. Taking measures in these directions will contribute to sustainable development of the educational environment and the training of highly qualified specialists in demand in the labour market. Provides data from an expert survey regarding the innovative potential of Belarusian universities. The results obtained can be used to improve the management system in the field of university education in the Republic of Belarus.

Keywords: innovation potential; higher education; university; digitalisation of higher education; innovation; national economy.

Образец цитирования:

Андреев СЕ. Инновационный потенциал университетов Республики Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;4:110–115.
EDN: EQWHEI

For citation:

Andreyev SE. Innovative potential of universities of the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;4:110–115. Russian.
EDN: EQWHEI

Автор:

Сергей Евгеньевич Андреев – аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор социологических наук, член корреспондент НАН Беларуси, профессор А. Н. Данилов.

Author:

Siargei E. Andreyev, postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
sergeyandreev0790@gmail.com

Введение

Инновационный потенциал университета определяется как совокупность ресурсов, компетенций и структурных механизмов, позволяющих осуществлять новые идеи и внедрять новые разработки в процесс обучения. В настоящее время учреждения высшего образования обладают возможностью реализовывать свой интеллектуальный и научный потенциал путем наращивания инновационной активности и организации предпринимательства в экономическом пространстве образовательной среды. Таким образом они могут доказать свою конкурентоспособность в генерации идей и коммерциализировать их на внутреннем и внешнем рынках.

В современных условиях наблюдается построение новой модели образования, которая «...предполагает не отказ от имеющихся практик обучения, а их трансформацию. Прорыв к новому должен быть сопряжен с обновлением ценностных оснований цивилизационного развития человечества» [1, с. 8].

Как отмечает Е. М. Бабосов, перед обществом сегодня стоят две задачи: «...первая из них состоит в том, чтобы повысить мотивацию по всей цепочке осуществления инновационной деятельности, начиная с разработки новых идей и заканчивая реализацией новых технико-технологических разработок в производстве качественно более совершенных, привлекательных для потребителей продуктов и услуг. Вторая, еще более масштабная задача заключается в том, чтобы осуществить качественный сдвиг в реальном повышении инновационной восприимчивости предприятий» [2, с. 69]. При этом основной целью реализации инновационных стратегий, по мнению Г. Н. Соколовой, выступают «обновление производительного потенциала общества и рост его благосостояния» [3, с. 54].

Большинство ученых-социологов, занимающихся разработкой данной проблемы, например Л. Г. Титаренко, М. Г. Волнистая и Л. В. Филинская, исследуют принципы использования информационных технологий и условия внедрения инноваций [4–6]. Е. Е. Кучко отмечает, что особую важность представляет социологическое исследование инноваций, обусловленное «усилением тенденций повышения социальной динамики и усложнения структуры и функционирования социальных систем, с одной стороны, и необходимостью получения адекватной информации о их состоянии и перспективах с целью оптимизации их развития через систему социального управления и регулирования, с другой» [7, с. 47]. Е. А. Сапелкина и В. А. Симхович акцентируют внимание на роли потенциала молодежи в инновационном развитии Беларуси [8; 9].

Проведенные исследования свидетельствуют о том, что от образования напрямую зависит устойчивость развития цивилизации. Так, в 2024 г. в рей-

тинге «Глобальный индекс инноваций» по субиндексу «Человеческий капитал и исследования» Беларусь занимает 43-е место среди 133 стран¹. По индикатору «Выпускники по точным и инженерным наукам» наша страна занимает 13-е место.

Наращивание инновационного потенциала белорусских университетов возможно в рамках нескольких ключевых направлений. В первую очередь следует сказать об усовершенствовании образовательных программ. В учебных планах должны быть представлены актуальные дисциплины и темы, связанные с внедрением новых технологий. Осваивать знания из различных областей студентам поможет посещение междисциплинарных курсов.

Значимым направлением выступает сотрудничество с индустрией. Тесное взаимодействие университета с бизнес-структурами позволит учитывать потребности рынка и создавать актуальные продукты. По мнению В. И. Бельского, внедрение нововведений меняет требования к трудовым ресурсам. Так, «представляется важным сформировать системное видение трансформации образования, рынка труда и реальной готовности членов социума к осуществлению эффективной деятельности в новых условиях» [10, с. 145].

Не меньшую важность в направлении инновационного потенциала имеют научные исследования и разработки. Увеличение финансирования на проведение исследований, создание лабораторий и инкубаторов стартапов способствуют развитию инновационной образовательной среды. Важно поддерживать исследовательские группы и обеспечивать их доступом к современному оборудованию: «...в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ... университеты выступают в качестве партнеров по созданию инноваций» [11, с. 291].

Участие в международных программах обмена студентами, сетевые проекты с зарубежными университетами и научными центрами помогут белорусским учреждениям высшего образования внедрить новые идеи и технологии и привлечь инвесторов. Как отмечают российские исследователи, «институт наставничества в современном воплощении должен войти в самые разные сферы жизни общества: в образование, предпринимательство, производство, а также в культуру и спорт» [12, с. 114].

Заметную роль в развитии инновационного потенциала играет менторство. Так, менторы, работающие в индустрии, могут помочь университетам и исследовательским центрам учитывать тренды развития и потребности рынка, что будет способствовать более целенаправленному проведению научных исследований и эффективности образовательных программ.

¹The global innovation index 2024: innovation in the face of uncertainty / ed. by S. Dutta, B. Lanvin, L. R. León, S. Wunsh-Vincent. Geneva : WIPO, 2024. 6 p.

Повышение квалификации преподавателей и исследователей, привлечение иностранных специалистов и экспертов позволит внести свежие идеи и новые образовательные практики в процесс обучения. Как отмечает российский исследователь Г. Е. Зборовский, «качественное развитие научно-педагогических работников видится в приобретении ими новых компетенций, прежде всего в научно-исследовательской и инновационной деятельности» [13, с. 111].

Активное участие государства в поддержке образовательных и научных инициатив, связанных с внедрением инноваций, является одним из важных факторов наращивания инновационного потенциала университетов. При этом исследователи отмечают важность сотрудничества Беларуси со странами ЕАЭС: «...для устранения препятствий в развитии сотрудничества в сфере высшего образования в ЕАЭС необходимо законодательно закрепить интеграцию на наднациональном уровне и гармонизировать правовые нормы, сформировать консультативный совет как межправительственный институт, который будет заниматься образованием в ЕАЭС» [14, с. 150]. Сотрудничество с зарубежными организациями и университетами способствует обмену знаниями и опытом, а также внедрению международных стандартов образования. Совместные исследовательские проекты, повышение квалификации преподавателей

и улучшение качества образования дают возможность белорусским университетам интегрироваться в глобальное образовательное пространство.

Инновационный потенциал современного университета представляет собой сложный объект для изучения. Российские социологи отмечают, что «многие представители университетского менеджмента не интегрированы в академическое сообщество и имеют фрагментарное представление о ресурсном потенциале» научно-педагогического сообщества и «закономерностях его функционирования и развития» [15, с. 281]. Условием стабильного развития инновационного потенциала является постоянное совершенствование знаний как преподавателей, так и студентов [15; 16]. Участие в семинарах, тренингах и конференциях позволяет обмениваться опытом и внедрять новые методы в образовательный процесс.

По словам А. М. Осипова, «влияние образования на общество должно рассматриваться в контексте корпуса институциональных функций образования, охватывающего сферы социального развития, экономики, культуры и политики, иначе государство рискует утратить контроль над отраслью» [17, с. 163]. Университет должен стать не только местом получения знаний, но и активным участником инновационного процесса, способным генерировать и реализовывать идеи.

Методология исследования

Объектом исследования являются учреждения высшего образования Республики Беларусь. В качестве предмета изучения выступает инновационный потенциал современного столичного университета. В ходе работы был проведен опрос. Респондентами стали 15 преподавателей, имеющих степень кандидата наук. Среди них 4 преподавателя специализируются в области технических наук, 3 преподавателя – в области социологических наук, 2 преподавателя – в области психологических наук, 2 преподавателя – в области физико-математических наук, 2 преподавателя – в области юридических

наук, 1 преподаватель – в области сельскохозяйственных наук, 1 преподаватель – в области экономических наук.

Таким образом, целью настоящего исследования является определение текущего состояния инновационного потенциала современного университета. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: выявлены факторы, влияющие на формирование инновационного потенциала белорусских университетов, произведена оценка его текущего состояния, определены перспективы его развития.

Результаты и их обсуждение

Сегодня университеты во всем мире являются одними из основных драйверов внедрения инноваций. Участие учреждений высшего образования в этом процессе проявляется в нескольких аспектах. Среди них можно выделить проведение научных исследований и разработок, подготовку кадров, сотрудничество с индустрией, работу с бизнес-инкубаторами и бизнес-акселераторами.

Участникам исследования был задан вопрос: «Какие вызовы и преграды существуют при развитии инновационного потенциала белорусского образования?» Респонденты указали на недостаточное количество квалифицированных кадров, слабое фи-

нансирование инновационных студенческих стартап-проектов, а также недостаток мотивации у преподавателей и студентов к использованию инноваций. По словам одного из преподавателей, низкая мотивация у студентов вызвана отсутствием практического опыта, непониманием ценности инноваций и страхом перед возможной неудачей.

Преодоление указанных преград требует комплексного решения. Оно предполагает в первую очередь совершенствование образовательных программ, увеличение финансирования, развитие культуры инноваций и активное сотрудничество между всеми участниками образовательного процесса. По-

добные меры позволят создать благоприятную среду для развития инновационного потенциала в белорусском образовании.

Ответы респондентов на вопрос: «Какие Вы видите перспективы развития инновационного потенциала в белорусских университетах и в образовательной сфере в целом?» – существенно отличались. Так, были отмечены следующие позиции:

- цифровизация образования, способная повысить его доступность и эффективность и предоставить студентам возможность самостоятельно управлять процессом своего обучения (создание онлайн-курсов, использование образовательных платформ, интерактивных технологий, онлайн-тестирование);
- практико-ориентированное обучение, важность которого обусловлена возможностью применить теоретические знания студентов в реальных условиях, что, в свою очередь, требует налаживания тесных связей с бизнесом и промышленностью;
- создание инклюзивной образовательной среды, учитывающей разные потребности учащихся (в том числе с ограниченными возможностями), что требует соответствующей адаптации учебных планов и методов преподавания;
- непрерывное профессиональное развитие инновационного потенциала;
- партнерство с международными организациями.

При этом всеми респондентами было отмечено, что основным результатом реализации указанных мер является повышение эффективности, устойчивости и доступности качественной образовательной среды. По мнению всех экспертов, государственная политика, направленная на реформирование системы образования, может включать внедрение современных стандартов обучения, развитие программ повышения квалификации для преподавателей и интеграцию практического опыта в образовательный процесс. Подобные меры будут способствовать подготовке специалистов, компетентных в сфере инновационной экономики.

Чтобы образовательная система могла продуктивно развиваться и эффективно использовать исследовательский и творческий потенциал преподавателей и студентов, она должна опираться на научные достижения и учитывать приоритеты, формируемые мировым образовательным и научным сообществом. Так, один из респондентов отметил, что специалистам высшей школы следует активно включаться в мировое научное и образовательное пространство посредством участия в международных конкурсах, проектах и конференциях.

Также в ходе исследования респондентам был задан вопрос: «Какова роль международного сотрудничества в развитии инновационного потенциала белорусского образования?» Участниками опроса было отмечено, что международное деловое партнерство является локомотивом инновационного развития университетского образования. Оно представляет собой взаимовыгодное и целенаправленное сотрудничество с научными и образовательными учреждениями разных стран, нацеленное на обмен интеллектуальными ресурсами и укрепление культурных и деловых связей.

Под инновационным подходом в образовании подразумевается введение новых идей, методов или проектов в традиционный образовательный процесс. На вопрос: «Как происходит подготовка преподавателей к применению инновационных подходов в образовании и какие практические навыки необходимы для успешной работы с инновациями?» – респонденты ответили, что данная подготовка осуществляется путем освоения передовых технологий, а также путем поиска новых методик и программ и их внедрения в образовательный процесс.

Один из респондентов указал на то, что преподаватель должен обладать не только педагогическими, но и предпринимательскими навыками. Мало создать формулу – необходимо иметь предпринимательские компетенции. Так, в настоящее время во всем мире распространяется тенденция создания технопарков на базе университетов.

На вопрос: «Какие примеры успешного внедрения инноваций в белорусских университетах Вы можете назвать?» – больше половины преподавателей ответили, что значительная доля инноваций, таких как электронные учебники или дистанционное обучение, уже успели устареть. При этом респондентами были отмечены достижения студентов из технопарка «Уни-техпром БГУ» и научно-технологического парка БНТУ «Политехник».

Участникам опроса было также предложено дать рекомендации по дальнейшему развитию инновационного потенциала белорусского образования. Среди внесенных респондентами предложений были следующие позиции:

- повышение квалификации преподавателей;
- использование талантов (знаний) студентов и преподавателей;
- стажировка студентов в бизнес-компаниях;
- обмен знаниями и разработками между университетами и бизнес-структурами.

Заключение

Результаты исследования показывают, что формирование инновационного потенциала университета во многом определяется наличием квалифи-

цированных специалистов. Компетенции и опыт преподавателей и исследователей играют решающую роль в успешной реализации инновационных

инициатив. Однако качество человеческого капитала является лишь одним из аспектов, влияющих на инновационное развитие университета.

Учреждения высшего образования выполняют функции центра фундаментальных и прикладных исследований в разных научных областях. Предложенные университетами разработки способствуют созданию новых знаний, технологий и методов, которые могут быть применены в обществе и индустрии. В этой ситуации инновационное образование, являющееся частью культуры, выступает в качестве центра, наполняющего содержанием происходящие перемены, и становится ценностной матрицей новой реальности.

Образование выполняет роль фундамента для стабильного развития нового общества. В образовательном секторе происходит активное осовремени-

вание форм управления, методов работы учебного заведения. Осознание новых социальных вызовов требует совершенствования модели образования. Она должна максимально эффективно использовать инновационный потенциал.

Для развития инновационного потенциала современного университета необходимо создать инфраструктуру, готовую оказывать грантовую поддержку и помощь во внедрении той или иной технологии в производство (создание прототипа) для студентов, магистрантов и аспирантов. Важное значение в данном контексте приобретают центры трансфера технологий, которые содействуют внедрению научных разработок в промышленность, что способно не только повысить качество образования, но и создать новые рабочие места и повысить показатели экономического развития.

Библиографические ссылки

1. Данилов АН. Система образования: потенциал и перспективы. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2024;3:4–8.
2. Бабосов ЕМ. Формирование и функционирование национальной инновационной системы. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2012;5:60–69.
3. Соколова ГН. Социальные проблемы реализации инновационной стратегии в Республике Беларусь. *Социологический альманах*. 2010;1:49–58.
4. Волнистая МГ. *Современный профиль университетского образования: перспективы развития и риски*. Минск: РИВШ; 2023. 210 с.
5. Титаренко ЛГ. Культура использования цифровых инновационных технологий студентами: проблемы и риски. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2024;2:52–57.
6. Филинская ЛВ, Левицкая ИВ, Мисун, АА. Искусственный интеллект и образование: проблемы, риски, перспективы. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2024;3:71–77.
7. Кучко ЕЕ. Социологическое изучение инноваций. *Социологический альманах*. 2012;3:42–47.
8. Сапелкин ЕП. Развитие инновационного потенциала молодежи в условиях системной модернизации экономики и общества (структурно-функциональный подход). *Социология*. 2011;1:74–82.
9. Симхович ВА. Инновационная активность современной белорусской молодежи. В: Грунт ЕВ, Меренков АВ, редакторы. *Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования*. Екатеринбург: Издательство ИСТУ; 2017. с. 905–916.
10. Бельский В, Тригубович Л. Формирование кадрового потенциала для инновационной сферы. *Науки и инновации*. 2017;2:41–45.
11. Сидорова АА. Сотрудничество университетов и бизнеса: направления взаимодействия. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2019;2:290–302.
12. Гаспаршвили АТ, Крухмалева ОВ. Наставничество как социальный феномен: современные вызовы и новые реалии. *Народное образование*. 2019;5:109–115.
13. Зборовский ГЕ, Амбарова ПА. Научно-педагогическое сообщество вузов России как объект мобилизации ресурсности. *Вестник Института социологии*. 2023;14(4):271–287. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.15
14. Осадчая ГИ, Юдина ТН. Высшее образование в Евразийском экономическом союзе: потенциал и проблемы сотрудничества. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2024;1:140–154. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-140-154.
15. Зборовский ГЕ, Амбарова ПА, Каташинских ВС, Кеммет ЕВ. Ресурсность научно-педагогического сообщества университетов УрФО: опыт качественного исследования. *Высшее образование в России*. 2023;5:71–88. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-71-88.
16. Зборовский ГЕ, Амбарова ПА. Мечта о хорошем образовании: противоречия развития образовательных общностей в российских университетах. *Мир России*. 2019;28(2):98–124. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-98-124.
17. Осипов АМ. К научной трактовке общественной эффективности образования. *Вестник Института социологии*. 2024;15(3):156–171. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.9.

References

1. Danilov AN. The education system: potential and prospects. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2024; 3:4–8. Russian.
2. Babosov EM. Formation and functioning of the national innovation system. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2012;5:60–69. Russian.

3. Sokolova GN. Social problems of realisation of the innovative strategy in the Republic of Belarus. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 2010;1:49–58. Russian.
4. Volnistaya MG. *Sovremennyi profil' universitetskogo obrazovaniya: perspektivy razvitiya i riski* [The modern profile of university education: development prospects and risks]. Minsk: National Institute For Higher Education; 2023. 210 p. Russian.
5. Titarenko LG. The culture of using digital innovative technologies by students: problems and risks. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2024;2:52–57. Russian
6. Filinskaya LV, Levitskaya IV, Misun AA. Artificial intelligence and education: challenges, risks and prospects. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2024;3:71–77. Russian.
7. Kucko EE. The sociological study of innovations. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 2012;3:42–47. Russian.
8. Sapelkin EP. [Development of the innovative potential of youth in the context of systemic modernisation of the economy and society (structural and functional approach)]. *Sotsiologiya*. 2011;1:74–82. Russian.
9. Simkhovich VA. [Innovative activity of modern Belarusian youth]. In: Grunt EV, Merenkov AV, editors. *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya* [Culture, personality, society in the modern world: methodology, empirical research experience]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo ISTU; 2017. p. 905–916. Russian.
10. Bel'skii V, Trigubovich L. The problem of innovative personnel potential formation. *Nauki i innovatsii*. 2017;2:41–45. Russian.
11. Sidorova AA. University-business cooperation: directions of interaction. *RUDN Journal of Economics*. 2019;2:290–302. Russian.
12. Gasparishvili AT, Krukhmaleva OV. Mentoring as a social phenomenon: contemporary challenges and new realities. *Narodnoe obrazovanie*. 2019;5:109–115. Russian.
13. Zborovsky GE, Ambarova PA. Scientific and Pedagogical Community of Russia Universities as an Object of Resource Mobilisation. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2023;14(4):271–287. Russian. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.15.
14. Osadchaya GI, Yudina TN. Higher education in the Eurasian Economic Union: potential and problems of cooperation. *RUDN Journal of Sociology*. 2024;1:140–154. Russian. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-140-154.
15. Zborovsky GE, Ambarova PA, Katashinskikh VS, Kemmet EV. Resource capacity of academic staff of Ural Federal District Universities: qualitative research. *Higher Education in Russia*. 2023;5:71–88. Russian. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-71-88.
16. Zborovsky GE, Ambarova PA. The dream of quality education: contradictions in the development of educational communities in Russian universities. *Mir Rossii*. 2019;28(2):98–124. Russian. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-98-124.
17. Osipov AM. Towards a scientific interpretation of the social effectiveness of education. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2024; 15(3):156–171. Russian. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.9.

Статья поступила в редколлегию 02.11.2024.
Received by editorial board 02.11.2024.

УДК 323.2

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

А. В. ЧЕРНИК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуется деятельность аналитических центров в Республике Беларусь. Описывается история их создания. Отмечаются основные цели и задачи подобных учреждений, а также их влияние на развитие общества и государства. Выявляются факторы, обусловившие становление аналитических центров в постсоветский период. Подчеркивается, что в условиях неопределенности, экономических и политических преобразований, присущих постсоветскому периоду, в Беларуси сложилась многовекторная система аналитических структур, специализирующихся на исследовании различных направлений государственной политики. Особое внимание уделяется работе центров, образованных на базе учреждений высшего образования. Такие центры активно занимаются мониторингом общественного мнения, осуществляют информационно-аналитическую, консультационную и иную деятельность. Репрезентируются экспертные возможности аналитических центров и формы их участия в социально-экономическом и политическом процессах. Прослеживается непростой путь становления и реформирования данных организаций в ходе постепенной адаптации к условиям нового времени. Делается вывод о том, что аналитические центры представляют собой важнейший инструмент стратегического планирования, принятия политико-управленческих решений и разработки рекомендаций в различных областях социально-экономического развития государства.

Ключевые слова: аналитические центры; постсоветское пространство; государственное управление; стратегическое планирование.

Благодарность. Автор выражает благодарность кандидату философских наук, доценту Г. И. Касперович.

ACTIVITIES OF ANALYTICAL CENTRES IN THE REPUBLIC OF BELARUS: HISTORY OF CREATION, GOALS AND OBJECTIVES

A. V. CHERNIK^a

^aBelarusian State University of Culture and Arts,
17 Rabkorawskaia Street, Minsk 220007, Belarus

Abstract. The activities of analytical centres in the Republic of Belarus are examined. The history of their creation is described. The main goals and objectives of such institutions are noted, as well as their impact on the development of society and the state. The factors that determined the formation of analytical centres in the post-Soviet period are identified. It is emphasised that in the conditions of uncertainty, economic and political transformations inherent in the post-Soviet period, a multi-vector system of analytical structures specialising in research of various areas of public policy has developed in

Образец цитирования:

Черник АВ. Деятельность аналитических центров в Республике Беларусь: история создания, цели и задачи. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2024;4:116–121.
EDN: QDLTGY

For citation:

Chernik AV. Activities of analytical centres in the Republic of Belarus: history of creation, goals and objectives. Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2024;4:116–121. Russian.
EDN: QDLTGY

Автор:

Андрей Васильевич Черник – начальник административно-хозяйственного отдела.

Author:

Andrey V. Chernik, head of the administrative and economic department.
ekabpils75@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0001-7848-7862>

the country. Special attention is paid to the work of analytical centres formed on the basis of higher education institutions. Such centres are actively engaged in monitoring public opinion, carrying out information-analytical, consulting and other activities. The export capabilities of analytical centres and the forms of their participation in socio-economic and political processes are represented. The difficult path of formation and reform of these organisations in the process of gradual adaptation to the conditions of new times is traced. It is concluded that analytical centres represent the most important tool for strategic planning, political and managerial decisions and the development of recommendations in the areas of socio-economic and political development of the state.

Keywords: analytical centres; post-Soviet space; public administration; strategic planning.

Acknowledgements. The author expresses gratitude to the PhD (philosophy), docent G. I. Kasperovich.

Введение

Сегодня деятельность аналитических центров имеет важнейшее значение. Они представляют данные и прогнозы по самым разным сферам общественной жизни, проводят экспертную оценку злободневных событий, происходящих как внутри страны, так и за ее пределами, осуществляют анализ актуальных направлений социального развития в целях принятия конструктивных решений. Аналитический центр является неотъемлемым элементом стратегического управления, важнейшим инструментом поддержки управленческой деятельности и разработки действенных рекомендаций в различных областях

социально-экономического и политического развития государства. Возникновение такого феномена, как аналитический центр, было ответом на растущую потребность государства в осмыслении проблемных точек в развитии общества и необходимости разработки стратегий преодоления кризисов. Одной из предпосылок появления аналитических центров в Республике Беларусь стал распад СССР. Каждой из постсоветских стран пришлось столкнуться со сложностями в процессе социально-экономических и политических преобразований. Новые вызовы требовали принятия грамотных управленческих решений.

Материалы и методы исследования

Основу исследования составляют общелогические, общенаучные и частнонаучные методы (в частности, диалектический, системно-структурный, терминологический). Также в ходе работы были применены сравнительный, коммуникативный, историко-описательный и иные методы.

Исследование проведено с использованием данных, представленных в научных трудах отечественных и зарубежных ученых: Я. С. Артамоновой, Л. В. Богатырёвой, А. Н. Данилова, А. Н. Елсукова, Д. Ю. Иванова, С. В. Решетникова, А. П. Ситникова, Д. Г. Ротмана, А. Ю. Сунгурова, В. А. Филиппова и др.

Результаты и их обсуждение

Распад Советского Союза в 1991 г. стал epochalным событием, которое изменило не только политическую карту мира, но и социально-экономическую структуру каждой из стран бывшего СССР. В сложный период обретения независимости аналитические центры стали для бывших советских республик важнейшим инструментом в генерировании новых идей, принятии политических решений и формировании общественного мнения.

Буквально сразу после распада СССР в постсоветских странах начался процесс перехода к рыночной экономике и созданию демократических институтов. Условия неопределенности актуализировали потребность в проведении научных исследований в области общественных процессов и получении экспертных оценок. Этот информационный вакуум начали заполнять первые аналитические центры.

О существовании аналитических центров как о самостоятельном институте интеллектуального обеспечения деятельности государственных органов, бизнес-структур и общества в целом, а также как об

особой форме организации экспертного сообщества было известно еще в советское время. Прототипы современных аналитических центров создавались еще при КПСС. Они рассматривались исключительно как субъекты политики, поэтому становление подобных структур в постсоветский период имело неустойчивый характер и их функционирование неоднократно претерпевало существенные преобразования. В условиях резких политических и социально-экономических колебаний подобные центры развивались достаточно медленно. Свой авторитет они завоевывали постепенно за счет новых ориентиров и специфики работы, отличной от работы академических институтов и исследовательских научных центров в традиционном их понимании [1]. В число первоочередных задач данных организаций входили анализ и экспертная оценка проводимой государственной политики, а также разработка рекомендаций по повышению ее эффективности. Данные функциональные характеристики аналитических центров и легли в основу их доктринального определения.

Согласно дефиниции, предложенной Я. С. Артамоновой, под аналитическими центрами подразумеваются «научно-экспертные (аналитические) организации, которые осуществляют исследовательскую, консультационную и прочую деятельность по государственным, коммерческим или некоммерческим контрактам, преимущественно в области политического производства и оценки результатов и возможных последствий политических решений» [2, с. 59].

Переход от советского прошлого к новым реалиям актуализировал потребность общества и государства в иных методах управления экономическими и социально-политическими процессами. Спрос на проведение серьезного экспертного анализа управленческих решений и разработку рекомендаций для государственных органов и бизнес-структур постоянно повышался [3]. Кроме того, аналитические центры стали выполнять роль переговорных площадок для обсуждения актуальных вопросов между заинтересованными сторонами.

С течением времени аналитические центры стали специализироваться на отдельных областях науки, таких как экономика, политика, экология, социальные вопросы и т. д. Некоторые из них ориентировались на исследования в сфере международных отношениях, другие сосредоточили свое внимание на изучении внутренних проблем страны. В результате динамичного развития аналитические центры постепенно стали обретать статус важнейшего инструмента поддержки управленческой деятельности и разработки действенных рекомендаций в различных областях социально-экономического и политического развития государства [4, с. 141].

Еще в начале 1990-х гг., когда наша страна находилась на этапе серьезных испытаний во внутриполитическом, экономическом и социокультурном измерениях, обрела независимость, признание, правовое и международное оформление своей государственности, проводилась активная работа по созданию аналитических центров. Кроме того, был преобразован целый ряд ранее существовавших научно-экспертных учреждений. В целях эффективного и стабильного развития страны важное значение имела постоянная актуализация аналитической информации по ключевым направлениям государственной политики. С учетом новых потребностей в стране постепенно сложилась многовекторная система аналитических структур, деятельность которых была направлена на разработку стратегии государственной политики в различных сферах общественной жизни [5]. Характерными чертами данной системы являлись ведомственная разветвленность и профессиональная специализация.

В целях повышения результативности экономических исследований и наращивания потенциала экономической науки был образован Научно-исследовательский экономический институт Министер-

ства экономики Республики Беларусь. Примечательно, что история его создания берет свое начало еще в 1930 г. В настоящее время институт является головным научно-исследовательским учреждением республики по подготовке государственных прогнозов и программ социально-экономического развития страны.

Ряд аналитических центров являлись или являются неотъемлемым звеном системы Администрации Президента Республики Беларусь. Среди них следует выделить некоторые учреждения.

В 1997 г. был образован Институт социально-политических исследований при Администрации Президента Республики Беларусь, который долгое время являлся научно-исследовательским учреждением первой категории и осуществлял информационно-аналитическое обеспечение деятельности государственных органов. Он представлял Республику Беларусь в системе межгосударственного обмена социально-политической информацией между странами – участницами СНГ, а также в рамках Союзного государства России и Беларуси. На протяжении многих лет институт оставался ведущим научным центром в области социальных и политических исследований. К основным направлениям его работы следует отнести анализ социально-политических процессов в республике и за ее пределами, формирование основных принципов и направлений внешнеполитической деятельности государства, изучение вопросов сохранения историко-культурного наследия, формирование идейно-патриотических основ белорусской государственности и др.

В 2006 г. Институт социально-политических исследований при Администрации Президента Республики Беларусь прекратил свое существование в связи с созданием Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь. Работа данного центра была направлена на совершенствование информационно-аналитического обеспечения деятельности Президента Республики Беларусь и Администрации Президента Республики Беларусь по социально-политическим вопросам. В число ключевых задач, решаемых центром, входили анализ внутривнутриполитических процессов, оценка политической ситуации в стране, подготовка предложений, направленных на оптимизацию взаимоотношений между государственной властью и обществом, установление источников возможных политических конфликтов, разработка мер по предотвращению развития кризисов, создание стратегий и технологий по формированию имиджа политиков и др.

В 2019 г. Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь был упразднен. Его заменил Белорусский институт стратегических исследований. В настоящее время он осуществляет информационно-аналитическое

обеспечение деятельности государственных органов и должностных лиц по стратегическим направлениям внешней и внутренней политики, исследование тенденций развития международных, общественно-политических и социально-экономических процессов. Институт готовит аналитику и экспертные заключения для лиц, принимающих решения государственной важности. Сегодня институт является самым молодым научно-исследовательским учреждением в Беларуси, ведущим научный поиск эффективных решений по наиболее проблемным для страны внешнеполитическим и внутриполитическим вопросам. В 2022 г. учреждение расширило свою деятельность, открыв филиалы во всех областных центрах республики. В своей деятельности институт использует собственную разработку – автоматизированную систему мониторинга информационных ресурсов и социальных медиа «Инфометрика». По своему месту в государственной системе, основным задачам и функциям Белорусский институт стратегических исследований можно сравнить с Российским институтом стратегических исследований, который играет ведущую роль в информационно-аналитическом обеспечении федеральных органов государственной власти при формировании стратегических направлений государственной политики Российской Федерации [6].

В 1998 г. был образован Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. С 1 июля 2024 г. он известен как Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь. Его работа связана с проведением научных исследований и разработок в области права, включая фундаментальные и прикладные исследования, экспериментальные работы, направленные на увеличение объема знаний в области права и повышение эффективности использования этих знаний, в том числе в целях обеспечения нормотворческой деятельности. В число приоритетных задач центра входят осуществление аналитических и научных исследований состояния, тенденций развития и практики применения законодательства, разработка предложений по его совершенствованию в соответствии с утвержденными планами по поручению Президента Республики Беларусь, Администрации Президента Республики Беларусь либо на основе заключенных договоров и т. д.

Значительная часть аналитических центров в республике были созданы при Национальной академии наук Беларуси. Так, Институт социологии, Институт экономики и Институт философии НАН Беларуси выступают в качестве головных организаций по выполнению государственных программ научных исследований, касающихся наиболее приоритетных направлений научной, научно-технической и инновационной деятельности, на пятилетний период.

Широкую известность в нашей стране получили аналитические центры, образованные на базе уч-

реждений высшего образования. Одним из первых и наиболее авторитетных среди них стал Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, основанный 16 декабря 1996 г. Он был создан благодаря усилиям профессора Д. Г. Ротмана, который и возглавлял учреждение до начала 2024 г. Центр продолжил традиции первого белорусского социологического учреждения – Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований БГУ, основанной еще в 1967 г. и ставшей «колыбелью социологической науки в республике» [7, с. 33], ведь именно в ее структурах сформировалась плеяда известных в стране и за ее пределами ученых-социологов. В настоящее время Центр социологических и политических исследований БГУ является одной из ведущих социологических служб Беларуси. Учреждение выполняет полный комплекс исследовательских работ: от разработки программ социологического мониторинга до презентации аналитических отчетов. В центре была сформирована первая на постсоветском пространстве методология оперативных социологических исследований, разработанная Д. Г. Ротманом. Сегодня структура обладает значительным опытом теоретических и прикладных исследований в сфере социологии молодежи, образования, политики, СМИ, маркетинга. У нее есть собственный уникальный банк данных социологической информации за период с 1986 г. Центр располагает республиканской опросной сетью и службой контроля качества сбора данных [7, с. 35]. Основными направлениями деятельности организации являются изучение проблем студенческой молодежи, первичной и вторичной социализации, профессиональной ориентации, качества образования и воспитания и их роли в формировании мировоззрения молодежи, исследование функционирования политических институтов, особенностей политической культуры, электорального поведения различных социальных групп, анализ состояния информационного поля Республики Беларусь и социальное моделирование средств оптимизации воздействия СМИ на общественное мнение, поиск действенных мер по защите молодого поколения от ценностного перепрограммирования, обусловленного высокой интегрированностью виртуального информационно-коммуникативного пространства в повседневную реальность и возрастающим влиянием социальных сетей на становление системы идеалов и ценностей молодежи и т. д. [8]. Потенциал возможностей центра огромен, что позволяет ему оставаться важнейшим инструментом изучения общества, особенно в периоды экономической и политической нестабильности. В условиях социальной неопределенности чрезвычайно важно сохранить устойчивость развития государства, стабильные показатели экономики и эффективно использовать имеющиеся ресурсы для нужд страны и будущих поколений.

Значительную роль в аналитическом обеспечении внешней политики Республики Беларусь с марта 2000 г. играет Центр международных исследований факультета международных отношений БГУ, созданный при участии Министерства иностранных дел Республики Беларусь. Структура включена во всемирный каталог аналитических центров «Мировые фабрики мысли» (World Directory of Think Tanks) [9] и выступает партнером Форума Шанхайской организации сотрудничества. Основные задачи центра включают поддержку развития национальной школы международных исследований посредством создания эффективной коммуникационной среды для ученых, экспертов и дипломатов, а также укрепление связей гражданского общества и представителей академической науки.

Среди аналитических центров, ведущих свою работу в структуре учреждений образования, широкую известность получил Научно-исследовательский институт теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь, осуществляющий научную, информационно-аналитическую, консультационную и иную деятельность в сфере государственного управления, государственной кадровой политики

и государственной службы, формирования идеологии и т. д. Институт был создан в 2000 г. на базе научно-исследовательского центра управления экономикой и кадровой политики, функционирующего при академии с 1994 г. Работа учреждения направлена на научно-техническое обеспечение деятельности Администрации Президента Республики Беларусь. На протяжении последних лет институт осуществляет подготовку большого количества аналитических материалов и методических рекомендаций для работников идеологической вертикали, принимает активное участие в организации и проведении социологических исследований («Консолидация белорусского общества – 2021», «Молодежь на государственной службе – 2022» и др.).

В рамках данного исследования нами описана деятельность аналитических центров Республики Беларусь, имеющих статус государственных и выполняющих наиболее масштабные научные исследования в политике, экономике, юриспруденции, социологии и т. д. Следует отметить, что центры такого уровня осуществляют консультации по внутриполитическим и международным вопросам, тем самым давая возможность принимать рациональные решения на всех уровнях власти.

Заключение

Аналитические центры являются важнейшим инструментом управленческой деятельности, разработки эффективных рекомендаций в различных областях социально-экономического и политического развития государства, предоставления аналитических данных и экспертных прогнозов в целях принятия эффективных решений по наиболее проблемным для страны вопросам. Потребность в мониторинге общественных процессов, качественных экспертных оценках и научных исследованиях возникла еще задолго до распада СССР. Особую актуальность она приобрела в постсоветский период, в ходе обретения независимости бывшими советскими республиками, включая Беларусь. Роль аналитических центров неуклонно растет и в наши дни, что обусловлено динамикой информационной среды, цифровой модернизацией всех сфер жизни общества, непрекращающимся санкционным давлением и социальной неопределенностью. В таких обстоятельствах качественный анализ, прогнозирование и поиск альтернативных сценариев становятся ключевыми элементами успешного государственного управления.

В Республике Беларусь сложилась многовекторная система аналитических центров, деятельность которых направлена на разработку стратегии государственной политики в различных сферах общественной жизни. Характерными чертами данной

системы являются ведомственная разветвленность и профессиональная специализация.

Особую значимость для нашей страны приобрели аналитические центры, образованные при НАН Беларуси, а также на базе учреждений высшего образования. Подобные центры внесли огромный вклад в создание национальных школ научных исследований по социальным вопросам, международным проблемам, оказали значительное влияние на развитие образования и науки.

Функциональные возможности крупных аналитических центров, таких как Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь и Белорусский институт стратегических исследований, а также ряда институтов в структуре НАН Беларуси, при министерствах и ведомствах способствуют эффективному государственному управлению. Анализ внутригосударственных и международных процессов, экспертная оценка рисков, максимально быстрое и адекватное реагирование на возможные угрозы и вызовы, научный поиск по приоритетным темам, моделирование и изучение возможных сценариев динамики внутренней и внешней политики, разработка стратегий коммуникаций населения с государственными структурами и бизнес-сообществом позволяют аналитическим центрам вносить свой вклад в устойчивое развитие государства.

Библиографические ссылки

1. Самойленко АМ, Кудинов КО. Современный инструментарий российских аналитических центров. В: Бочарников ИВ, Ремарчук ВН, редакторы. *Аналитические технологии в социальной сфере: теория и практика. Материалы Международной студенческой конференции; 18 мая 2023 г.; Москва, Россия*. Москва: НИЦ «Национальная безопасность»; 2023. с. 57–63.
2. Артамонова ЯС. Институционализация аналитических центров и современные социально-политические процессы. *Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения*. 2022;3(29):59–65.
3. Филиппов ВА. Аналитические центры – стратегический интеллектуальный ресурс. Москва: Ленанд; 2020. 103 с.
4. Балаян АА, Сунгуров АЮ. *Фабрики мысли в условиях глобальных трансформаций*. Санкт-Петербург: Алетея; 2022. 312 с.
5. Иванов ДЮ. Концепты политических картин мира евразийского пространства в коммуникативной практике аналитических центров. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2023;17(4):121–132. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-04-121-132.
6. Филиппов ВА. *Аналитические центры вчера и сегодня*. Москва: Ленанд; 2015. 136 с.
7. Данилов АН, Елсуков АН, Ротман ДГ. *Социология в Белорусском государственном университете: история, факты, документы*. Минск: БГУ; 2006. 144 с.
8. Данилов АН. Социологическая наука и образование в Беларуси: история и повестка дня на завтра. *Социология*. 2019;5:209–227.
9. Zhelanova V, Kryzhanovska V. Transformation of the activities of university analytical centers in the context of today's challenges. *Pedagogical Education: Theory and Practice. Psychology. Pedagogy*. 2024;2(40):13–18. DOI: 10.28925/2311-2409.2023.402.

References

1. Samoilenko AM, Kudinov KO. Modern tools of Russian analytical centers. In: Bocharnikov IV, Remarchuk VN, editors. *Analytical technologies in the social sphere: theory and practice. Materials of the International student conference; 2023 May 18; Moscow, Russia*. Moscow: NITs «Natsional'naya bezopasnost'»; 2023. p. 57–63. Russian.
2. Artamonova YaS. Institutionalisation of analytical centers and modern socio-political processes. *Humanitarian Bulletin of the Military Academy of Strategic Missile Forces*. 2022;3(29):59–65. Russian.
3. Filippov VA. *Analytical centers – a strategic intellectual resource*. Moscow: Lenand; 2020. 103 p. Russian.
4. Balayan AA, Sungurov AYU. *Fabrics of thought in the context of global transformations*. Saint Petersburg: Aleteia; 2022. 312 p. Russian.
5. Ivanov DYU. Concepts of political worldviews of the Eurasian space in the communicative practice of think tanks. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2023;17(4):121–132. Russian. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-04-121-132.
6. Filippov VA. *Analytical centers yesterday and today*. Moscow: Lenand; 2015. 136 p. Russian.
7. Danilov AN, Elsukov AN, Rotman DG. *Sociology at the Belarusian State University: history, facts, documents*. Minsk: Belarusian State University; 2006. 144 p. Russian.
8. Danilov AN. [Sociological science and education in Belarus: history and agenda for tomorrow]. *Sociology*. 2019;5:209–227. Russian.
9. Zhelanova V, Kryzhanovska V. Transformation of the activities of university analytical centers in the context of today's challenges. *Pedagogical Education: Theory and Practice. Psychology. Pedagogy*. 2024;2(40):13–18. DOI: 10.28925/2311-2409.2023.402.

Статья поступила в редакцию 17.08.2024.
Received by editorial board 17.08.2024.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Данилов А. Н. Совесть социологического сообщества: к 90-летию Ж. Т. Тощенко</i>	4
--	---

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Тощенко Ж. Т. Государственная власть и инженерно-техническая интеллигенция в период СССР и в годы современной России: от противостояния к сотрудничеству</i>	6
<i>Легчилин А. А., Сайганова В. С., Воробьева С. В. Географическая идентичность в условиях глобализации</i>	22
<i>Щербин В. К. Этапы формирования новейшей методологической парадигмы: от нарратологии и меметики к нарративной экономике и повествовательной социологии</i>	31

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Антонович И. И. Вестернизация и панамериканизация как социально-политические технологии строительства однополярного мира</i>	43
<i>Мудров С. А. Религиозный фактор в контексте теорий европейской интеграции</i>	59
<i>Шимов В. В. Эволюция политики Польши и Литвы в отношении Беларуси: причины и предпосылки</i>	68

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

<i>Лашук И. В. Теоретико-методологические подходы к изучению политической системы современного общества</i>	75
<i>Злотников А. Г. Управление демографическими волнами</i>	81
<i>Костюкевич С. В. Социологический анализ интеллектуализации белорусского общества</i>	88

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Бакытжанова А. А., Алимбекова Г. Т. Анализ репродуктивного здоровья казахстанских женщин в контексте социально-экономического неравенства: риски и методы его преодоления</i>	100
<i>Андреев С. Е. Инновационный потенциал университетов Республики Беларусь</i>	110
<i>Черник А. В. Деятельность аналитических центров в Республике Беларусь: история создания, цели и задачи</i>	116

CONTENTS

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

<i>Danilov A. N.</i> Conscience of the sociological community: on the 90 th anniversary of Zh. T. Toshchenko....	4
---	---

ARTICLES AND REPORTS

<i>Toshchenko Zh. T.</i> State power and engineering and technical intelligentsia in the period of the USSR and in the years of modern Russia: from confrontation to cooperation.....	6
<i>Liahchylin A. A., Saiganova V. S., Vorobyova S. V.</i> Geographical identity in the context of globalisation...	22
<i>Shcherbin V. K.</i> Stages of formation of the newest methodological paradigm: from narratology and metemetrics to narrative economics and storytelling sociology.....	31

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Antonovich I. I.</i> Westernisation and pan-Americanisation as socio-political technologies for building a unipolar world	43
<i>Mudrov S. A.</i> The religious factor in the context of the theories of European integration.....	59
<i>Shimov V. V.</i> Evolution of the policy of Poland and Lithuania towards Belarus: reasons and prerequisites	68

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

<i>Lashuk I. V.</i> Theoretical and methodological approaches to the study of the political system of modern society	75
<i>Zlotnikov A. G.</i> Managing demographic waves	81
<i>Kostyukevich S. V.</i> Sociological analysis of the intellectualisation of Belarusian society	88

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Bakytzhanova A. A., Alimbekova G. T.</i> Analysis of reproductive health of Kazakhstani women in the context of socio-economic inequality: risks and methods of overcoming it	100
<i>Andreyev S. E.</i> Innovative potential of universities of the Republic of Belarus	110
<i>Chernik A. V.</i> Activities of analytical centres in the Republic of Belarus: history of creation, goals and objectives.....	116

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), China National Knowledge Infrastructure.

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 4. 2024**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jsociol@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редактор *Е. В. Жерносек*
Технические редакторы *В. В. Пишкова, М. М. Баулина*
Корректоры *П. А. Нгомека, С. Р. Пинчук*

Подписано в печать 24.12.2024.
Тираж 97 экз. Заказ 1169.

Республиканское унитарное предприятие
«СтройМедиаПроект».
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2024

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 4. 2024**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jsociol@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September, 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editor *E. V. Zhernosek*
Technical editors *V. V. Pishkova, M. M. Baulina*
Proofreaders *P. A. Ngomeka, S. R. Pinchuk*

Signed print 24.12.2024.
Edition 97 copies. Order number 1169.

Republic Unitary Enterprise
«StroiMediaProekt».
License for publishing No. 02330/71, 23 January, 2014.
13/61 V. Haruzhaj Str.,
Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2024